

Министерство образования и науки Российской Федерации
Саратовский государственный технический университет
имени Ю.А. Гагарина

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И СТРАТЕГИИ
РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОГО
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА**

Под редакцией М. В. Ковалева и И. Р. Плева

Саратов 2015

УДК 94 (4) (430)

ББК 63.3 (4/8) (4Гем)

И 85

Сборник научных трудов посвящен узловым проблемам российской и германской истории XVIII-XX вв., сфокусированным в сфере интеллектуальных контактов. Он содержит статьи о двухсторонних научных и образовательных связях, немецкой диаспоре в России и ее виднейших представителях, идеологических взглядах и внешнеполитических стереотипах, войнах и их последствиях в общественном восприятии и судьбах конкретных людей. Авторами статей являются ученые из России, Германии, Чехии, Эстонии, Украины. Материалы представлены на русском и немецком языках.

Для научных работников, студентов и всех интересующихся историей российско-немецких связей.

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор

В.С. Мирзеханов

(Институт всеобщей истории РАН)

Доктор исторических наук, профессор

О.А. Лиценбергер

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы)

Одобрено

редакционно-издательским советом

Саратовского государственного технического университета

ISBN 978-5-7433-2823-9

© Саратовский государственный
технический университет, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия и Германия имеют необычайно прочные традиции интеллектуального сотрудничества, формировавшиеся на протяжении нескольких веков. Однако в минувшем XX столетии оно в значительной мере формировалось под влиянием идеологических факторов, а также зигзагов внешней и внутренней политики. К ним следует отнести опыт диктатур, мировых войн и революций. Они стали болевыми точками исторической памяти российского и немецкого народов, нашли отражение в их культуре. Несмотря на целый ряд драматических и даже трагических событий, российско-немецкий диалог не прекращался никогда, а интеллектуалам в этом процессе принадлежала особая роль.

В представленном на суд читателя сборнике помещены работы, раскрывающие различные феномены российско-немецких связей на протяжении XVIII-XX вв., сфокусированные, главным образом, в поле интеллектуального взаимодействия. Они наглядно демонстрируют разнообразие форм двухсторонних отношений. Авторы статей обратились к многообразным проблемам, таким как войны и их последствия в восприятии двух народов и в судьбах конкретных людей, российско-немецкие научные и образовательные связи, идеологические конструкты и внешнеполитические стереотипы.

Появление такого сборника в Саратове не случайно. На протяжении долгого времени Поволжье было одним из главных центров немецкой диаспоры в России, а в культурной и интеллектуальной жизни Саратова немецкий компонент играл огромную и неповторимую роль. Кроме того, саратовские ученые не раз обращались к немецкой тематике. Достаточно вспомнить работы В. А. Ермолаева о Реформации в Германии, написавшего, к слову, интереснейшие воспоминания о своей жизни, а также многочисленные исследования саратовских историков о судьбах немцев Поволжья.

Эту традицию мы хотели бы продолжить. Сегодня, когда после катастрофических потрясений XX в., произошло примирение двух народов, когда происходит постепенное преодоление мемориальных барьеров, чрезвычайно важно беспристрастно осмыслить общее историческое

прошлое и найти в нем точки соприкосновения. Нашим сборником мы хотели бы еще раз указать на важность российско-немецкого диалога, на развитие двухсторонних научных связей. При этом нужно отметить, что российско-немецкая проблематика, обширная по своему характеру, охватывающая многие сюжеты и события, привлекает внимание исследователей и из других стран. Поэтому среди авторов статей нашего сборника присутствуют ученые не только из России и Германии, но также из Чехии, Украины, Эстонии.

Общее прошлое России и Германии дает множество примеров того, сколь позитивным может быть взаимодействие двух стран. Надеемся, что наш скромный труд станет своеобразным вкладом, пусть на первый взгляд и малым, в этот процесс. Развитие российско-немецкого диалога, безусловно, продолжится, а ученые должны внести в него свою посильную лепту.

ОТ ЭЛЬБЫ ДО ЕНИСЕЯ: СУДЬБА НЕМЕЦКИХ НАЕМНИКОВ В АРМИИ КАРЛА XII

Военная история давно знает феномен использования иностранных наемных войск. На отдельных этапах истории это явление приобретало значительный размах, в другие же эпохи почти исчезало. Причем, рост иностранных контингентов в армиях разных стран, как правило, был свойствен кризисным периодам развития, когда традиционные институты общества и власти исчерпывали свой ресурс и требовали модернизации или кардинального обновления. Во времена же национального подъема государства обычно использовали исключительно национальные вооруженные силы. Например, в Древнем Египте приходящая в упадок династия всегда стремилась опереться на иностранные наемные войска: ливийские или эфиопские племена, греков. В Древней Элладе кризис полисной государственности также породил волну наемничества. Поздний Рим активно использовал варварские наемные отряды – «федератов», вербуя их среди германцев, славян, арабов, мавров, сарматов¹. Период Средневековья также знаменовался использованием наемных войск. Хотя изредка иноземные воины встречались и в XIII-XIV вв., однако распространение институт наемничества приобрел лишь в XV в., преимущественно после окончания Столетней войны.

Однако специфика этого явления в отдельных регионах ощутимо различалась. Со второй половины XV в. в европейских войнах заявляет о себе швейцарское наемное войско, которое готово было служить любым королям за плату. Но с XVII в. происходит резкое уменьшение швейцарского наемничества и рост немецкого. Оно активно использовалось в войске Речи Посполитой, а в Тридцатилетней войне 1618-1648 гг. сражалось на стороне как католиков, так и протестантов. Встречались немцы и на службе у первых Романовых. Но, по мнению автора предлагаемого материала, только две страны использовали немецких наемников в значительных объемах – от ½ до ¼ армии. Первой страной, где они составляли очень большой процент вооруженных сил, была Англия (которая, кстати, ис-

¹ Тойнбі А. Дослідження історії: в 2 ч. Ч. 1. Київ, 1995. С. 36, 69.

пользовала их дольше всех – до конца XVIII в.), а другой стала Швеция, хотя она и прибегала к их услугам короткий отрезок времени – первые годы XVIII в. Именно последнему эпизоду и будет посвящена данная статья.

Казалось бы, три столетия, которые прошли с такого значимого для России и Швеции события, как Полтавская битва, оно изучено досконально. Однако при более детальном анализе вырисовывается несколько иная картина. В течение долгого времени исследования битвы (да и в целом Северной войны) фактически не происходило. Публиковались лишь вариации официальной «Истории Свейской войны», созданной фактически под личным контролем Петра I. К таким «официозным» работам следует отнести труд А. Катиоро, многотомные «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова, работы Д. Бутурлина и В. Бергмана, а также А. Карцова¹. Только в связи с юбилеем накануне битвы в 1909 г. был осуществлен ряд глубоких исследований различных военных и технических аспектов событий 1708-1709 гг., прежде всего такими военными историками, как Н.Л. Юнаков, Н.Н. Поликарпов, И.Ф. Павловский и А.С. Мышлаевский. Полноценной и исчерпывающей картины эти исследования воспроизвести не могли, как из-за большого разнообразия аспектов проблемы, так и из-за необходимости остаться в русле официальной историографии. Ведь их авторы были военнослужащими российской армии.

Как ни странно, в советское время историография Северной войны сделала шаг назад. Фактически была возобновлена апологетика XVIII в. Даже в 1988 г. в брошюре А.И. Злаина была восстановлена мифология о кампании 1708-1709 гг. из «Истории Свейской войны», уже развенчанная трудами исследователей в 1909 г.² Тем не менее, в советской историографии было создано три довольно качественных исследования Северной войны. Речь идет о монографии Е.В. Тарле (опубликованной уже после его смерти), которая все же содержит ряд ошибочных положений³. Вторым значительным достижением советской историографии стал сборник ста-

¹ *Катиоро А.* Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, Отца Отечества. СПб., 1772; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1788. Т. X; *Он же.* Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1795. Т. 15; *Бутурлин Д.* Военная история походов россиян в XVIII веке. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2; *Бергман В.* История Петра Великого. СПб., 1833. Т. 3; *Карцов А.* Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.

² *Злаин А. И.* Полтавская битва. М., 1988.

³ *Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

тей, выпущенный к 250-летию Полтавской битвы, который вмещает целый ряд новых архивно-статистических данных¹. Среди этих статей следует особо отметить материалы Т. Быковой, Л. Гольденберга, А. Юхты и Е. Колосова. Третьей важной работой стала совместная книга Н.И. Павленко и В.А. Артамонова, которая учла материалы зарубежной историографии². Возможно, поэтому данная работа выглядит более объективной, чем монография Е.В. Тарле, и существенно превышает по качеству все другие очерки и брошюры, где слишком много идеологии и значительно меньше науки.

Но и среди всех исследований практически нет тех, которые бы подробно касались национального состава шведской армии. Авторы просто не ставили себе подобной задачи. Мало что добавляет к этой картине украинская историография, как дореволюционная, так и советская. Это было следствием практически ее несамостоятельного развития под пристальным контролем центральной власти, которая позволяла работать только в узких нишах исторических исследований: например, заниматься описанием всенародной войны против шведских захватчиков и осуждением авантюры гетмана Мазепы. Все другие аспекты или замалчивались, или подавались в искривленной официозной трактовке. Да и самих исследований, собственно, было маловато. В частности, специально темой Полтавской битвы в советское время занимались только А.П. Маркевич, В.С. Шутый и В.А. Дядиченко³.

Существенные сдвиги произошли уже в постсоветской историографии, особенно в связи с 300-летием Полтавской битвы. Однако как раз украинской историографии они коснулись в меньшей степени. Фактически есть только два автора – А. Г. Сокирко и С. А. Николаенко, – которые уделили значительное внимание в своих трудах событиям на Украине в 1708-1709 гг.⁴ С некоторой натяжкой можно отнести к украинской историогра-

¹ Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959.

² Павленко Н. И., Артамонов В. А. 27 июня 1709 г. М., 1989.

³ Маркевич А. П. Разгром Карла XII. Киев, 1946; *Он же*. Великий подвиг. К 250-летию Полтавской битвы. Киев, 1959; Шутый В. С. Северная война (1700-1721). М., 1970; Дядиченко В. А. Полтавская битва. Киев, 1959.

⁴ Сокирко О. Г. Війська українських гетьманів у Полтавській битві 27.VI.1709 // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 40-50; *Он же*. Український Рубікон. Полтавська битва 27 червня 1709 р.: в 2 ч. Київ, 2008. Ч. 1; 2009. Ч. 2; Николаенко С. А. Полтавская битва. Харьков, 2009.

фии труды полтавского историка В. А. Молтусова, который печатает их на русском языке и почти исключительно в России¹. Но и в упомянутых исследованиях практически не затронута тематика национального состава шведской армии.

Несколько лучше в этом плане ситуация в современной российской историографии. Сегодня появились и новые объемные монографии значительно более высокого качества, чем в советское время, и многочисленные статейные материалы. Прежде всего, следует отметить таких исследователей, как А.В. Беспалов и П.А. Кротов². Кроме того, заслуживают внимания труды В.А. Красикова и А.Г. Шкварова, хотя нашей темы они касаются значительно меньше³. Продолжает работать в данном направлении и В.О. Артамонов. Однако в последнее время в его работах начали усиливаться «патриотические» тенденции, в противовес объективности, которая отличала его труды второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Подытоживая историографические исследования в данном направлении, можно заметить, что вопросы использования иностранных наемных контингентов как шведской, так и российской армий лишь в последние десять лет имели качественные сдвиги, однако и на сегодняшний день остается много белых пятен.

Итак, как оказывались немецкие наемники в шведском войске, и как они использовались? Сразу следует заметить, что в состав Шведского королевства в XVII в. попали значительные территории с немецким (и немецкоязычным) населением: Прибалтика (Эстляндия и Лифляндия), Западная Померания с Штеттином и Штральзундом, ряд других немецких городов – Росток, Висмар, Бремен. Конечно, жители этих территорий считались подданными шведской короны и привлекались к военной службе на тех же принципах, что и этнические шведы на коренных шведских землях. В таком же

¹ Молтусов В. А. Военное искусство русской армии в Полтавском сражении // Полтавська битва 1709 р. в історичній долі України, Росії, Швеції та інших держав: зб. матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. Харків, 2009. С. 223-228; *Он же*. Полтавская битва 27.VI.1709: уроки истории. М., 2009; *Он же*. Русская кавалерия в Полтавском сражении // 300 лет Полтавскому сражению. Спец. совм. выпуск «Военно-исторического журнала» и «Старый Цейхгауз». М., 2009. С. 32-37.

² Беспалов А. В. Битвы Великой Северной войны. М., 2005; *Он же*. Основные формы и методы комплектования шведской армии в 1700-1709 // Северная Европа: проблемы истории. М., 2005. Вып. 5. С. 211-219; *Он же*. Северная война. Карл XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочной. 1700-1709. М., 1998. Ч. 1; Кротов П. А. Битва при Полтаве. К 300-летию годовщины. СПб., 2009.

³ Красиков В. А. Северная война или блицкриг по-русски. М., 2010; Шкваров А. Г. Полтавская битва. К 300-летию «Преславной баталии». М., 2009.

положении были и финские подданные Шведского королевства, вот почему после сражения при Лесной в сентябре 1708 г. Петр писал, что впервые были побеждены «природные шведы», хотя корпус Левенгаупта был сформирован как раз из прибалтийских и финских солдат¹. Немало немецкоязычных шведских подданных находилось в рядах шведских полков, как например капитан Табберт, уроженец Штральзунда, в будущем известный ученый и исследователь Урала и Сибири, прославившийся под именем Ф.И. Страленберг². Немецкие подданные шведского короля служили преимущественно офицерами и унтер-офицерами в прибалтийских полках, где большинство личного состава принадлежали к латышскому и эстонскому населению. Лишь один лифляндский конный полк дворянского знамени («адельсфан») полностью был немецким, но он формировался не как регулярный, а как ополченческий, поэтому не будет рассматриваться нами как элемент наемного войска. Следовательно, рассматривать такие формирования – немецкие по сути, но шведские по государственной принадлежности – видимо, будет нецелесообразно. Что же до собственно нанятых в Германии полков, то в первые годы Северной войны их скорее всего не было. Война началась неспровоцированным нападением на Швецию коалиции государств: Саксонии, Дании и России. Очевидно, времени и денег на быстрый наем в немецких землях у шведского правительства просто не было: страна находилась не в лучшем финансовом состоянии, а во главе ее был король, не отметивший еще 18-ю годовщину. Однако таланта и отваги юного Карла XII хватило, чтобы за полгода нанести поражения Дании и России (под Нарвой) и создать благоприятные возможности (в том числе и финансовые) для пополнения армии наемными контингентами. Особенно благоприятной ситуация стала после 1702 г., когда шведский король нанес второе поражение Августу под Клишовым и фактически стал гегемоном Восточной Европы. Однако реализации этих возможностей помешала война за испанское наследство, начавшаяся весной 1701 г. Через год к антифранцузской коалиции присоединилась Великобритания, и широкая вербовка немецких наемников для Швеции стала крайне тяжелой. Заключение в 1706 г. Альтранштадтского мира вывело из войны Саксонию. Как раз это и открыло возможности для Карла XII широко вербовать немецкие контингенты в ряды своей

¹ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 209.

² Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л., 1966.

армии. С одной стороны, можно было воспользоваться услугами саксонских солдат, которые фактически были демобилизованы, а с другой, Август II Веттин не только отказался от польской короны, но и платил гигантскую контрибуцию – по 500 тыс. талеров ежемесячно. Значит, было собрано около 6 млн. за год пребывания шведской армии в Саксонии¹. На такие деньги можно было на вербовать немало! На год шведской армии содержание одного всадника обходилось примерно в 300 талеров².

Карл XII

Правда, немецких наемников Карл XII нанимал и перед Альтранштадским миром. Например, в 1704 г. был на вербован немецкий наемный полк полковника Класа Экеблада. Этот полк был использован как гарнизонный полк в Эльбинге на прусско-польском приграничье. Полк находился там до 8 февраля 1710 г. и сложил оружие перед российской бригадой Ф. Ностица (прибывшего на службу Петру I из Дании в 1707 г.) после месячной осады. На этот момент полк насчитывал 972 офицеров и солдат. Среди 39 пленных офицеров, перечисленных поименно, можно обнару-

жить 7 явно шведских фамилий (18%). То есть, даже среди офицеров немецкий контингент преобладал, а среди солдат – был абсолютным³. Однако этот полк прямого участия в событиях 1708-1709 гг. не принимал, защищая хоть и важную, но удаленную от боевого театра крепость.

Всего шведский король за период 1700-1707 гг. на вербовал в немецких землях 14 тыс. человек, объединенных в 10 полков: 3 пехотных и

¹ Григорьев Б. Н. Карл XII или пять пуль для короля. М., 2006. С. 215.

² Палли Х. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны. 1701-1704. Таллин, 1966. С. 64.

³ Сборник императорского Русского Исторического общества. СПб., 1876. Т. 25. С. 180-181.

7 драгунских¹. Выступая в поход на Москву осенью 1707 г., Карл XII оставил в Померании корпус генерала Крассау, в состав которого вошло 3 полка (2 пехотных, 1 драгунский). О крепостном полке К. Экеблада мы уже упомянули. Значительно большую роль играли в этих кампаниях шесть немецких драгунских полков, которые назывались по именам своих полковников-шефов: Эльма, Таубе, Дюкера, Мейерфельта, Юлленшерны, Альбедиля. Первые три полка имели на начало 1708 г. – по 1250 чел., а три других – по 1500 чел.² Таким образом, в начале похода Карла XII на Москву насчитывалось около 8250 немецких наемников. Какое-то количество из них составляли шведские офицеры (несколько десятков), среди нестроевых лиц – обозных и денщиков – могли быть славяне: чехи и поляки (несколько сот). Итак, собственно немцы из разных государств составляли от 7,5 до 8 тыс. чел. Интересный факт – в этих полках в качестве музыканта служил старший брат И.С. Баха – Иоганн Якоб³.

Сложнее оценить, из каких именно немецких государств вербовались наемники. Очевидно, подсказкой тут может быть религиозный фактор – легче было попасть на службу к шведам выходцам из протестантских регионов – Бранденбурга, Мекленбурга и т.д. Выходцев из католических государств, наверное, было меньше, хотя шведская армия почти год находилась в Саксонии, вблизи Баварии. Среди документальных свидетельств встречаются имена немцев, попавших в плен – бранденбуржцы – Иоган Рениус, Михель Гронатт⁴, Фридрих Шульц⁵, австриец Яков Миллер⁶.

Вероятно, среди немецких наемников католиков было не более 10%, все остальные – лютеране. Это способствовало духовному единству и консолидации армии Карла XII, которая демонстрировала чрезвычайный уровень дисциплины и стойкости именно, в первую очередь, из-за религиозной одухотворенности и фатализма.

Во время похода в 1708 г. немецким полкам не довелось отличиться в значительных боях, да их, собственно, практически и не было. Лишь

¹ Беспалов А. В. Основные формы и методы комплектования шведской армии. С. 212.

² Беспалов А. В. Северная война. Карл XII и шведская армия. С. 12.

³ Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 122.

⁴ Там же. С. 77, 84, 97.

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. (январь – декабрь 1709). М., 1950. С. 1075.

⁶ Молтусов В. А. Полтавская битва 27.VI.1709: уроки истории. С. 207.

один раз, 3 июля 1708 г., главные силы шведов и русских сошлись в битве под Головчиным. Однако шведы, хоть и выиграли бой, полное поражение русским не нанесли, из-за быстрого отступления последних. Собственно, в бою под Головчиным немецкие полки участия не принимали. Карл XII обошелся 12 тыс. шведов, оставив 20 тыс. вне битвы, чтобы сковать другие корпуса русской армии Б. Шереметьева и А. Меншикова, общей численностью в 30-35 тыс. Петр I активно использовал «скифскую тактику», или так называемый «Жовквовский стратегический план». Русская армия, хоть и имела значительное численное преимущество, но уклонялась от генерального сражения, блокировала шведам пути наступления, разрушала местность, лишала продовольствия и фуража и совершала набеги легкими отрядами на тылы и обозы шведской армии. Фактически, главным врагом каролинов стали недоедание и болезни, а также неблагоприятные климатические условия – зима 1708-1709 гг. выдалась на редкость суровой. Действия русской армии облегчались тем фактом, что боевые действия развернулись не на российской территории, а на землях Белоруссии, которая находилась тогда в составе Речи Посполитой, а позже переместились в Украину, сохранявшую еще широкие автономные права, и по большому счету русскими своей территорией не воспринимавшуюся.

Как бы там ни было, первой серьезной схваткой для немецких наемников стал бой под Рашевкой 15 февраля 1709 г. Оставленный в тылу шведской армии полк драгун под командой Альбедилля (в русских источниках – Альфенделя) для охраны русских пленных, попал под атаку бригады генерала Бема. В русскую группу вошли 4 драгунских полка (от 3 до 4 тыс. чел.) и 2 гвардейских батальона Преображенского полка (около 1-1,2 тыс. бойцов). Русские имели преимущество в 4-5 раз над немецким полком, усиленным сводной ротой пехоты (130 чел.) Вестерботтенского полка. Русские могли действовать относительно свободно, ведь главные силы шведов в этот момент были далеко на востоке – за Ворсклой, где вели бой у Краснокутска, нанеся большие потери конному соединению генерала Ренне, и 13 февраля достигли реки Коломак. Тем не менее, немецкий полк оказал серьезное сопротивление – бой шел с 8 утра не менее 2-3 часов. Часть полка смогла отойти из Рашевки за реку к Лютеньке, русским пришлось вводить в бой гвардейскую пехоту, очевидно, чтобы сломить сопротивление шведских пехотинцев. Атака была

успешной, но во время нее погиб майор Ф.А. Бартенев¹. В бою было захвачено в плен 8 офицеров, среди них – командир полка полковник Г. Альфендель, 106 нижних чинов и 48 человек не боевого состава – всего 162 человека и 2 флага. Примечательно, что в бою под Рашевкой в плен попал капитан Курт Врех. С 1712 г., находясь в Тобольске, он организовал школу для детей пленных шведов и немцев. Через 10 лет она уже насчитывала 130 учеников, среди которых были русские, украинцы и даже один монгол!² Русские потери якобы составили 16 убитых и 85 раненых. Но в этом числе не упомянуто ни одного убитого русского офицера, а они, как видим, были³. Во время боя был освобожден майор Нарвского драгунского полка Палем, попавший в плен после сражения под Добрым 30 августа 1708 г.

Кстати, российские и советские исследователи о пленных с русской стороны в этом бою молчат. Хотя те же исследователи утверждали, что полк Альфенделя был полностью разгромлен, но это не совсем так. Как известно, под Переволочной сдались в плен аж 360 солдат этого полка (в т.ч. 3 – нестроевых), то есть после тяжелой зимовки, боя под Рашевкой, осады Полтавы, до Днепра дошли 25% из штатного состава полка⁴. Во всяком случае, Петр I, узнав через 13 суток о результатах боя, выразил Шереметьеву прямое недовольство результатами боя и потерями гвардейцев, прямо запретил фельдмаршалу использовать гвардию в таких несущественных столкновениях⁵.

Как кажется автору, полк Альфенделя был преимущественно саксонским, ведь его командир к 1707 г. был генерал-майором в армии короля Августа II. В традициях Карла XII было назначать как шведских, так и немецких командиров в полки, где служили их земляки.

Следующим тяжелым испытанием для немецких наемников стала Полтавская битва 27 июня 1709 г. По мнению В. Молтусова, к моменту боя эти полки насчитывали по 600-700 всадников, т.е. не более 4 тыс. В главный бой шведский король взял якобы 4 полка: Таубе, Эльма, Юлленшерны и Дюкера. Они, очевидно, были наиболее боеспособными, а следовательно,

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. С. 720.

² Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л., 1966. С. 12.

³ Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Київ, 2009. С. 492.

⁴ Шкваров А. Г. Указ. соч. С. 319.

⁵ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 307-308.

можно считать, что в их составе было 2,8 тыс. человек. Для охраны шведского лагеря, где находилось 2,3 тыс. раненых и больных, было оставлено 4 кавалерийских полка: 2 шведских, финский и немецкий полк – бывший Альфенделя, который теперь возглавлял полковник Шрейтерфельт, прибалтийский немец, чей полк был расформирован после поражения под Лесной¹. Наконец шестой полк – генерал-майора Мейерфельта – составлял гарнизон над Ворсклой в городке Старые Санжары. Не совсем понятен состав гарнизонов в городках Кобеляки и Белики. По данным Молтусова, там якобы находился полк Дюкера (или его часть) во главе с подполковником Томасом Функом, кстати, швейцарцем, но тот же Молтусов показывает полк Дюкера в Потавском бою, причем почти в полном составе – 10 рот (из 12)².

Как кажется автору этой статьи, Молтусов допускает ошибку, и Т. Функ был подполковником в полку Мейерфельта, следовательно, все три гарнизона, упомянутые выше, состояли из солдат именно этого полка. Это тем более вероятно, что в четырех заставах по правому берегу Ворсклы находилось почти 2 тыс. бойцов; достоверно известно, что в последнем гарнизоне – в Соколках – находилось 2 роты Южно-Сконского рейтарского полка (шведского) во главе с подполковником Г. Сильверельмом. А это – максимум 300 всадников. Получается, что в трех других заставах было более 1,5 тыс., – то есть как раз штатный состав драгунского полка.

После тяжелого поражения Карла XII его армия собралась в лагере возле Пушкаревки, и, воспользовавшись тем, что русская армия их не преследует, возможно, из-за пира на поле боя, вечером 27 июня выступила к Днепру. Через двое суток шведы подошли к переправе под Переволочной с огромным обозом, пушками (для которых было очень мало пороха и боеприпасов) и 2,9 тыс. русских пленных. Удивляет такое организованное отступление, ведь им практически никто не руководил! Король был тяжело ранен еще 17 июня, а в бою его состояние еще ухудшилось; его самые авторитетные помощники – фельдмаршал К. Рёншильд и статс-секретарь К. Пипер – попали в плен, самый старший из генералов – А. Левенгаупт – находился в депрессивном состоянии, к тому же он не имел определенных полномочий от короля еще с момента поражения под Лесной, гетман И. Мазепа вряд ли мог отдавать приказы шведам, так же как и запорож-

¹ Молтусов В. А. Полтавская битва 27.VI.1709: уроки истории. С. 294.

² Там же. С. 294, 336.

ский кошевой К. Гордиенко. Возможно, какую-то руководящую роль играл генерал Крейц – наиболее авторитетный среди кавалерийских начальников, или генерал пехоты А. Спарре – старший после Левенгаупта.

Царь Петр отправил вдогонку погоню, наверное, на рассвете следующего дня. Погоня шла конно и если бы она отправилась в тот же вечер, 27 июня, она бы настигла отступавших шведов уже к утру 28 июня. Тем не менее, она не могла догнать шведов (ночевавших в Старых Санжарах), аж целые сутки, до утра 29 июня. Погоню, возглавляемую князем Г. Голицыным и генералом Г. Бауэром (Боуром), дважды задерживали. Первая задержка была организована в Старых Санжарах генералом Й. Мейерфельтом по заданию шведского короля. Командир немецкого драгунского полка рано утром 28 июня выехал из Старых Санжар в Полтаву как переговорщик к царю. Уже через 5 км он встретил русский корпус Г. Голицына (2 гвардейских полка, 10 полков драгун, иррегулярная конница калмыков и казаков С. Палия), численностью 15-16 тыс. бойцов. Ни Голицын, ни Бауэр, очевидно, не решились проигнорировать миссию Мейерфельта и остановили погоню, ожидая дальнейших приказов царя. Это вызвало недовольство Петра I и он, убедившись, что Мейерфельт не имеет серьезных поручений от короля, кроме уточнения списка погибших и плененных, немедленно отправил князя А. Меншикова еще с несколькими полками (возможно, шестью), чтобы он возглавил погоню вместо нерешительных Голицына и Бауэра¹.

На рассвете следующего дня, 29 июня, при переправе через реку Кобелячка в городке Кобеляки, в 68 км от места битвы, состоялся арьергардный бой. Не известно, принимали ли в нем участие немецкие полки, и вообще обстоятельства боя и потери сторон в источниках не отражены.

В конце концов, шведская армия во второй половине дня 29 июня оказалась под Переволочной. Городок был сожжен русской бригадой П. Яковлева еще за 1,5 месяца до этого, во время штурма, а запорожцы, которые его обороняли, были истреблены. Поэтому шведы не нашли средств для переправы (было лишь несколько лодок) и оказались в чрезвычайно опасном положении. Король Карл XII, едва придя в себя, совершил две роковые ошибки: не организовал немедленной переправы через Днепр (времени оставалось около 20 часов), а после собственной переправы на пра-

¹ Павленко Н. И., Артамонов В. А. Указ. соч. С. 243.

вый берег Днепра оставил командующим генерала А. Левенгаупта, который по своему душевному состоянию меньше всего подходил для этой роли. Все же через Днепр тем или иным способом переправилось более 2 тыс. каролинских солдат и гражданских лиц, большинство мазепинцев и почти все запорожцы, всего, возможно, 7-8 тыс. человек. При надлежащей организации со стороны короля каролинов могло бы перебраться тысяч пять. Но и среди тех, кто переправился, были немецкие наемники, например, братья Табберты, а также уже упомянутый брат И.С. Баха.

Все же основная масса немецких драгун сложили оружие днем 30 июня перед корпусом А. Меншикова (вероятно, 20-22 тыс. бойцов). В составе армии Левенгаупта еще оставалось 14 тыс. (с ранеными), и еще 3 тыс. нонкомбатантов. Почти сразу русские предложили пленным перейти на службу к Петру I. Значительный интерес проявили русские к немецким наемникам. С одной стороны, им пообещали приличное вознаграждение за службу, с другой – возможные неприятности за отказ. Фельдмаршал Б. Шереметьев в письме от 8 июля 1709 г. писал генералу Я. Брюсу «Объявить свой Великому государю именной указ взятому от шведского войска полону штаб-, обер-, унтер-офицерам и рядовым, как немцам, так и прирождённым шведам, дабы они, которые похотят, писались в службу Его Царского Величества, и обнадёжить, что желающим службы жалование будет дано по достоинству. А ежели немцы в службу не пойдут и они будут держаны, как природные шведы, в неволе...»¹.

Немецкие солдаты стали свидетелями ограблений, которые совершили на радостях русские солдаты, вопреки условиям капитуляции, подписанной А. Левенгауптом. Очевидно, это тоже повлияло на их согласие поступить на службу к русским. Всего было завербовано 2584 (или чуть меньше) немецких всадника². Практически сразу они были отправлены в поволжские города, преимущественно в Казань. Еще около 400 человек из пленных немцев на службу не взяли, видимо из-за того, что они были ранены или больны. Россияне сохранили организационно все шесть немецких полков, как минимум до 1711 г.

Во время русско-турецкой войны, которая началась осенью 1710 г., группа шведских офицеров решилась на заговор и рассчитывала организо-

¹ Сборник императорского Русского Исторического общества. Т. 25. С. 153-154.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. С. 297.

вать восстание немецких полков в Казани и Симбирске. Заговор был раскрыт из-за измены, шведов выслали по разным городам Урала и Сибири, тем более, что война для России складывалась неудачно, а немецкие полки постепенно расформировали, их личный состав небольшими группами разослали по российским драгунским полкам.

Подытоживая изложенный материал, можно сделать следующие выводы: немецкие наемные полки играли, хоть и не большую, но заметную роль в походе Карла XII на Москву. Численность полков составляла в начале 1708 г. более 8 тыс. человек, из них собственно немцы – более 7 тысяч (примерно 15% шведской армии). По боевым качествам немецкие полки уступали шведским и финским, но превосходили прибалтийские (из латышей и эстонцев). В ходе войны немецкие наемники продемонстрировали классические черты наемных войск – относительную устойчивость, организованность и, до определенной степени, преданность королю. Однако, после очевидного поражения Карла XII, немецкие полки без особых колебаний перешли на службу к его врагу, наверное, с условием не воевать против Швеции. После заключения Ништадского мира 1721 г. большинство уцелевших немецких солдат вернулись в Германию.

MITTELEUROPÄER UND DIE ENTSTEHUNG DER AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN IN ST. PETERSBURG¹

Die Studie wendet die Modernisierungstheorie an sowohl bei der Analyse der Entwicklung von den Beziehungen zwischen Mitteleuropa und Russland als auch bei der Untersuchung der Wirkung von Mitteleuropäern in der Wissenschaft im Zarenreich. Sie konzentriert sich auf die Fragen, inwieweit sich Mitteleuropa an der Entstehung der russischen Wissenschaft beteiligte, warum Fachleute im Ausland angeworben wurden und welche Kenntnisse oder welches Wissen sich die Russen von ihnen zu übernehmen bemühten. Sie setzt sich detailliert mit den Problemen bei der Umsetzung von Kenntnissen und Erfahrungen der mitteleuropäischen Wissenschaft in das russische Umfeld auseinander. Sie beschäftigt sich ebenfalls mit der Problematik der Fachleute aus Mitteleuropa, konkret mit den Fragen: mit welchen Problemen hatten sie in Russland zu kämpfen oder welche Fachbereiche gründeten sie in der wissenschaftlichen Institution. Außerdem analysiert die Studie deren soziale, rechtliche und materielle Position. Auch die Wahrnehmung der russischen Realität durch die Mitteleuropäer sowie ihre Anpassung an die russischen Verhaltensstandards bleiben nicht unberücksichtigt. Sehr wichtig ist ebenso die Frage, wie die mitteleuropäischen Gelehrten als Vermittler zwischen Russland und dem Rest Europas wirkten. Bei der Erforschung der europäischen Migration von Fachleuten aus dem Westen in den Osten wurde unter anderem auch die biografische Methode angewandt, um die Motivation und die konkreten Migrationsformen zu erläutern. Wichtig war jedoch ebenfalls ein Vergleich der Entstehung und Wirkung von wissenschaftlichen Institutionen in Europa und das Bekanntmachen mit den wichtigsten Ergebnissen, Entdeckungen sowie Neuerungen der mitteleuropäischen Fachleute in den russischen Diensten.

Die Ausgangsmethodologie stellt die Modernisierungstheorie dar, indem von der Idee zweier unterschiedlicher Gesellschaftstypen, der traditionellen und der modernen Gesellschaft ausgegangen wurde. Die Eigenschaften einer traditi-

¹ Der Beitrag entstand im Rahmen des Entwicklungsprogrammes der Wissenschaften an der Karls-Universität № 12 Geschichte in der interdisziplinären Perspektive, Unterprogramm Europa und (versus) die Welt. Ich bedanke mich für die enge Zusammenarbeit mit Herrn Doz. Dr. Michail Vladimirovič Kovaljov.

onellen Gesellschaft werden als ein Hindernis für die Entwicklung bezeichnet, deswegen mussten sie eine sog. Modernisierung erfahren, die als eine Veränderung nach dem Vorbild der modernen – also der westlichen Gesellschaft – zu verstehen ist. Als Prototyp der modernen Gesellschaft werden entwickelte westliche und mitteleuropäische Gesellschaften gesehen¹. Neben der Modernisierungstheorie wurde auch die Theorie des Kulturtransfers angewandt, die die Rezeption von Werten, Erkenntnissen und Erfahrungen nicht als eine passive Aneignung, sondern als einen aktiven von Auswahl, Verbesserung und Adaptation begleiteten Prozess definiert². Die Studie geht teilweise von den Schlussfolgerungen des Moskauer Professors Oleg Anatoljevič Omelčenko aus, der es grundsätzlich ablehnte, die Modernisierung außerhalb des Entwicklungskontextes des ganzen Kontinents zu verstehen³. Sie knüpft auch an die Idee der zeitgenössischen Historikerin Jelena Veniaminovna Aleksejeva an, die den Begriff «Diffusion» im Sinne von «Durchdringung von Kulturen» benutzt. Ihrer Ansicht

¹ Zur theoretischen Auffassung der Modernisierung: *Aleksejev V. V., Poberežnikov I. V.* Modernizacionnaja perspektiva: problemy i podchody // Opyt rossijskich modernizacij XVIII-XX veka / Red. V. V. Aleksejev. Moskva, 2000. S. 10-49; *Gavrov S.N.* Modernizacija vo imja imperii. Sociokulturnyje aspekty modernizacionnyh processov v Rossiji. Moskva, 2004. S. 27; *Aust M.* Europäisierung, Modernisierung // Studienhandbuch Östliches Europa. Band 2. Geschichte des Russischen Reiches und der Sowjetunion / Hrsg. T. M. Bohn, D. Neutatz. Köln – Weimar – Wien, 2002. S. 220-227; *Raeff M.* Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Paedagogical Leadership, and the Enlightenment in 18th Century Russia // Alteuropa – Ancien régime – frühe Neuzeit. Probleme und Methoden der Forschung / Hrsg. H.E. Bödeker, E. Hinrichs. Stuttgart, Bad Cannstatt, 1991. P. 99-115; *Stellner F.* Rusko a střední Evropa v 18. století. II. díl: Vliv střední Evropy na proměnu ruské společnosti. Praha, 2012. S. 11-15.

² *Dixon S.* The Modernisation of Russia 1676-1825. Cambridge, 1999. P. 165-170; *Raeff M.* The Enlightenment in Russia and Russian Thought in the Enlightenment // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. G. Garrard. Oxford, 1973. P. 26; *Scharf C.* Monarchija, osnovannaja na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptacija jevropskich idej i evoljucija vozzrenij na gosudarstvo v Rossii v epochu Prosveščenija // «Vvodja nrawy i obyčai Evropejskie v Evropejskom narode». K probleme adaptacii zapadnyh idej i praktik v Rossijskoj imperii / Red. A. V. Doronin. Moskva, 2008. S. 14; *Lagutina I. N.* Rossija i Germanija na perekrestke kultur. Kulturnyj transfer v sisteme rusko-nemeckich literaturnych vzaimodejstvij konca XVIII – pervoj tretej XX veka. Moskva, 2008. S. 8-11; *Espagne M.* Kulturtransfer im slavischen Sprachraum // Die Ost-West-Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen. Ausgewählte Aspekte. Problematika Východ – Západ v evropských kulturách a literaturách. Vybrané aspekty / Hrsg. S. Ulbrecht, H. Ulbrechtová. Praha, 2009. S. 77; *Middell M.* Transnationale Geschichte als transnationales Projekt? Zur Einführung in die Diskussion. S. 1 // <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/forum/id=571&type=artikel>.

³ *Omelčenko O. A.* The System of State and Law in Eighteenth-Century Russia and the Political Culture of Europe: Some Historical Interactions // Slavonic and East European Review. Vol. 80. № 2. 2002. S. 218-219.

nach ermöglichte das Großmachtstatut Russland, eine europäische Kultur zu entwickeln und diese auch allmählich zu bereichern¹.

Die Studie stützt sich auf Quellen privater Natur sowie institutioneller Herkunft aus publizierten Editionen. Es handelt sich z.b. um die Edition «Materialy dlja istorii Imperatorskoj akademii nauk» und die herausgegebene Korrespondenz zwischen den Gelehrten (L. Euler, G. F. Müller, A. F. Büsching), die einen wissenschaftlichen Dialog ungeachtet der politischen Grenzen dokumentiert und die es ermöglicht hat, das gemeinsame internationale Netz zu rekonstruieren, das die Anwerbestrategie von ausländischen Gelehrten in den russischen Dienst und ihre Tätigkeit in Russland zu rekonstruieren verhalf.

Die Erforschung des Entstehungsprozesses der russischen Wissenschaft wurde im 20. Jahrhundert ideologisch verzerrt, weil die sowjetischen Wissenschaftler versuchten, den Einfluss der ausländischen Fachleute auf die Entwicklung der russischen Gesellschaft zu minimalisieren. In der Erforschung der russisch-deutschen Kontakte auf dem Gebiet der Kultur, Bildung und Wissenschaft engagierte sich der ostdeutsche Historiker Eduard Winter. Er und seine Schüler (Peter Hoffmann, Erich Donnert, Ulf Lehmann, Helmut Grasshoff oder Günter Mühlpfordt) verfassten viele Studien, die die These über den überwiegenden Einfluss der französischen Kultur auf die russische im 18. Jahrhundert korrigierten und bewiesen, dass die deutsch-russische «Gegenseitigkeit» in der Aufklärung einen Höhepunkt in der Wissenschaft und Kultur erlebte. Nach dem Zerfall des Sowjetblocks erschienen in den 1990er Jahren dank einer engen Zusammenarbeit von deutschen und russischen Wissenschaftlern zahlreiche Studien über bedeutende Personen mitteleuropäischer Herkunft, die in Russland große Erfolge auf manchen Gebieten feierten und die von der deutschen Historiographie vernachlässigt wurden. Grundlegende Studien wurden von Conrad Grau, Folkwart Wendland, Kristine Koch und insbesondere vom Mainzer Historiker Claus Scharf veröffentlicht.

Meine Studie knüpft an die gegenwärtige russische Historiographie an, insbesondere an die langjährige Erforschung der Geschichte der Akademie der Wissenschaften und ihrer Mitglieder aus Mitteleuropa, die die Historiker Judif Chaimovna Kopelevičova Simon Semenovič Ilizarov und Anatolij Aleksandrovič Černobajev betreiben. Mit der wissenschaftlichen Zusammenarbeit beschäftigen

¹ *Aleksejeva J. V.* Diffuzija jevropejskich innovacij v Rossiji (XVIII – načalo XX v.). Moskva, 2007. S. 132-133.

sich auch Nina Ivanovna Nevskaja und Valerij Ivanovič Osipov. Die Petersburger Historikerin Galina Ivanovna Smagina setzt sich intensiv mit den deutschen an den wissenschaftlichen Institutionen tätigen Fachleuten auseinander.

Im 18. Jahrhundert erlebte die «wissenschaftliche Revolution» einen Höhepunkt, die sich auf die Naturwissenschaften konzentrierte und sich auf den menschliche Verstand sowie neue wissenschaftliche Methoden stützte. Die experimentelle Erforschung von Mathematik, Naturwissenschaften sowie Technik erfreute sich einer intensiveren Unterstützung des Staates, der sich von den Neuigkeiten eine praktische Umsetzung erhoffte, um die wirtschaftliche Entwicklung anzukurbeln und eine moderne Verwaltung, Armee oder Flotte aufbauen zu können¹.

Der neue Geist der «wiederbelebten» Wissenschaft war im 17. Jahrhundert bei verschiedenen Gemeinschaften von privaten Gelehrten sowie in den Akademien zu finden, denn die Universitäten machten gerade eine geistige sowie materielle Krise durch, versuchten sich von den Fesseln des mittelalterlichen Dogmatismus zu befreien und waren nicht imstande, den neuen Anforderungen an die Wissenschaft hinsichtlich der experimentellen Forschung oder der Durchsetzung neuer wissenschaftlicher Konzepte gerecht zu werden. Zu den ältesten Akademien gehörten die Akademien in London, Paris, Schweinfurt und Berlin. Im Vergleich zu den Akademien in London oder Paris gehörten die mitteleuropäischen Institutionen jedoch nicht zu der damaligen Forschungsspitze und hatten keine Gelehrten von internationaler Bedeutung in ihren Reihen. Die Ursachen für die Zurückgebliebenheit sind auf die unterschiedlichen wirtschaftlich-organisatorischen Voraussetzungen, die Folgen des Dreißigjährigen Krieges, die Wirkung des Absolutismus, die verzögerte Entwicklung des Bürgertums und der politischen Strukturen sowie die Abhängigkeit der Akademien vom Staat zurückzuführen.

Die entstehende russische Wissenschaft hatte mit noch schlechteren Bedingungen zu kämpfen. Peter I. entschloss sich, ähnlich wie viele mitteleuropäi-

¹ Renner A. The Concept of the Scientific Revolution and the History of Science in Russia // Eighteenth-Century Russia. Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Wittenberg, 2004. / Ed. by R. Bartlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007. P. 359-360; Meyer R. Der Akademiegedanke in der Philosophie Christian Wolffs // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlhordt. Bd. 2. Frühmoderne / Hrsg. E. Donnert. Weimar – Köln – Wien, 1997. S. 75; Hammerstein N. Aufklärung und Universitäten in Europa: Divergenzen und Probleme // Universitäten und Aufklärung / Hrsg. N. Hammerstein, Göttingen, 1995. S. 198.

sche Fürsten, eine staatliche Akademie der Wissenschaften zu gründen, die notwendige Fachleute vorbereiten und das internationale Prestige des Reiches erhöhen sollte¹. In seinem Land gab es jedoch keine staatlichen oder privaten wissenschaftlichen Institutionen, die mit den mitteleuropäischen vergleichbar gewesen wären, keine Wissenschaftler, keinen Buchmarkt und kaum Leser. Der Zar konnte an nichts und an niemanden anknüpfen, deswegen musste er sich mit ausländischen Einrichtungen bekannt machen², die Gründung der Akademie anordnen und Fachleute aus dem Ausland anwerben.

Einen wichtigen Umstand stellt die Tatsache dar, dass es gerade Mitteleuropäer waren, die das Projekt der Gründung der Akademie in St. Petersburg vorbereiteten und realisierten. Es handelte sich um die damals bedeutendsten deutschen Gelehrten, Gottfried Wilhelm Freiherrn von Leibniz und Christian Freiherrn von Wolff³. Ihre Vorschläge wurden von weiteren zwei Deutschen, dem Arzt Laurentius Blumentrost jun⁴ und dem Philosophen Johann Daniel Schumacher, verwirklicht. Von den ersten sechszehn Akademiemitgliedern waren dreizehn aus deutschen Ländern, zwei aus der Schweiz und einer aus Frank-

¹ Antologija pedagogičeskoj mysli Rossii XVIII v. / Sost. I. A. Solovkov. Moskva, 1985. S. 29-34; *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986. S. 48; *Wittram R.* Peter I, Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Bd. II. Göttingen, 1964. S. 208-211; *Stählin J.* Originalankdoten von Peter dem Grossen / Hrsg. U. Lehmann. Leipzig, 1988. S. 168-172; *Andrejev A. J.* Lekcii po istorii moskovskogo universiteta, 1755–1855. Moskva, 2001. S. 41.

² The Cambridge History of Science. Vol. 4. Eighteenth-Century Science. / Ed. by R. Porter. Cambridge, 2003. S. 860-861; *Scharf C.* Osnovaniye Berlinskoj i Peterburgskoj Akademii nauk i ich otnošenija v XVIII v. v evropejskoj perspektive // Nemcy v Rossiji. Tri veka naučnogo sotrudničestva: Sbornik statej / Red. G. I. Smagina. Sankt-Peterburg, 2003. S. 21-23; *Aleksejeva J. V.* Op. cit. S. 286-288; *Hardtwig W.* Wie deutsch war die deutsche Aufklärung? // Aufbruch aus dem Ancien régime. Beiträge zur Geschichte des 18. Jahrhunderts / Hrsg. H. Neuhaus. Köln – Weimar – Wien, 1993. S. 166-171; *Kopelevič J. Ch.* Osnovaniye Peterburgskoj akademii nauk. Leningrad, 1977. S. 20-22. Der Zar hatte als Beispiel nicht nur die Pariser, sondern auch die Londoner Akademie: *Kuznecova N. I.* Socio-kulturnyje problemy formirovanija nauki v Rossii (XVIII –seredina XIX vv.). Moskva, 1999. S. 24, 64.

³ *Vucinich A.* Science in Russian Culture. A History to 1860. Stanford, California, 1963. S. 67-68; *Kopelevič J. Ch.* Osnovaniye Peterburgskoj akademii nauk. S. 65-76; *Harnack A.* Geschichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. T. 1 Von der Gründung bis zum Tode Friedrich's des Großen. Berlin, 1900. S. 26; *Guerrier W.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter den Grossen. Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. St. Petersburg – Leipzig, 1873. S. 85; *Gordin M. D.* The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences // Isis. 2000. Vol. 91. № 1. P. 4-8.

⁴ Vgl.: [Manstein Ch. H. von] Zapiski Manštejna o Rossii 1727-1744. Sankt-Peterburg, 1875. S. 307.

reich¹. Außer dem Zaren beteiligte sich also kein einziger Russe an der Akademiegründung. In den ersten zwölf Jahren waren 40 Professoren und Assistenten (Adjunkten) an der Akademie tätig, davon stammten 32 aus den deutschen Ländern². Nicht einmal unter den ersten Studenten der neuen Akademie und den Professoren befand sich ein einziger Russe³. Die Historikerin Kuznecova kam zu einem überzeugenden Schluss, dass nicht nur die Wissenschaft, sondern auch die Gelehrten und Studenten eigentlich «importiert» wurden, was jedoch für den «Start der russischen Wissenschaft» ausreichend war⁴.

Unterschied sich diese Situation von der in anderen europäischen wissenschaftlichen Institutionen? Einige Historiker weisen auf die Tatsache hin, dass Ausländer an allen Akademien tätig waren und dass es einen bestimmten

¹ Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin, 2002. S. 69; Vucinich A. Op. cit. S. 75. Zum Vergleich führe ich an, dass zum Zeitpunkt der Gründung der Akademie in St. Petersburg die Londoner 12, die Pariser 16 und die Berliner Akademie 18 Mitglieder hatten: Kuznecova N. I. Op. cit. S. 25-28. Der siebzehnte Wissenschaftler war der Botaniker Johann Christian Buxbaum, der aber in den diplomatischen Dienst wechselte: Kopelevič J. Ch. Die Petersburger Akademie der Wissenschaften und ihre Expeditionen im 18. Jahrhundert // Europa in der frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlhfordt zum 75. Geburtstag / Hrsg. E. Donnert. Köln – Weimar – Wien, 2002. S. 893-894.

² Ferner waren je zwei aus der Schweiz und Frankreich, je ein aus Dänemark, Schweden und Russland und ein Baltendeutscher: Dahlmann D. Učenyje-putešestvenniki // Nemcy v Rossiji. Tri veka naučnogo sotrudničestva. S. 47; Česnokova A. N. Inostrancy i ich potomki v Peterburge. Nemcy, Francuzy, Britancy. 1703-1917. Istoriko-krajevedčeskije očerki. Sankt-Peterburg, 2003. S. 23. Führt an, dass 50 Akademiemitglieder bis 1741 tätig waren, davon waren etwa 40 Deutsche und nur ein Russe. Im 18. Jahrhundert stammten acht Prozent der Professoren aus der Schweiz, die meisten davon aus Basel: Mumentaler R. Basler Gelehrte an der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften im 18. Jahrhundert // «Geschickte Leute, die was praestiren können...» Gelehrte aus Basel an der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften des 18. Jahrhunderts. Vorträge des Symposiums vom 10. Juli 2003 an der Akademie der Wissenschaften von St. Petersburg während der «Schweizer Wochen» anlässlich der Feierlichkeiten «300 Jahre St. Petersburg» / Hrsg. F. Nagel, A. Verdun. Aachen, 2005. S. 109.

³ Grau C. Institutionen und Personen in Berlin und Petersburg in den deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen // Deutsch-russische Beziehungen. Ihre welthistorischen Dimensionen vom 18. Jahrhundert bis 1917 / Hrsg. L. Thomas, D. Wulff. Berlin, 1992. S. 123-124. Acht Studenten aus den deutschen Ländern wurden von 17 Professoren unterrichtet. Aleksejeva J. V. Op. cit. S. 289. Es ist nicht gelungen, slawische Studenten in Prag zu gewinnen: Kurfürst F. K česko-ruským stykům koncem století XVII. a počátkem století XVIII. Praha, 1936. S. 31.

⁴ Kuznecova N. I. Op. cit. Socio-kulturnyje problemy. S. 35. Über die Quellen zur Entwicklung der Akademie: Verdun A., Nagel F., Michajlov G. K. Die Akademie der Wissenschaften von St. Petersburg in ihrer Gründungszeit // «Geschickte Leute, die was praestiren können...». S. 33-38.

«europäischen Arbeitsmarkt» gab, von dem alle Einrichtungen Fachleute bezogen, und zwar ungeachtet ihrer Nationalität, Herkunft oder ihres Standes. So war beispielsweise der Anteil von Franzosen in der Akademie in Berlin im 18. Jahrhundert auch beachtlich, trotzdem kann nicht behauptet werden, dass dort keine Deutschen forschten. An der Entstehung der genannten Akademien beteiligten sich einheimische Gelehrte grundsätzlich und im Unterschied zu Russland spielte deren Mangel bei der Anwerbung von Ausländern keine entscheidende Rolle¹.

Ein weiterer Grund für die anfängliche Dominanz von Mitteleuropäern an der Akademie in St. Petersburg war die einzigartige politische Struktur im Zentrum des Kontinents. Das Heilige Römische Reich Deutscher Nation bestand aus einer großen Anzahl von Staaten, die dank der aufklärerischen Unterstützung von Bildung oder aus Prestige Gründen Universitäten, Schulen und Akademien errichteten. Viele Absolventen ähnlicher Institutionen konnten ihr Glück im Ausland suchen, ohne die Qualität der wissenschaftlichen Einrichtungen im Heimatland zu gefährden. Es kam oft vor, dass eher «unbequeme» oder schlechtere Absolventen in ausländische Dienste traten, weil sie zu Hause keine gute Stelle finden konnte. Die Möglichkeit, eine Stelle an einer der mittel- oder westeuropäischen Universitäten zu bekommen, war gering, denn die Professoren waren auch dort ziemlich jung und die Stellen gingen häufig vom Vater auf den Sohn über. Außerdem waren die Intellektuellen viel mehr als früher bereit zu reisen und zu migrieren, denn ausländischen Gelehrten wurden gute Arbeitsbedingungen, hohe Gehälter sowie ein fruchtbarer Austausch mit Kollegen angeboten. Zu den individuellen Motiven der Migration gehörte manchmal neben der Möglichkeit «die Wissenschaft voll zu erleben» auch die Befreiung vom Einfluss eines dominanten Vaters oder Lehrers. Deswegen ist nicht verwunderlich, dass Russland junge Enthusiasten anzog, die dort auf einer imaginären grünen Wiese praktisch alle wissenschaftlichen Bereiche, und zwar im Unterschied zu Mitteleuropa ohne Konkurrenz, begründen konnten. Viele von ihnen schätzten auch die fehlende Kirchenaufsicht, denn dank dieser Tatsache konnten sie sich auch mit antiklerikalen oder sogar atheistischen Themen auseinander setzen. Viele Deutsche zog auch die Möglichkeit, an Entdeckungsreisen teilzunehmen

¹ Möller H. Fürstenstaat oder Bürgernation. Deutschland 1763-1815. Berlin, 1998. S. 374; Schilling H. Höfe und Allianzen: Deutschland 1648-1763. Berlin, 1994. S. 389. Mumentaler R. Op. cit. S. 110. Vgl.: Mezin S. A. Vzgljad iz Jevropy: francuzskije avtory XVIII veka o Petre I. Saratov, 2003.

an, viel mehr als Engländer, Niederländer oder Franzosen, die eigene Überseegebiete und -kolonien besaßen¹.

Welche weiteren Ursachen und Motive spielten eine Rolle bei der Entscheidung, sich auf eine unsichere Reise in ein fremdes Land mit unklaren Arbeits- und Lebensbedingungen zu begeben? In diesem Zusammenhang sind gute diplomatische Beziehungen zwischen dem russischen Hof und den Reichsfürsten zu erwähnen, die den Gelehrten den Eintritt in die Zarendienste erleichterten. Der Kurfürst von Sachsen demonstrierte beispielsweise freundliche Beziehungen zum Zarenreich. Dank guter Propaganda verbreiteten sich in Europa schnell Informationen über günstige Bedingungen an der neuen russischen Akademie, die in mancher Hinsicht die Möglichkeiten in vielen mitteleuropäischen Ländern übertrafen. Damals waren bezahlte Gelehrte sehr rar, Wissenschaftler stammten meistens aus reichen Adels- oder Kaumannskreisen, oder verdienten ihren Lebensunterhalt als Ingenieure, Ärzte, Offiziere, Pastoren oder Lehrer². Die Anwerber des Zaren boten den Gelehrten fünfjährige Verträge für wissenschaftliche Forschung, Vorlesungen an Universitäten oder Gymnasien oder die Teilnahme an geographischen Expeditionen. Ebenfalls wurde ihnen eine Vertragsverlängerung oder eine freie Rückkehr versprochen. In Russland wurden bezahlte Stellen für Wissenschaftler eingerichtet, das Jahresgehalt schwankte zwischen 400 und 1 500 Rubel. Außerdem standen den Akademiemitgliedern freie Wohnung, Heizung und Licht zur Verfügung. Zum Vergleich sollte angeführt werden, dass in der petrinischen Ära ein Bediensteter drei Rubel, ein Kollegienpräsident (Minister) 600 und ein General 1 000 Rubel jährlich verdiente³.

¹ Vermeulen H. F. Ethnographie und Ethnologie in Mittel- und Osteuropa Völker-Beschreibung und Völkerkunde in Rußland, Deutschland und Österreich (1740-1845) // Europa in der frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlhpfordt zum 75. Geburtstag. S. 400; Süss W. Stanovlenije i razvitije sociokulturnych i obrazovatelnych svjazej Rossii i Germanii: epocha Petra I // Nemcy v Rossiji: rossijsko-nemeckij dialog. Sbornik statej. S. 147-148; Belkovec L. P. Rossija v nemeckoj istoričeskoj žurnalistike XVIII v. G. F. Miller i A. F. Bjušing. Tomsk, 1988. S. 59; Maier L. Deutsche Gelehrte an der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften im 18. Jahrhundert // Deutscher Einfluss auf Bildung und Wissenschaft im östlichen Europa / Hrsg. F.B. Kaiser, B. Stasiewski. Köln – Wien, 1984. S. 34.

² In München wurden zwei, in Mannheim zehn, in Göttingen sechs, in Berlin in jeder Klasse jeweils vier Gelehrte bezahlt (Kraus A. Die Bedeutung der deutschen Akademien des 18. Jahrhunderts für die historische und naturwissenschaftliche Forschung // Der Akademiegedanke im 17. und 18. Jahrhundert / Hrsg. F. Hartmann, R. Vierhaus. Bremen – Wolfenbüttel, 1977. S. 140).

³ Fleischhauer I. Op cit.; Grau C. Nemeckie učenyje v Rossiji v pervoj polovine XVIII v. // Russkie i nemcy v XVIII veke: Vstreča kultur. / Red. S. J. Karp. Moskva, 2000. S. 96; Černobajev A.A. Nemeckije učenyje-istoriki – členy Rossijskoj Akademii nauk v

Wichtig war auch der Umstand, dass keine Doktordissertation an der russischen Akademie verlangt wurde, um eine Professorenstelle zu erwerben. Aus diesem Grund war von den siebzehn Gelehrten, die 1725-1726 nach St. Petersburg kamen, nur einer über vierzig, alle anderen waren zwischen zwanzig und dreißig Jahren alt¹. Die Entscheidung, nach St. Petersburg zu gehen, wurde manchmal auch von persönlichen Beziehungen in der akademischen Welt beeinflusst. Schüler empfahlen ihre Lehrer oder folgten ihnen. Eine große Rolle bei der Berufung von Wissenschaftlern spielten auch Gelehrte-Vermittler, die die Petersburger Institution selbst empfahlen. Außerdem bemühten sich die Wissenschaftler, die im Zarenreich bereits tätig waren, Stellen für ihre Kinder oder Verwandten zu beschaffen.

Die erste Generation von Wissenschaftlern aus Mitteleuropa, die die Akademie der Wissenschaften aufbaute und die auch in anderen Einrichtungen arbeitete, wird in drei Gruppen unterteilt – die Wolff-Bilfingersche (Württembergische), die Menckesche (sächsische) und die Bernoulli-Eulersche (schweizerische). Die Mitteleuropäer überwogen eindeutig unter den anderen Gelehrten, insbesondere vor den Franzosen und Engländern².

XVIII v. // Nemcy v Rossiji. Tri veka naučnogo sotrudničestva. Sbornik statej. S. 126; *Saveleva E. A.* I. D. Šumacher i biblioteka Akademii nauk // Nemcy v Rossiji. Peterburgskije nemcy. Sbornik statej. S. 9-19; *Schulze L.* The Russification of the St. Petersburg Academy of Sciences and Arts in the eighteenth century // The British Journal for the History of Science. 1985. Vol. 18. № 3. P. 310. In dieser Zeit erhielt die Pariser Akademie umgerechnet 14.000, die Berliner 2.100 Rubel (*Kopelevič J. Ch.* Osnovaniye Peterburgskoj akademii nauk. S. 34). Anm. 4. Unter Peter I. unter Katharina I. erhielt die Akademie der Wissenschaften aus dem Staatsbudget von 9 Millionen 25.000 Rubel (*Pavlenko N. I.* Petr Velikij. Moskva, 1998. S. 677). Anna Iwanowna erhöhte zwar 1731 das Akademiebudget von 30.000 auf 45.000 Rubel, aber bereits ein Jahr später senkte sie es auf den ursprünglichen Betrag. Dabei erhielt nur die Schwester der Zarin vom Staat 30.000 Rubel jährlich (*Troickij S. M.* Finansovaja politika russkogo absolutizma v XVIII veke. Moskva, 1966. S. 238, 240). Unter Elisabeth und am Anfang der Regierung Katharinas betrug das Akademiebudget 53.000 Rubel (*Lomonosov M. V.* Polnoje sobranije sočinenij. T. X: Služebnyje dokumenty. Pisma, 1734-1765 gg. / Red. A. I. Andrejev, G. P. Blok, G. A. Knjazev. Moskva – Leningrad, 1957. S. 167; *Liechtenhan F.-D.* Elisabeth Ire de Russie l'autre impératrice. Paris, 2007. S. 241. Vgl.: *Stellner F.* Die Interessengruppen am Hof Elisabeth Petrownas. Ein Beitrag zur Analyse der Herrscherstellung im absolutistischen System // Innsbrucker Historische Studien. Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der Diplomatischer Aktionsraum Südost- und Osteuropa / Hrsg. G. Barth-Scalmani, H. Rudolph und Ch. Steppan. Innsbruck – Wien – Bolzen, 2013. S. 145-154.

¹ *Dahlmann D.* Op. cit. S. 48-52; *Raeff M.* The Enlightenment in Russia and Russian Thought. P. 30-32.

² Von 111 Mitgliedern der Petersburger Akademie hatten 68 Mitglieder Deutsch als Muttersprache, weitere zwei benutzten sie später als Fachsprache (*Koch K.* Op. cit. S. 70; *Fleischhauer I.* Op. cit. S. 95; *Verdun A., Nagel F., Michajlov G. K.* Op. cit. S. 29; *Ale-*

Der deutsche «Universalgelehrte», einer der bedeutsamsten Philosophen des 18. Jahrhunderts, Christian Freiherr von Wolff ist der wichtigste Spiritus rector, der aus der Ferne zum Aufstieg des russischen wissenschaftlichen Zentrums grundlegend beitrug. Peter I. interessierte sich eher für seine Arbeiten in der Mathematik und der experimentellen Physik als für seine Philosophiewerke und bot ihm die Position des Akademiepräsidenten an. Der unschlüssige und schwerfällige Wolff lehnte das Angebot jedoch ab, unter anderem darum, weil er Angst vor dem unbekannten östlichen Reich hatte¹. Er empfahl jedoch etliche Gelehrte als seinen Ersatz, vermittelte den Kollegen in St. Petersburg durch seinen umfangreichen Briefwechsel die neuesten Informationen aus dem wissenschaftlichen Leben, propagierte ihre Ergebnisse und betreute Studenten aus Russland. Um die Entstehung der russischen Wissenschaft machte er sich viel mehr als der einfallsreiche und impulsive Leibniz verdient, dessen Hilfe im Abfassen einiger Memoranden und persönlichen Konsultationen mit dem Zaren bestand.

Wen konkret überzeugte Wolff, nach St. Petersburg zu gehen? Zuerst war es Professor Georg Bernhard Bilfinger, der die Einladung gerne annahm, denn er befand sich im Streit mit den meisten seiner Tübinger Kollegen und wurde wegen Gottlosigkeit angeklagt. In seiner neuen Wirkungsstätte widmete er sich der Philosophie und Physik, in seinen Briefen schilderte er enthusiastisch seine vielen Privilegien und die wunderbare Absicherung. Er kehrte nach fünf Jahren zurück, blieb aber als ausländischer Mitarbeiter der Akademie tätig. Später setzte er als bedeutender württembergischer Politiker durch,

ksejeva J.V. Op. cit. S. 290; *Mumentaler R.* Op. cit. S. 112). C. Grau führt für das 18. Jahrhundert 107 ordentliche Mitglieder, davon 73 Ausländer einschließlich 48 Deutschen an. Bis 1908 gab es 189 Mitglieder, davon 50 Ausländer einschließlich 32 Deutschen. 1725-1908 stellten Deutsche ein Viertel der Mitgliederanzahl und zwei Drittel der Ausländer dar (*Grau C.* Institutionen und Personen in Berlin und Petersburg S. 116). Über die Kompliziertheit der Bestimmung der Nationalität von Akademiemitgliedern: *Maier L.* Op. cit. S. 27.

¹ *Schippan M.* Zar Peter I. von Russland und Wittenberg // 700 Jahre Wittenberg. Stadt. Universität. Reformation / Hrsg. *S. Oehmig.* Weimar, 1995. S. 544; *Smagina G. I.* Nemeckie učenyje v Peterburgskoj Akademii nauk v 18-19 vv. // Sankt Petersburg – «der akkurate Deutsche». Deutsche und Deutsches in der anderen russischen Hauptstadt. Beiträge zum internationalen interdisziplinären Symposium in Potsdam, 23.–28. September 2003. Bd. 1 / Hrsg. *N. Franz.* Frankfurt am Main, 2006. S. 217; *Mühlpfordt G.* Rußlands Aufklärer und die Mitteldeutsche Aufklärung: Begegnungen, Zusammenwirken, Partnerschaft // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Germano-russkije otnošenija 18 veka. Kultura, nauka, diplomatija / Hrsg. *C. Grau, S. Karp, J. Voss.* Wiesbaden, 1997. S. 101-102; *Gleason W.J.* Moral idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great. New Brunswick, New Jersey, 1981. S. 87-91.

dass junge Angehörige der russischen Dynastie eine bestimmte Zeit am Hof in Berlin erzogen wurden¹.

Bilfinger vermittelte auch die Anwerbung seines Schülers und Freundes, des Anatomen Johann Georg Duvernois aus Tübingen², seiner Adjunkten – des Physiologen und Anatomen Josias Weitbrecht, des Physikers und Mathematikers Georg Wolfgang Krafft. Dieser verfasste zum Beispiel den ersten Aufsatz auf Russisch, in dem er Newtons Lehre verteidigte, verwaltete das Akademische Gymnasium und machte sich um die Errichtung des hervorragenden physikalischen Kabinetts verdient. Für den Hof verfasste er sehr populäre Horoskope³. Ein bekanntestes Mitglied der Wolff-Bilfinger-Gruppe war der Tübinger Naturwissenschaftler und Chemiker Johann Georg Gmelin⁴.

¹ *Fleischhauer I.* Op. cit. S. 49; *Dahlmann D.* Op. cit. S. 56; *Schuhmann H.* Gelehrte, Bauern und eine Zarentochter aus Württemberg // *Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung* (18. Jahrhundert). Wanderausstellung durch Deutschland und Russland. Dokumentation / Hrsg. *L. Kopelew, K.-H. Korn, R. Sprung.* Göttingen – Köln, 1997. S. 232; *Betsch G.* Die Petersburger Jahre (1725 – 1731) des Georg Bernhard Bilfinger aus Cannstatt // *An den Ufern der Nawa. Deutsche in Sankt Petersburg* / Hrsg. *C. Eichenberger.* Stuttgart, 2005. S. 29-35; *Letopis Rossijskoj Akademii nauk.* Tom I. 1724-1802 / Red. *J.S. Osipov.* Sankt-Peterburg, 2000. S. 41-43; *Raeff M.* The Enlightenment in Russia and Russian Thought. S. 32-36; *Stellner F.* Die russisch-württembergischen Beziehungen unter Katharina der Großen // *Prague Papers on History of International Relations.* 2008. Vol. 11. S. 105-114.

² *Renner A.* Medizinische Aufklärung und die «Zivilisierung» Russlands im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für Historische Forschung.* 2007. Bd. 34. H. 1. S. 41; *Kolčinskij E.I., Smagina G.I.* Zur Rolle deutscher Wissenschaftler bei der Entwicklung der Biologie in Rußland // *Europa in der Frühen Neuzeit.* Festschrift für Günter Mühlhfordt. Bd. 3. Aufbruch zur Moderne / Hrsg. *E. Donnert.* Weimar – Köln – Wien, 1997. S. 298-299.

³ *Solovjov S.M.* Istorija Rossiji s drevnejšich vremen. Kn. X. T. 20. Moskva, 1963. S. 519; *Česnokova A.N.* Op. cit. S. 20, 25-26; *Nevskaja N.I.* G.V. Kraft i peterburgskaja Akademija nauk XVIII v. // *Nemcy v Rossiji. Peterburgskije nemcy. Sbornik statej.* S. 44, 48, 50; *Družinina E.I.* E.W. Tschirnhaus und die russische Kultur // *E.W. Tschirnhaus und die Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa* / Hrsg. *E. Winter.* Berlin, 1960. S. 139. Zur Rückkehr vgl.: *Leonhard Euler und Christian Goldbach. Briefwechsel 1729-1764* / Hrsg. *A.P. Juškevič und E. Winter.* Berlin, 1965. S. 203. Sein Sohn Wolfgang Ludwig Krafft wurde in St. Petersburg geboren, mit einem Jahr ging er mit dem Vater nach Tübingen und 1767 kehrte er in seine Geburtsstadt als Professor für Astronomie zurück. *Dixon S.* Op. cit. S. 165.

⁴ 1747 erwarb er eine Professorenstelle in Tübingen und kehrte nie mehr nach Russland zurück (*Saveleva E. A.* Poezdka unter-bibliotekarja Tauberta za granicu (1748-1749 gg.) // *Nemcy v gosudarstvennosti Rossiji* / Red. *N. I. Ivanova.* Sankt-Peterburg, 2004. S. 40; *Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers.* T. 3: Wissenschaftliche und wissenschaftsorganisatorische Korrespondenzen 1726-1774. Berlin, 1976. S. 47-48; *Čerkasova A.S.* Germanija i Ural v XVIII v. Naučnye i kulturnye svjazi // *Russkie i nemcy v XVIII veke: Vstreča kultur.* / Red. *S. J. Karp.* Moskva, 2000. S. 117; *Ananjan J. A.* Putešestvija russkich Nemcev v Armeniju v XVIII v. // *Russkie i nemcy v XVIII veke: Vstreča kultur.* S. 146-147; *Thomson G.S.* Cathe-

Der Spiritus agens der zweiten Gelehrtengruppe aus Mitteleuropa war der Leipziger «Oberaufklärer» Johann Burckhardt Mencke, der als die «oberste» Autorität in historischen Wissenschaften und Philologie in St. Petersburg galt¹. Auf seine Empfehlung wurde der Theologe Johann Peter Kohl eingeladen, dessen Schrift über eine mögliche Verbindung der christlichen West- und Ostkirche der Zar sehr interessant fand. Als Professor für Rhetorik und Kirchengeschichte widmete er sich der Geschichte des altrussischen Schrifttums, aber nach zwei Jahren kehrte er übereilt in die Heimat zurück.

Die dritte Gruppe wird als die schweizerische bezeichnet, denn die berühmte Mathematikerfamilie Bernoullis stammte aus Basel, ihre drei Generationen gehörten der mathematischen Weltspitze an. Ihre Mitglieder waren selbst in Russland tätig und vermittelten weitere Fachleute². Im 18. Jahrhundert gehörte dazu der bedeutendste Gelehrte im Zarenreich – ein Mathematiker mit phänomenalem Gedächtnis, der deutschsprachige Schweizer, Leonhard Euler. Mit neunzehn Jahren veröffentlichte er seinen ersten wissenschaftlichen Aufsatz, für einen weiteren, der die beste Platzierung und die optimale Höhe von Schiffsmasten behandelte, erhielt er eine Auszeichnung der Pariser Akademie. Dank dieser Tatsache wurde er nach St. Petersburg, in das «Gelehrtenparadies»³, eingeladen,

rine the Great and the Expansion of Russia. Westport, Connecticut, 1985. P. 267-268; Heller W. Kooperation und Konfrontation M.V. Lomonosov und die russische Wissenschaft im 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. H. 1. S. 13; Maier L.A. Die Krise der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften nach der Thronbesteigung Elisabeth Petrovnas und die «Affäre Gmelin» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1979. Bd. 27. H. 3. S. 359-364; Vucinich A. Op. cit. P. 99-101; Figurovskij N. A. Aus der Geschichte der wissenschaftlichen Begegnung und Zusammenarbeit deutscher und russischer Chemiker im 18. Jahrhundert // Die Deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert / Hrsg. E. Winter. Berlin, 1958. S. 52-53. Von den 20 Deutschen, die unter Blumentrost an der Akademie tätig waren, stammten acht aus Württemberg.

¹ Mühlpfordt G. Op. cit. S. 103; Bucher G. Auf verschlungenen Pfaden. Die Aufnahme von Gerhard Friedrich Müllers Schriften in Europa // Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. / Hrsg. D. Dahlmann. Göttingen, 2006. S. 111.

² Nach Leibniz und Newton wurde Johann Bernoulli «Princeps mathematicorum» (Fellmann E. A. Leonhard Euler. Ein Essay über Leben und Werk // Leonhard Euler 1707-1783. Beiträge zu Leben und Werk. Gedenkband des Kantons Basel-Stadt / Hrsg. M. Jenni. Basel, 1983. S. 17, 20). In St. Petersburg waren Nicolas und Daniel Bernoullis tätig, der der «erste Physiker» des 18. Jahrhunderts wurde (Kopelevič J. Ch. Osnovanije Peterburgskoj akademii nauk. S. 74-76, 123-124).

³ Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften. T. 1. S. 376.

wo er eine Professorenstelle als Physiker und Mathematiker bekleidete¹. Die innenpolitischen Probleme an der Wende der dreißiger und vierziger Jahre ermöglichten Euler nicht, sich voll auf seine Arbeit zu konzentrieren, deswegen ging er nach Berlin zurück². Aber nach fünfundzwanzig Jahren bewogen ihn dann angespannte Beziehungen mit dem preußischen König sowie finanzielle Probleme, eine neue Stelle zu suchen³. Er machte vom großzügigen Angebot der Zarin Gebrauch, das nicht nur ein Haus, sondern auch eine Professorenstelle für seinen Sohn Johann Albrecht beinhaltete⁴.

Die Russische Akademie gewann dadurch eine wissenschaftliche Autorität höchsten internationalen Ranges und einen freundlichen Gelehrten, der für die Kollegen eine Inspirationsquelle darstellte. Er wurde als Mathematiker und Astronom berühmt, aber er beschäftigte sich auch mit anderen Bereichen⁵. Er hatte über achthundert wissenschaftliche Veröffentlichungen verfasst, die noch ein halbes Jahrhundert nach seinem Tod aus seinem Nachlass erschienen⁶.

¹ The Cambridge History of Science. S. 334-342; *Vucinich A.* Op. cit. S. 92-99, 145-150. Über den wissenschaftlichen Streit Eulers mit dem Philosophen Wolff: *Nevskaja N. I.* Leonard Ejler i ego učenicij // *Nemcy v Rossiji. Tri veka naučnogo sotrudničestva. Sbornik statej.* S. 118-120. Vgl.: Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften. T. 1. S. 28. Über seine Schüler: *Semenova L. N.* Byt i naselenije Sankt-Peterburga (XVIII vek). Moskva – Sankt-Peterburg, 1998. S. 52-54.

² Die Registres der Berliner Akademie der Wissenschaften 1746-1766. Dokumente für das Wirken Leonard Eulers in Berlin. Zum 250. Geburtstag / Hrsg. *E. Winter.* Berlin, 1957. S. 12-14. Aus Russland bezog er eine Jahresrente von 200 Rubel (Leonhard Euler und Christian Goldbach. Briefwechsel 1729-1764. S. 107).

³ *Dahlmann D.* Op. cit. S. 56; *Brüning J.* Euler in Berlin // *European Mathematical Society. Newsletter.* 2007. № 66. December. P. 21-30. Die Zarin lud Euler nach Russland ein, aber der König von Preußen ließ ihn nicht gehen: Bericht von Solms, 4. 4. 1766, Friedrich der Grosse und Polen. Auszüge aus der Correspondenz mit den Gesandten in Warschau und Petersburg 1762-1766. Aus dem Nachlass Ludwig Häussers mitgeteilt von Karl Mendelsohn-Bartholdy // *Forschungen zur deutschen Geschichte.* 1869. Bd. 9. S. 185-186; vgl.: *Stellner F.* Fridrich Veliký. Cesta Pruska k velmocenskému postavení. Praha, 1998. S. 214-215.

⁴ *Scharf C.* Katharina II. Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1996. S. 163-164; *Schaller H. W.* Die bayerische Akademie der Wissenschaften und Rußland // *Bayern und Osteuropa.* Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weißrußland / Hrsg. *H. Beyer-Thoma.* Wiesbaden, 2000. S. 398; *Fontius M.* Berlin korrespondiert mit Petersburg. Zwei Tagebuchschreiber im Dialog // *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie.* S. 190-191, 195.

⁵ *Grau C.* Institutionen und Personen in Berlin und Petersburg. S. 125; *Osipov V. I.* Peterburgskaja akademija nauk i rusko-nemeckie naučnye svjazi v poslednej treti XVIII veka. Sankt-Peterburg, 1995. S. 19-22.

⁶ *Smagina G. I.* Op. cit. S. 222-223; *Fellmann E. A.* Op. cit. S. 24-26, 30-34.

Leonhard Euler wurde jedoch nie Präsident der Akademie, es half ihm nicht mal die Tatsache, der bedeutendste und berühmteste Wissenschaftler im 18. Jahrhundert an der Akademie gewesen zu sein. Mit dem Prestigeamt wurden Hofleute beauftragt, für die die Akademie keinen Ort der freien Forschung, sondern einen Bestandteil des absolutistischen Systems darstellte¹. Der Präsident leitete die Akademie, verfügte über weitreichende Kompetenzen und war direkt dem Herrscher verantwortlich, er konnte deshalb wie ein «kleiner Zar» agieren. Der erste Träger dieses Amtes, L. Blumentrost, wurde jedoch von dem mit dem Aufenthalt am Hof verbundenen Amt des Zarenleibarztes derart in Anspruch genommen, dass er die täglichen Akademiegeschäfte dem Sekretär der sog. Kanzlei überließ. Der führte unter anderem auch die einheimische sowie ausländische Korrespondenz, kaufte Bücher und Zeitschriften ein, schloss Verträge mit neuen Mitarbeitern ab und führte Protokolle der Sitzungen der akademischen Versammlung².

Viele Akademiemitglieder waren mit dem Führungsstil der wissenschaftlichen Tätigkeit, insbesondere mit der Tätigkeit des Sekretärs J.D. Schumacher nicht zufrieden. Er kam 1714 als Vierundzwanzigjähriger nach Russland, nachdem er wegen seiner freidenkerischen Gedichte die Universität in Straßburg hatte verlassen müssen. Als Zarenemissär kaufte er Bücher und Geräte und warb zukünftige Akademiemitglieder in Europa an. Nach seiner Rückkehr nach St. Petersburg baute er die Akademieverwaltung und -bibliothek auf, wo sich Anfang der vierziger Jahre über 15 000 Bände befanden. Leider katalogisierte er die Bücher nie wissenschaftlich, er ordnete sie sehr unsystematisch, so kamen zum Beispiel Bücher mit schönen Einbänden immer in die erste Reihe. Die Akademie verfügte also über keine richtige wissenschaftliche Bibliothek, denn Schumachers nachlässige Arbeit wurde auch von seinen Nachfolgern fortgesetzt. 1735 hatte die Bibliothek zwar 70.000 Titel, aber keinen Katalog und wurde nicht beheizt, so dass dort sogar die Tinte im Winter gefror³.

¹ Schulze L. Op. cit. P. 308.

² Gordin M. D. Op. cit. P. 28. 1725-1769 waren Alle wissenschaftlichen Sekretäre ununterbrochen Vertreter der mitteldeutschen Aufklärung tätig. Unter anderem Ch. Goldbach, G. F. Müller, G. W. Kraft, F. H. Strube, J. Stählin (*Mühlpfordt G. Op. cit. S. 106; Iskjul S. N. Nemcy v rossijskoj gosudarstvennosti XVIII – načala XIX vv.: istoriko-kulturnye aspekty // Nemcy v gosudarstvennosti Rossiji / Red. N. I. Ivanova. Sankt-Peterburg, 2004. S. 15*). Die zweite Gruppe, die dieses Amt lange Zeit bekleidete, waren Angehörige der Familie Euler-Fuss (*Mumentaler R. Op. cit. S. 115*).

³ Aus den erhaltenen Büchern wurde festgestellt, dass die Bibliotheksdienstleistungen 1724-1736 von 150 Lesern, davon 90 deutscher Herkunft genutzt wurden. Es handelte sich nicht nur um Akademiemitglieder oder -mitarbeiter, sondern auch um Ärzte, Staatsmänner,

Der Sekretär der Akademie Schumacher beeinflusste die Entwicklung der Wissenschaft in mancher Hinsicht negativ. Er unterhielt zwar viele Kontakte zu europäischen Forschungsinstitutionen, aber er vernachlässigte seine Pflichten, führte ein ausgelassenes Gesellschaftsleben, missbrauchte seine Position, um seine Verwandten und Günstlinge zu bereichern und zu bevorzugen oder seine Gegner und Kritiker zu traktieren. Er wurde «Professorenpeitsche»¹ genannt, weil er ihnen zum Beispiel das Gehalt vorenthielt², ihre Gesuche ignorierte oder Beschwerden missachtete. Wenn ihre Geduld zu Ende war und sie eine Rückreiseerlaubnis beantragten, verzögerte er absichtlich die Herausgabe der Entlassungspapiere und des Reisepasses³. Da die Präsidenten auch Hof- oder andere Ämter ausübten, das Geschehen an der Akademie nicht verfolgten und praktische Geschäfte einem loyalen Sekretär überließen, war es im absolutistischen System sehr schwer eine Besserung herbeizuführen.

Die Gelehrten hatten nicht nur mit Schumachers Trotz und Unfähigkeit zu kämpfen, sie störte auch die Einstellung des Hofes, der sie mit Aufgaben überhäufte, die nichts mit der Wissenschaft, sondern mit dem Staatsdienst oder mit Unterhaltung zu tun hatten. Das Akademiemitglied Christoph Friedrich Groß musste beispielsweise oft anstatt sich der Philosophie, Ethik oder dem Recht widmen zu können, Diplomatie betreiben und sich um die Erziehung von Kindern eines der obersten Würdeträger kümmern⁴. Oder Euler musste sich statt mit Mathematik mit dem Schiffsbau, mit Geographie und Geodäsie beschäftigen. Mitteleuropäische Forscher wurden auch mit Aufgaben für den Hof beauftragt, sie erteilten Privatunterricht und hielten öffentliche Vorträge, trotzdem lebten sie in der Hauptstadt in einem bestimmten Vakuum. Einer von ihnen bezeichnete

Offiziere, Diplomaten, Künstler usw., einschl. drei deutscher Frauen (*Grau C. Nemeckie učenyje*. S. 99; *Saveleva I. D.* Op. cit. S. 11-12; *Chotejev P. I.* Nemci – čitateli biblioteki petersburgskoj Akademii nauk (1724-1736 gg.) // *Nemcy v Rossiji. Peterburgskije nemcy. Sbornik statej*. S. 20-25).

¹ *Lomonosov M. V.* Polnoje sobranije sočinienij. T. X. S. 268.

² *Materialy dlja istorii Imperatorskoj akademii nauk*. T. 5 (1742-1743) / Red. *M. I. Suchomlinov*. Sankt-Peterburg, 1889. S. 851-853.

³ Von den vierzig Gelehrten, die bis 1737 an die Akademie kamen, blieben nur acht ein bis drei Jahre, sechs blieben drei bis fünf Jahre, 12 fünf bis zehn Jahre und die meisten – vierzehn – arbeiteten in der Hauptstadt über zehn Jahre. Mehr als 65 % von ihnen verbrachten in Russland mehr als fünf Jahre und 35% über zehn Jahre (*Dahlmann D.* Op. cit. S. 47-48; *Solovjov S. M.* Op. cit. S. 515-518; *Kopelevič J. Ch.* Osnovanije Peterburgskoj akademii nauk. S. 116-118; *Maier L.* Op. cit. S. 45).

⁴ *Mühlpfordt G.* Op. cit. S. 91; *Daniel W. L.* Grigorij Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991. P. 3.

die Akademie treffend als «unsere Insel»¹. Die Adelselite bemühte sich zwar in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts die europäische Kultur zu übernehmen, aber sie interessierte sich für die Wissenschaft kaum. Es gab weder Universitäten noch höhere Schulen, weder ein gebildetes Bürgertum noch gebildete Kaufleute, die als Empfänger wissenschaftlicher Erfindungen und Neuerungen fungieren konnten. Die Regierungsämter kümmerten sich um die Akademie minimal. Außerdem waren die Beziehungen zwischen den einzelnen Gelehrtengruppen keinesfalls idyllisch, denn es herrschte eine Eifersucht unter ihnen, die hinsichtlich ihrer Isolation in der Gesellschaft unangenehme Ausmaße annahm. Außerdem gab es auch ausländerfeindliche Äußerungen seitens der Russen.

Wie sah der Kulturtransfer zwischen der russischen Akademie und den mitteleuropäischen Institutionen aus? Am Anfang der wissenschaftlichen Kontakte standen Briefe anlässlich der feierlichen Eröffnung an die Akademien in London, Paris, Berlin und Uppsala. Konkretere Ergebnisse brachte der Briefwechsel einzelner Gelehrter mit ihren ehemaligen Lehrern, Kollegen und Freunden. Die Akademiemitglieder unterhielten Briefkontakte mit Wissenschaftlern in ganz Europa, einige Briefe, insbesondere zu mathematischen oder astronomischen Themen, wurden in den Sitzungen vorgelesen. Intensivere Kontakte zu Mitteleuropa wurden konkret mit Berlin, Göttingen, Mannheim, München, Halle, Leipzig, Danzig, Kiel, Königsberg, Zelle oder Heidelberg unterhalten.

In der Donaumonarchie entwickelten sich die wissenschaftlichen Institutionen etwas langsamer, was mit der schrittweisen Abschaffung des dominanten Einflusses der katholischen Kirche in der Bildung und Wissenschaft zusammenhing. Die katholische Kirche behielt bis zu den Reformen Josephs II. ihren grundlegenden Einfluss auf die Wissenschaft und die Bildung. Österreich mangelte es außerdem an einer öffentlich anerkannten und vom Staat unterstützten wissenschaftlichen Gesellschaft². Die meisten Mitteleuropäer, die sich an der Entwicklung der russischen Wissenschaft beteiligten, stammten aus deutschen Fürstentümern. Zwischen den russischen Gelehrten und den Vertretern der Wissenschaft im österreichischen Reich gab es also keinen umfangreichen Kulturtransfer. Zu den ersten zufälligen tschechisch-russischen wissenschaftlichen Kontakten kam es zum Beispiel nach der Gründung der Olmützer Gesellschaft unbekannter Gelehrter, der ersten wissenschaftlichen Gesellschaft in den böhmischen Ländern, die in den vierziger

¹ Zit. nach: Maier L. Op. cit. S. 35.

² Bělina P. a kol. Velké dějiny zemí koruny české. Sv. X. 1740-1792. Praha, 2001. S. 428-429.

Jahren Briefkontakt mit den Petersburger Akademiemitgliedern unterhielt. Eine konkrete Zusammenarbeit begann erst in den siebziger Jahren, als sich die tschechische Wissenschaft auf die erste freie Vereinigung von Wissenschaftlern, die offiziell als die Königliche böhmische Gesellschaft der Wissenschaften anerkannt wurde, stützen konnte¹.

Die Kontakte wurden ferner durch Briefwechsel und private Beziehungen sowie mittels eines Buch- und Zeitschriftenaustauschs oder dank der Ernennung von ausländischen Mitgliedern aufrecht erhalten. Die Akademie erteilte das Statut eines ausländischen Mitglieds vielen bedeutenden Wissenschaftlern und ihre Mitglieder erwarben ähnliche Ehren in ganz Europa².

Die Akademiemitglieder wurden durch strenge Regeln gebunden und die korrumpierte und unfähige Bürokratie hinderte sie eher an der Forschung, statt sie zu unterstützen. Ihre Gehälter, die Anfang des 18. Jahrhunderts im Vergleich zu anderen europäischen Institutionen zwar hoch waren, reichten jedoch infolge einer Währungsabwertung nicht aus, ein sorgloses Leben zu finanzieren. Ihre Arbeit wurde Zensur und strenger Kontrolle unterworfen.

Welche Auswirkungen hatte die Tätigkeit der Akademie der Wissenschaften auf die russische Gesellschaft? Die Mitteleuropäer spielten eine wichtige Rolle für die relativ schnelle Umsetzung von wissenschaftlichen Projekten, Methoden und Standards in Russland, für die Einführung der akademischen Arbeitsorganisation und –disziplin, für die Vermittlung des wissenschaftlichen und aufklärerischen Ethos oder für die schnelle Anbindung an die europäischen Gelehrten und eine dauerhafte Verbindung mit ihnen. Auf eine bestimmte Weise verhalfen sie auch zu einer Entstehung der russischen Intelligenz, «einer eher amorphen gesellschaftlichen Kategorie, die sich gegen die Identifizierung mit konkretem Vermögen oder konkreter Klasse entgegenstimmte»³. Es ist jedoch nicht zu verhüllen, dass «es Peter selbst klar war, dass sein bedeutendstes Projekt zum Import aktueller Kenntnis-

¹ *Grau C.* Berühmte Wissenschaftsakademien. Von ihrem Entstehen und ihren weltweiten Erfolg. Leipzig, 1988. S. 142; *Zeil W.* Entwicklung und Bedeutung der Rußlandbeziehungen Böhmens im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts // Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhundert. T. 1: Soziale Bewegungen, Gesellschaftspolitik und Ideologie / Hrsg. *E. Donnert*. Halle, 1982. S. 276.

² *Kopelevič J. Ch.* Osnovaniye Peterburgskoj akademii nauk. S. 177-187; *Schaller H. W.* Op. cit. S. 398; *Pisarenko K.A.* Povsednevnyaya žizn' russkogo dvora v carstvovanii Elizavety Petrovny. Moskva, 2003. S. 549; *Epp G. K.* The Educational Policies of Catherine II. The Era of Enlightenment in Russia. Frankfurt am Main – Bern – New York, 1984. P. 104.

³ *Vucinich A.* Op. cit. S. 183.

se und Methoden nach Russland – die Akademie der Wissenschaften – (nach seinen eigenen Worten) einer Wassermühle ohne Wasser ähnelte. Trotz einer regen Forschung auf hohem internationalen Niveau zog die Akademie nicht mehr als eine Handvoll von Studenten an. Die meisten Einwohner kannten ihre Aktivitäten nicht und der Adel interessierte sich dafür nicht»¹. Die absolute Mehrheit der russischen Bevölkerung hatte weder Zugang zu den Errungenschaften der europäischen Kultur und Wissenschaft, noch eine Chance, davon zu profitieren.

Die Entwicklung der Akademie in St. Petersburg beeinträchtigten die absolute Abhängigkeit vom Staat und die Nichtexistenz weiterer vergleichbarer Institutionen, die Wissenschaft und Forschung betrieben, das Desinteresse des Adels an der wissenschaftlichen Bildung sowie mangelnde gesellschaftliche Anerkennung der wissenschaftlichen Tätigkeit². Ich stimme der Ansicht des tschechischen Historikers Švankmajer zu: «In den damaligen russischen Verhältnissen war sie eine Treibhausinstitution... Ihr Einfluss auf die Entwicklung der allgemeinen Bildung war allerdings gering, denn Russland fehlte es an einer wirklich bedeutenden und ausreichend zahlreichen Intelligenzschicht, die die wissenschaftlichen Leistungen der Russischen Akademie der Wissenschaften weiter vermittelt hätte»³. Im Vergleich zu den Akademien in London, Paris oder Berlin erzielte die Petersburger keine wesentlichen wissenschaftlichen Erfolge.

Für die Entwicklung der Wissenschaft sind ein bestimmter soziokultureller Kontext, eine aktive «Wissenschaftspolitik» der Regierung, entsprechende staatliche Institutionen und Ämter, ein Buch- und «Informationsmarkt», initiative und von der Gesellschaft respektierte Mitarbeiter mit Fremdsprachenkenntnissen, denen neueste ausländische Bücher und Presse zur Verfügung stehen, um Informationen über neue Erfindungen und die Entwicklung in der Wissenschaft gewinnen zu können, erforderlich⁴. Der traditionellen Bewertung der angelsäch-

¹ Renner A. The Concept of the Scientific Revolution. P. 361; Gordin M. D. Op. cit. P. 30.

² The Cambridge History of Science. P. 110; Aleksejeva J. V. Op. cit. S. 300; Steckevič J. S. O socialnom položenu službaščich Peterburgskoj Akademii nauk (1720-e – 1760-e gg.) // G. F. Miller i russkaja kultura / Red. D. Dalmann, G. Smagina. Sankt-Peterburg, 2007. S. 40; Wiegand G. Russland im Urteil des Aufklärers Christoph Schmidt genannt Phiseldek // Die Aufklärung in Ost- und Südosteuropa. Aufsätze, Vorträge, Dokumentationen / Hrsg. E. Lesky. Köln – Wien, 1972. S. 73.

³ Švankmajer M. a kol. Dějiny Ruska. Praha, 1995. S. 198.

⁴ Kuznecova N. I. Op. cit. S. 50-51, 88-91; Adanir F., Lübke Ch., Müller M. G., Schulze W. M. Traditionen und Perspektiven vergleichender Forschung über die historischen Regionen Osteuropas // Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht. Festschrift für Klaus Zernack zum 65. Geburtstag. Berlin, 1996. S. 25.

sischen Historiographie des vergangenen Jahrhunderts zufolge beschränkte sich die russische Wissenschaft allgemein auf die Akademie der Wissenschaften, hatte jedoch keine ausreichend tiefen Wurzeln, um dem politischen Druck standhalten zu können, und sie war überwiegend abgeleitet und deskriptiv¹. Die Akademie begründete mit wesentlicher Beteiligung von Mitteleuropäern das russische wissenschaftliche Leben, wurde die älteste Institution dieser Art in der slawischen Welt, beteiligte sich am internationalen wissenschaftlichen Netzwerk, stellte einem geringen Teil der adeligen Gesellschaft Teilinformationen über andere Kulturen und wissenschaftliche Erkenntnisse zur Verfügung, beteiligte sich an der Ausbildung der russischen Elite, und obwohl sie weder eine Universität noch ein Gymnasium ins Leben rufen konnte, lieferte sie der Staatsverwaltung viele Fachleute und trug im Ausland zum günstigen Bild Russlands bei.

¹ *Carver J. S. A Reconsideration of Eighteenth-Century Russia's Contributions to European Science // Canadian-American Slavic Studies. 1980. № 3. S. 389.*

ПРОТИВ МЯТЕЖЕЙ И РЕВОЛЮЦИЙ (НЕМЕЦКИЙ АКТЕР И РУССКИЙ ИМПЕРАТОР)¹

Вышедшие в 1879 г. в Берлине на немецком языке мемуары придворного королевского чтеца Л. Шнейдера («Aus meinem Leben» – «Из моей жизни») сразу привлекли внимание российских читателей толстых журналов². Несмотря на скептические замечания комментаторов относительно старческой болтливости, самолюбования и излишних деталей в повествовании, все авторы сходились на признании факта откровенности изложения, достоверности описанных событий и хорошей осведомленности мемуариста, многие годы бывшего свидетелем общения королевских особ, знавшего расстановку сил и настроения чинов не только прусского, но и российского императорского двора. Однако не все стороны жизни Л. Шнейдера раскрыты в воспоминаниях с исчерпывающей откровенностью и полнотой, некоторые пробелы позволяют восполнить материалы Государственного архива Российской Федерации (Ф. 109 - III Отделение собственной его императорского величества канцелярии), а также материалы российской периодики. Анализ настроений и причин сложившейся общности взглядов, столь разных по масштабу деятельности фигур политической жизни Пруссии и России посвящена данная статья.

Л. Шнейдер родился в бедной артистической семье, постоянно странствовавшей по городам Германии. С 8-летним мальчиком семья переехала в Ревель, где его отец, музыкант и композитор, получил место капельмейстера городского театра. Несколько поправив свое имущественное положение, они возвратились в Берлин. Старик Шнейдер стал солистом придворного оркестра, а позже дирижером военных хоров гвардейского корпуса. Людовик с детства был увлечен театром, выступал в эпизодических ролях на семейных представлениях (в концертах участвовали его мать, сестра и брат). В пятнадцать лет поступил в королевскую оперную труппу. Затем в его творческой биографии наступил перерыв, вызванный

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-01-00037а.

² [Шнейдер Л.] Записки Луи Шнейдера // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 181-190. № 4. С. 849-66; [Он же] Из записок Шнейдера // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16 (1). Апр. С. 690-732.

службой в гвардейском стрелковом батальоне. Исполнив воинскую повинность, он возвратился на сцену, но уже в качестве драматического актера берлинского королевского театра, став любимцем местной публики, которой особенно нравились его импровизации и комические роли.

Хотя он не получил систематического образования, но одаренный способностями от природы, был весьма начитан, научился говорить на многих европейских языках. С удовольствием занимался литературной деятельностью: сочинял и переводил рассказы, сценки, комедии и даже написал историю королевской оперы. С не меньшим интересом и основательностью изучал Л. Шнейдер военное дело. Составленные им инструкции для нижних чинов ландвера, книга для солдатского чтения получили одобрение короля и были напечатаны большими тиражами. Окрыленный успехом, он предпринял издание в 1833 г. специального печатного органа для солдат и унтер-офицеров прусской армии «Soldatenfreund» («Друг солдата»), выходившего до смерти основателя в 1878 г.

Впервые Л. Шнейдер увидел российского монарха в Шведте в 1833 г., куда актеры королевской труппы были направлены для развлечения гостей в период встречи Фридриха-Вильгельма III и Николая I. Русский император буквально очаровал Л. Шнейдера: «Его необычайный рост, пропорциональность его членов, благородная осанка, внушающий почтение взор, привычка повелевать, все это соединялось в нем в один образ совершеннейшей мужественной красоты. Я, по крайней мере, никогда не видел более прекрасного мужчины»¹.

Через два года, в 1835 г., во время маневров в Калише с участием русской армии, Л. Шнейдер был представлен Николаю I, посетившему театральную репетицию. С первого знакомства сложился и своеобразный стиль общения немецкого актера и русского императора - почтительно-откровенный, иногда даже резкий. Так, на реплику Николая I: «Вы, кажется, наполовину солдат?». Л. Шнейдер ответил: «Извините меня, ваше величество, но каждый прусак - солдат вполне!». Следующий провокационный вопрос: «Пошли ли бы вы в поход, если бы когда-нибудь пришлось идти против меня?». Актер-солдат парировал фразой: «Пошел бы, ваше величество, коль скоро король, мой государь, так прикажет» и заслужил одобрение императора: «Разумный ответ! Вижу, что вы солдат не наполовину»².

¹ Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 307-308.

² Там же. С. 309.

Л. Шнейдер отважился поднести императору годовой комплект первого выпуска своей газеты и не ошибся. Николай I изъявил желание подписаться на «Soldatenfreund» на 25 лет и ежегодно отправлял в качестве платы перстень, коих у издателя накопилось 18 штук¹. Кроме того, по поручению императора командующий Главной императорской квартирой А.Х. Бенкендорф выдал специальный «открытый лист» Леонтию Авраамовичу Шнейдеру, согласно которому все чины русской армии (от генералов до обер-офицеров) могли показывать ему все, что «относится до обмундирования, вооружения, продовольствия и обучения унтер-офицеров и нижних чинов, собранных в лагере под Калишем императорских войск»².

Последующие встречи укрепляли эти взаимные симпатии. Бывая в Берлине, Николай I виделся с Л. Шнейдером, обсуждал его публикации, регулярно приглашал побывать в С.-Петербурге. Свое расположение к этому человеку Николай I объяснял тем, что Л. Шнейдер «до сих пор единственный человек, давший благоприятный отзыв об его армии и позаботившийся так же о подробностях, чего другие никогда не делали», так как не знали языка и писали с чужих слов. По его мнению, «не следует на все взирать прусскими глазами, надо не только знать, но и принимать в соображение русские нравы и обычаи», отсюда и доверие к тому, что он «будет писать истину без всякого предубеждения»³, следуя за логикой и разделяя ценности, созвучные взглядам российского монарха.

В мае 1838 г. на маневрах в пригороде Берлина Николай I вновь увиделся с Л. Шнейдером, присутствовавшим в войсках теперь уже в качестве военного корреспондента. Видимо, чувствуя этакое «родство душ», Николай I изложил актеру и журналисту свое жизненное кредо: «Видите ли, Шнейдер, здесь между солдатами и посреди всей этой деятельности, я чувствую себя совершенно счастливым. Я также вполне понимаю, почему вы, не будучи солдатом, питаете такую любовь ко всему военному. Здесь порядок, строгая, безусловная законность, нет умничанья и противоречия,

¹ Это утверждение Л. Шнейдера (Из записок Шнейдера. С. 702). В подготовленной для императора Александра II справке о выплатах Л. Шнейдеру значились и другие пожалования: «За поднесенные покойному императору выпуски [«Soldatenfreund»] 10, 11 и 15 пожалованы были Шнейдеру подарки в 1843 и 1845 гг. по 140 руб., а в 1848 г. в 280 руб. сер., наконец, в 1852 г. за поднесенное сочинение [...] - в 280 руб. сер.» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 138. Л. 35).

² Татищев С. С. Указ. соч. С. 310.

³ Там же. С. 312.

здесь все согласуется и подчиняется одно другому. Здесь никто не повелевает прежде, чем сам не научится послушанию; никто не возвышается над другими, не имея на то права; все подчиняется известной определенной цели; все имеет свое значение, и тот же самый человек, который сегодня отдает мне честь с ружьем в руках, завтра идет на смерть за меня! Только здесь нет фраз, нет, следовательно, и лжи, существующей всюду, которая за этим исключением – повсюду. Здесь бессильны притворство и обман, ибо каждый должен, в конце концов, показать себя в виду опасности и смерти. Потому-то мне так и хорошо посреди этих людей, потому-то я и буду всегда высоко чтить звание солдата. В нем все – служба, и даже высший начальник служит. Я взираю на целую жизнь человека как на службу, ибо всякий из нас служит; многие, конечно, только страстям своим, а им-то и не должен служить солдат, даже своим наклонностям. Почему на всех языках говорится: богослужение? Это не случайность, а вещь, имеющая глубокое значение. Ибо человек обязан всецело, не лицемерно и безусловно служить своему Богу. Отправляет ли каждый одну только службу, выпадающую ему на долю, и везде царствуют спокойствие и порядок, и если бы было по-моему, то воистину не должно было бы быть в мире ни беспорядка, ни нетерпения, никакой притязательности. [...] Вот почему и я буду отправлять свою службу до самой смерти и всегда заботиться о моих храбрых войнах»¹.

Эти слова Н. К. Шильдер считал точным «отголоском задушевных, искренних убеждений Николая Павловича», которым он остался верен до самой смерти². Идеал классической модели «полицейского государства» сформулирован достаточно точно. Показательно понимание того, что функционирует эта система оптимально только «в виду опасности и смерти», когда исключается ложь, притворство, обман, существующие повсюду. «Умничанья и противоречия» противостоят порядку и законности, основанной на воле высшего начальства. Молчаливое служение подданных обеспечило бы «спокойствие и порядок». И этот идеал виделся как панацея европейской стабильности («и если бы было по-моему, то воистину не должно было бы быть в мире ни беспорядка, ни нетерпения, никакой притязательности»).

¹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 376.

² Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 147.

В июне 1847 г. Л. Шнейдер встретился с императором в Санкт-Петербурге. Пригласив его на лагерный сбор гвардии, отметив свой интерес к «Другу солдата» и посетовав на состояние здоровья, Николай I заговорил о политической ситуации в Европе, отметив верность своему *credo*: «События начинают меня старить. Но в одном я никогда не состареюсь, в борьбе с революцией, которая всем теперь залезла в голову. Пока я жив — она меня не одолеет»¹.

Судя по мемуарам, эта поездка в Россию запомнилась Л. Шнейдеру спором о качестве серых войлочных шинелей нижних чинов русской армии. На суждение русских офицеров о том, что понадобится три недели, чтобы шинель промочить, Л. Шнейдер находчиво спросил, а сколько месяцев понадобится, чтобы их высушить². Разговор был доведен до сведения императора, который дал понять «неуместность этой выходки» и с иронией сказал, что такого строгого критика следует опасаться. В то же время, Николай I обратил внимание прусского журналиста на то, что для войны светло-серая шинель удобнее синей прусской, так как после трехдневного бивака на пашне на ней не остается следов, а прусские солдаты не выносят грязного бивака³.

Показательно еще одно наблюдение Л. Шнейдера-путешественника. На вопрос Николая I о том, что ему больше всего нравится в России? Он ответил: «Шлагбаумы», пояснив, что «в Германии они почти никогда не опускаются, в России поднимаются только для пропуска проезжающих и почти всегда закрыты, и хотя открытые шлагбаумы удобнее, но закрытые разумнее»⁴. Этот едкий комплимент-наблюдение весьма образно рисует разницу политических систем Пруссии и России: в одной ограничения установлены, но не препятствуют движению, в другой — преодоление таких ограничений требует обязательного разрешения.

В 1848 г. во время революционных событий в Берлине, «роялист и консерватор» Л. Шнейдер оказался без средств к существованию. Он не скрывал своих взглядов, и потому в Берлине удостоился «кошачьего концерта» под своими окнами, в Гамбурге был ошикан, освистан, бежал и прятался от разъяренной толпы⁵. В такой обстановке сценическая деятель-

¹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 313.

² Там же. С. 315.

³ Там же.

⁴ Записки Луи Шнейдера. С. 185.

⁵ Там же. С. 853-855.

ность становилась просто опасной, и тогда он обратился к Николаю I с предложением своих услуг и получил приглашение в Россию¹.

Вскоре его положение поправилось, так как он неожиданно получил назначение на место королевского чтеца. Вот что писал об этой службе Л. Шнейдера С. С. Татищев: «Обязанность его состояла в том, чтобы являться во дворец каждую субботу и в присутствии короля, королевы и самого близкого к ним кружка приглашенных лиц читать вслух по заранее составленной программе все, что могло представлять интерес для Фридриха-Вильгельма IV, как известно, большого любителя и знатока литературы и искусств. Умелым выбором статей, предназначенных для чтения, Шнейдер успел заинтересовать короля до такой степени, что вскоре тот уже не мог обходиться без своего чтеца, ставшего его неразлучным спутником на охоте, маневрах, в путешествиях по внутренним областям и даже при посещении иностранных дворов»². Правда, свои обязанности Л. Шнейдер исполнял безвозмездно, перебиваясь различными литературными заработками. Только в 1854 г. его положение при дворе было узаконено и определено постоянное содержание.

В этих обстоятельствах предложение Н.И. Греча писать для «Северной пчелы» о событиях в революционной Пруссии было очень кстати. Позже были оговорены условия сотрудничества – за еженедельные корреспонденции 1200 руб. в год. Опубликованные в «Северной пчеле» материалы под заглавием «Письма из Берлина» подписаны числом 52. Авторство корреспонденций не вызывает сомнений. Стилистика статей выдает профессиональную принадлежность. «Увертюра комедии окончена. Представления начинаются и, если верить тому, что говорят за кулисами и в фойе, они будут довольно интересны»³, – анонсировал одну из своих статей скрывавшийся под числовым псевдонимом Л. Шнейдер.

Читателей своих мемуаров он убеждал, что на службу русскому правительству попал случайно, сам того не зная: «Впоследствии оказалось, что Греч передал императрице копию с первой корреспонденции, а она показала ее императору, который велел Гречу предоставить ему побольше

¹ На сохранившемся в архивном деле письме Л. Шнейдера от 18 декабря 1848 г. осталась пометка о высочайшем повелении Николая I: «[...] если он пожелает служить здесь, в нашей немецкой труппе, то Его Величество с удовольствием прикажет его определить на условиях прочих артистов» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 138. Л. 8).

² Татищев С. С. Указ. соч. С. 318.

³ Северная пчела. 1849. 1 марта. № 46. С. 183.

таких известий из Берлина, уплату же за них он велел производить из кабинета»¹. Л. Шнейдер почти ничего не скрывает, хотя и не все договаривает. В действительности, как видно из материалов специального дела III Отделения, одно из первых его писем (8 сентября 1848 г.) было передано Н. И. Гречем управляющему III Отделением Л. В. Дубельту с запиской, в которой указывалось, что оно содержит «любопытные сведения, которые, впрочем, публике нашей давать не следует»².

Корреспондентом заинтересовались. На запрос об авторе письма Н.И. Греч сообщил, что Л. Шнейдер хорошо знаком государю, и главное — «он известен в Берлине благородством своих мыслей и приверженностью к королю. За это либералы принудили его оставить театр и грозили убить его». Признавая, что «он вполне достоин внимания и признательности всех честных людей», Н.И. Греч вновь повторил, что сообщаемые им известия неудобны к напечатанию в «Северной пчеле», и выразил готовность получаемые письма тотчас же переводить и доставлять в Отделение³. Далее статью прочел шеф жандармов и «приказал благодарить за оную». Следующим читателем был уже сам император Николай I, который повелел послать в награду 100 червонцев. Высочайшее повеление зафиксировано в бумагах политической полиции (записка от 22 февраля 1849 г.): «Пусть Н.И. Греч отправит к Шнейдеру эти сто червонцев, написав, что один из хорошо ему знакомых возымел намерение помочь ему»⁴. С этого времени ежегодно в феврале 600 червонцев поступало из министерства финансов в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии для оплаты его услуг⁵.

Думается, что Л. Шнейдер не был столь наивен, чтобы не понимать характера своих занятий. В мемуарах он упоминал о состоявшейся в 1851 г. недалеко от Варшавы встрече с «министром графом Орловым» (так деликатно он назвал тогдашнего шефа жандармов): «Он принял меня самым дружественным образом и передал пожалованную мне императором золотую, алмазами украшенную табакерку, подарок чрезвычайно ценный и данный мне совсем не по заслугам»⁶.

¹ Из записок Шнейдера. С. 701-706.

² ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Д. 126. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. СА. Оп. 4. Д. 319. Л. 1.

⁶ Из записок Шнейдера. С. 726.

Письма из Берлина, однако, появились в печати. Правда, цензура сокращала их наполовину¹. Сам характер корреспонденций очень напоминает аналитические отчеты. Близкий к королевскому двору литератор справедливо утверждал: «Вы видите, как играют комедию, но не видите, что происходит за кулисами». В опубликованном письме от 14 января 1849 г. содержалась характеристика господствующих настроений в правительственных верхах Пруссии. Естественно, при дворе царит «чистая нравственность, простота в жизни и наслаждениях и истинное семейное счастье». На высоте и армия: «Армия выше всех похвал! Верная, усердная к службе, насмерть ненавидит демократов». А вот «источник и причина всех нынешних неурядиц» - гражданские чиновники. «Плохой сорт людей» также бывшие министры и претенденты на министерские посты: «они ловят портфели, играют двусмысленные роли». Особой ненавистью пользуются демократы, депутаты, занимающие левую сторону нижней палаты парламента. Это «не признанные таланты», для которых характерно «оскорбленное тщеславие и природное влечение к смутам»².

В последующих статьях он постоянно возвращался и живописал заседания палат, в которых прения «похожи на перебранки в пивном кабаке и [где] часто боятся, что избранные представители нации станут потчевать друг друга пощечинами»³. Он не мог мириться даже с внешним обликом демократической оппозиции: «на правой стороне – приличие, благородное обращение, достаток; на левой – демократические бороды и рожи, раздутые пивом». Эти видения его буквально преследовали: «гнусные революционные рожи: левым глазом глядят на карманы прохожего, нет ли там чего, а правым – на горло, как бы легче его перерезать»⁴.

Наблюдая за прениями, автор вспомнил «бесконечно справедливое выражение одного мудрого государственного мужа, что конституционная система есть большая ложь. В теории нет ничего величественнее этого зрелища [...], но, на самом деле, является совершенно иная картина, когда взглянешь на низкие страсти, которыми движется эта толпа; когда видишь, что они готовы, по окончании церемонии открытия, браниться и ссориться между собою, имея ввиду не общее благо, а только свою пользу [...]»⁵.

¹ Записки Луи Шнейдера. С. 188.

² Северная пчела. 1849. 16 февраля. № 55. С. 140.

³ Там же. 1849. 29 марта. № 69. С. 276.

⁴ Там же. 1849. 29 июля. № 167. С. 667.

⁵ Там же. 1849. 21 марта. № 63. С. 183.

В «Письмах из Берлина» особо подчеркивалась постепенно восстанавливаемая сила и авторитет власти. В годовщину начала революционных событий в Берлине (18 марта 1849 г.) «демократы, уstraшенные, но еще не совершенно усмирённые осадным положением», готовили массовую демонстрацию, но власти и особенно военные сделали все возможное для «предупреждения беспокойства и образумления баррикадных героев». Столкновение было бы самое кровопролитное, но сплоченность армии и демонстрация решительности в применении силы («Прошло время недоумения, осторожности и деликатности») сыграло свою роль – массовые протестные мероприятия не состоялись: «Выиграно важное дело: годовщина мартовской революции *убита* [...]»¹. «Пожар революции вспыхнул над Германией. Завеса конституционного правления, которая скрывала действительность от глаз неопытных и недалеко-видных наблюдателей, упала, и революция стоит перед нами во всей своей кровавой гнусности», – писал Л. Шнейдер, напоминая своим русским читателям об ужасах революционного насилия. В этих условиях власть должна защищаться: «Мы дошли теперь до того пункта, на котором извинение, укрощение, пощада, милосердие прекращаются, и меч должен решить торжество правды»².

Л. Шнейдер постоянно подчеркивал, что только твердость и решительность правительства могут сохранить спокойствие в столице. Он приветствовал репрессии среди оппозиционеров: «Отрубить гидре голову значит убить ее; вырастут другие головки, да не скоро», подчеркивая, что маятник общественного мнения уже начал обратный ход, и «бывшие диктаторы моего отечества, коноводы демократов, виновники всего несчастья, постигшего Пруссию, сидят [...] за засовами и замками и размышляют о старинном изречении: так проходит слава мира сего!»³.

Особое внимание в корреспонденциях уделено сплоченности, верности королю офицеров и солдат прусской армии. Своими публикациями Л. Шнейдер стремился «доказать, что и армия есть нравственная сила, и что она чувствует обязанность свою обуздать буйство демократов»⁴.

¹ Северная пчела. 1849. 14 мая. № 105. С. 252.

² Там же. 1849. 17 мая. № 107. С. 427.

³ Там же. 1849. 28 мая. № 116. С. 463.

⁴ Там же. 1849. 24 февраля. № 42. С. 166.

В этих условиях пример силы, могущества и стабильности Западу демонстрировала Российская империя: «Страшно подумать, как запутались дела в Европе! Россия – единственное государство, которое имеет силу и чувствует ее, которое имеет пред другими то превосходство, что оно неприступно врагам. Нет в истории примера, чтоб какое-либо государство имело такие права и возможности, своим политическим и нравственным положением быть главным судьей в делах всей Европы, как Россия. Спокойно и твердо ждет она той минуты, когда всеобщая крайность заставит все враждующие стороны предоставить белому Царю решение своих судеб»¹.

Именно сила и организованность русской армии, по мнению Л. Шнейдера, обеспечивают авторитет и величие России: «Последняя кампания русских в Венгрии произвела в Европе чудесное действие. Военные люди дивятся благоустройству сил и способности армии. И демократы перестали так ужасно шуметь с тех пор, как увидели, что с Россиею нечего делать, и что все обвинения в властолюбии и страсти к завоеваниям оказываются ложными. После этой величественной картины, какое жалкое зрелище представляет Пруссия»².

В условиях, когда «пожар революции вспыхнул над Германией», он свою деятельность воспринимал как борьбу с революцией, как обличение «бестолкового, пагубного, лживого представительного правления», ведущего народ к «разорению и бедствию»³. С горечью писал Л. Шнейдер о представительном правлении в Пруссии: «Королевство Пруссия будет спущено на усеянное мелями и скалами опасное море камерократии. Аристократия и бюрократия побеждены. Камерократия – слово нелепое и смешное, но страшное для всякого, кто понимает, что значит это правление вздорных адвокатов, разоренных банкиров и вероломных чиновников; это дерзкая игра шарами, от которой зависят спокойствие и благоденствие народов»⁴. Искренний сторонник неограниченной монархии, «старой» Пруссии Л. Шнейдер искренно боролся с «демократическими учениями и действиями». «Я враг всякому мятежу, всякой революции, всем ее правилам и мнениям»⁵, – утверждал он на

¹ Северная пчела. 1849. 20 декабря. № 283. С. 1131.

² Там же.

³ Там же. 1849. 17 мая. № 107. С. 427.

⁴ Там же. 1850. 5 февраля. № 27. С. 107.

⁵ Там же. 1850. 11 мая. № 104. С. 415.

страницах «Северной пчелы», полагая, что для обуздания «кровавой гнусности революции» нужны самые решительные меры¹.

О своей практической деятельности он сообщал в корреспонденции от 22 января 1849 г. Для «обороны армии от бесстыдных клевет и наветов демократов», он, наряду с «Другом солдата», начал издавать «Немецкую военную газету». Цель этого издания, основанного на частных пожертвования, состояла в том, чтобы доказать обязанность армии бороться с демократическим движением. По собственному признанию, газета «действовала весьма благотворительно и сильно способствовала к поддержанию благородного духа в армии»².

Свои заслуги Л. Шнейдер оценивал весьма высоко. В опубликованном письме (№ 120 «Северной пчелы» за 1849 г.) автор («52») называл издателя «Военной газеты» в числе трех из 16 миллионов пруссаков, «осмелившихся противостоять демократам твердо и всею силою своего таланта»³. Под впечатлением от публикаций Шнейдера Николай I высказал Г. Рауху (прусскому военному агенту (атташе) в России) шутливое суждение: «Теперь всего только три добрые пруссака: я, вы, любезный Раух, да Шнейдер»⁴.

Во время встречи с Л. Шнейдером в 1851 г. император Николай I вновь обратился к журналисту с провокационным вопросом: «Скажите мне, как мог король решиться на то, чтобы вернуться в революционный Берлин?». Замаскированное порицание поступка своего благодетеля заставило Л. Шнейдера дать достаточно резкий ответ: «Не знаю, ваше императорское величество, потому что у меня нет шестнадцати миллионов подданных. Сам я до сего времени не возвращался на жительство в революционный Берлин и не думаю туда возвратиться. Но монарх обязан принимать в соображение не одни свои желания. Ваше императорское величество

¹ Северная пчела. 1849. 17 мая. № 107. С. 427. Подробнее см.: *Абакумов О. Ю.* Немецкий корреспондент русской газеты. Л. Шнейдер о событиях 1849 г. в Берлине // *Россия – Германия: уроки войны и мира: К 100-летию начала Первой мировой войны: сб. науч. статей.* Саратов, 2014. С. 90-96.

² Северная пчела. 1849. 24 февраля. № 42. С. 166.

³ Там же. 1849. 2 июня. № 120. С. 479. В «Северной пчеле» от 26 января 1850 г. (№ 21) «Письмо из Берлина» завершалось сообщением о награждении Л. Шнейдера орденом Красного орла: «Награда честно заслуженная постоянным, усердным и успешным старанием его о возбуждении духа воинской чести, любви к королю и к отечеству, и об изобличении демократических учений и действий» (С. 85).

⁴ *Татищев С. С.* Указ. соч. С. 320. Все свои письма Л. Шнейдер согласовывал с Г. Раухом (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Д. 126. Л. 1.)

знает это лучше меня, ибо ставите мне этот вопрос в Варшаве [...]». Напоминание о польских событиях вызвало грозную реакцию: «Но я в Варшаве задавил революцию». Л. Шнейдер согласился: «Но и у нас, в Пруссии, мой все милостивый государь справится с нею. Только он прибегает к иному средству лечения: он возбуждает к ней отвращение». Через год, во время новой встречи в Берлине, Николай I напомнил Л. Шнейдеру о недавнем разговоре и, заметив, что теперь действительно нет следов революции, прибавил: «Но моя система все-таки лучше»¹. Уступки, компромиссы, попытки диалога с оппозицией воспринимались им как признаки слабости, умаляющие силу и авторитет власти.

Последняя встреча Л. Шнейдера с российским императором состоялась в конце сентября 1853 г. в Ольмюце. Обсуждая состояние австрийской армии, прусский журналист и издатель говорил о проводимых в войсках реформах, отмене телесных наказаний, утверждении норм, обеспечивающих уважение личности солдата, распространении образования, чтения и др. Рассуждения Л. Шнейдера были прерваны словами: «Это применимо не ко всем армиям [...] У каждой есть своя национальная особенность - и она должна быть сохранена, если хотят, чтобы армия отвечала своему назначению». Николай I пообещал, «что в скором времени и моя армия доставит вам случай к отчетам с поля сражений». Последующие слова продемонстрировали весьма воинственный настрой императора: «Дело выглядит так, как будто некоторые господа снова желают получить урок в России. Прочтите, что говорит Пушкин в стихотворении своем «Клеветникам России». Ведь вы сами перевели его. Теперь прощайте. У меня служба!»². Пушкинские строки действительно приобрели новое актуальное звучание. Обращение к Западу: «Вы грозны на словах - попробуйте на деле!», не казалось блефом, мощь русской армии не вызывала сомнений.

В условиях начавшейся Восточной войны, отправляя комплект «Друга солдата» за 1853 г. в С.-Петербург, Л. Шнейдер обратился к императору с просьбой не вручать ему «драгоценного почетного подарка» в то время, когда Россия «несет столь тяжелые жертвы», а выделенную сумму передать раненым в сражении под Ольтеницей. В тот год вместо традиционного перстня, император пожаловал Л. Шнейдеру орден Св. Станислава 3-й степени³.

¹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 321.

² Там же. С. 323.

³ Там же. С. 324.

В то время, когда Наполеон III согласовывал «четыре пункта» требований, адресованных от имени великих держав России, а Пруссия уклонялась от этого враждебного выступления и даже разорвала союзное соглашение с Австрией, Л. Шнейдер увидел в этих действиях возможность позитивных перемен в двусторонних отношениях. В частном письме к своему приятелю А.П. Языкову, директору Императорского училища правоведения, от 1 июля 1854 г. (письмо было перлюстрировано) он, обрисовывая непростую обстановку при дворе Фридриха-Вильгельма IV, замечал: «Настоящий поступок Пруссии Вы должны ценить, ибо в С.-Петербурге Вы не имеете никакого понятия об интригах и средствах, какие здесь употребляются, чтобы восстановить Короля и при всяком удобном случае ставить его в неприязненное положение противу России. Хвастливые возмутители стараются всевозможными средствами оскорбить и унижить Россию, потому что они находятся в безопасности, ибо Россия не может наказать их за их изменнические и предательские возгласы. Событие 1848 г. ими уже забыто, и эти мелкие люди опять возобновляют прежнее»¹.

Серьезность намерений Пруссии к сближению с Россией должно было подтвердить оптимистическое начало письма, этакий срез, персонифицированный пример распространившихся в верхах настроений: «С самого начала я только надеялся, что Россия блистательно выйдет из нынешней войны. Теперь же в этом я совершенно убежден: потому что нападающие более не имеют даже предлога на первоначальную несправедливость со стороны России. Хотя война эта еще не приходит к концу, но счастье обращено теперь к России. Окончательная победа с тем вероятнее, чем сильнее низкие страсти, возбужденные против России. Я такую твердую уверенность питаю к Императору, что в этом случае ничего не опасюсь»².

Чем можно объяснить оптимизм автора на фоне известий о безуспешном штурме Силистрии и начавшемся выводе русских войск из Дунайских княжеств, с оккупации которых начался военный конфликт? Не навеян ли этот оптимизм запечатлевшимися в его памяти событиями встречи в сентябре 1853 г. немецкого актера и русского императора: завораживающей уверенности Николая I и его адресации к пушкинским строкам? Вопросы поэта были риторическими: «Иль русского царя уже бес-

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1848. 1 эксп. Д. 126. Л. 11.

² Там же. Л. 11-11 об.

сильно слово? Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык? Иль мало нас?» Нужно было время...

Известие о смерти Николая I произвело на Л. Шнейдера впечатление, равное горю, испытанному в день смерти отца и в день кончины короля Фридриха-Вильгельма III. По его признанию: «В нем [Николае I] потерял я не только царственного покровителя, но и последнюю опору моих политических убеждений. В Европе не оставалось более монарха, который имел вместе с волею и силу бороться с революцией во всех ее формах и последствиях, и я чувствовал себя все более одиноким со своим мнением, хотя ход событий и их развитие с каждым днем доказывали, что я был прав»¹.

Гневные филиппики по адресу революционеров, адресованные читателям «в благословенной России, которой ныне миллионы завидуют в остальной Европе»; статьи о русской армии и «прочувствованная» биография-некролог императора Николая I - это далеко не единственные результаты щедро оплачиваемого служения². Л. Шнейдер еще долго находился в тесных контактах с российским двором, фактически являясь заграничным агентом III Отделения и получая ежегодно 600 жандармских червонцев в качестве вознаграждения. Он продолжал усердно бороться с революционной угрозой, наблюдая за деятельностью русской эмиграции, помещая в немецкой печати статьи, разоблачавшие нелепые слухи и козни врагов России, договариваясь о сочувственных публикациях в ведущих изданиях³.

В начале 1870-х годов он предупреждал III Отделение о новой опасности международного общества рабочих, «которое угрожает всем без исключения государствам»: «Коноводы его на собраниях открыто возбуждают народ против собственников и предвещают в скором времени войну на

¹ Записки Луи Шнейдера. С. 189.

² В письме к императору Александру II от 30 декабря 1858 г., по случаю представления очередного (25) годового комплекта своего журнала «Друг солдата», Л. Шнейдер подчеркивал, что «в течение этого периода времени он не упускал из виду помещать в том журнале преимущественно описания славных подвигов войск российских, что равным образом он удостоился высочайшего одобрения государя императора за составление биографии императора Николая I в отношении военной деятельности, прежде других подобных статей напечатанных в «Soldatenfreund», что [...] он поставил себе за правило содействовать, по мере сил, утверждению доброго согласия между обоими государствами, и взаимной любви и уважения обеих армий» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 138. Д. 34-35).

³ Подробнее см.: *Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 77-96.

ножах»¹. Угроза социалистического переворота в России казалась ему наиболее опасной. Применительно к ней лидеры общества, по словам Л. Шнейдера, использовали особую тактику: «В России мы имеем ту выгоду, что там легче всего будет отстранить приготавливающую нам почву либеральную партию. Россия единственное государство, не испытывшее конституционного восстания, а потому таковое там тотчас превратится в социально-демократическое»². Ситуация, сконструированная В. И. Лениным в его «Апрельских тезисах» 1917 г., прописана за год до рождения лидера большевиков. Другой тактический прием радикалов, пересказанный Л. Шнейдером, тоже хорошо знаком политтехнологам: «Начать должны либералы с их так называемыми умеренными требованиями, но им не удастся пожинать плоды их трудов, которыми мы [революционеры – О. А.] и воспользуемся»³. Революцию в России предотвратить не удалось, ее удалось лишь задержать, подавляя, репрессируя, а не «отвращая» от радикальной агрессии внутренней оппозиции.

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1848. 1 эксп. Д. 126. Л. 375.

² Там же. Л. 376.

³ Там же. Л. 376 об.

Виктор Дённингхаус (Люнебург)

**«БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ...»:
КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНК
И ДИСКРИМИНАЦИЯ НЕРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА¹**

«С упразднением попечительства над колониями и подчинением их общим учреждениям, отношение к ним Министерства государственных имуществ сразу изменилось. Пропала не только прежняя отеческая забота, но создались враждебные отношения, как впрочем, это обыкновенно бывает между опекунами и опекаемыми при ликвидации опеки [...]».

*Я. Дитц*²

Крестьянский поземельный банк с момента его учреждения в 1882 г. был важнейшим кредитным звеном при передаче дворянских и государственных земель безземельным и малоземельным крестьянам, не имевшим необходимых средств для увеличения своего землевладения путем покупки частновладельческих земель³. Причем в 1895 г. правительство предоставило данному финансовому институту право скупать земельные участки у помещиков за счет отпущенных ему сумм. Затем, после разбивки земель на отруба, последние можно было продавать нуждающимся земледельцам⁴.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00135.

² Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов / под ред. И. Р. Плеве. М., 1997. С. 244.

³ С 1895 по 1905 гг. крестьяне ежегодно приобретали около 530 тыс. десятин земли через Крестьянский поземельный банк. См.: Long J. W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860-1917. Lincoln – London, 1988. P. 127; Государственный архив Саратовской области (далее везде – ГАСО). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510 [Общий обзор о положении землеустроительного дела в Саратовской губернии, 01.01.1915]. Л. 120, 123 об. Сравни: Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. T. 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. Pskrowsk – Moskau – Charkow, 1930. S. 329, 350.

⁴ См.: Российский государственный исторический архив (далее везде – РГИА). Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства – Председателю Совета Министров, от 17.9.1910]. Л. 7–7 об.

Однако «Положение об организации Крестьянского банка» совершенно не предусматривало выделение кредитов немецким поселянам-собственникам¹. Неудивительно, что носителями такой дискриминационной политики являлись высшие правительственные чиновники, подогреваемые националистическими воззрениями Александра III. Еще в начальный период организации Крестьянского поземельного банка министр внутренних дел Д.А. Толстой открыто заявил, что своей политикой банк будет способствовать распространению руссификации в стране, укрепляя экономическую базу коренного населения по отношению к немецким колонистам².

Данное положение полностью совпадало и с мнением министра финансов Н.Х. Бунге, в свою очередь заявившего, что каких-либо исключений в сфере кредитования Крестьянским банком немецких поселян сделано не будет. Свое решение он объяснил тем, что согласно первой статье утвержденного в мае 1882 г. Положения о Крестьянском поземельном банке, правом на получение ссуд могли пользоваться «крестьяне всех наименований», но не колонисты, выделенные из крестьянского статуса (в соответствии с законом от 4 июня 1871 года) в совершенно отдельную категорию – «поселяне-собственники»³.

¹ Хотя, с формальной точки зрения, немецкие земледельцы исключались как «поселенцы-собственники» – не «крестьяне», однако, на деле, данная дискриминация происходила из-за роста антинемецких настроений в обществе и политики русификации. См.: *Long J.W.* Op. cit. P. 126-127. Сравни также: *Юстус К.Ф.* Приволжские колонисты (по поводу закона 2 февраля 1915 г.). Саратов, 1917. С. 28.

² См. также: *Long J. W.* Op. cit. P. 126.

³ Выделение поселян-собственников из состава крестьян подтверждалось и статьей 700, тома IX Полного свода законов Российской Империи (СПб., 1876), где отмечалось, что к категории сельских обывателей принадлежат: а) крестьяне и поселяне-собственники и б) крестьяне – временнообязанные. Таким образом, данная статья четко разграничивала статус немецких поселян-собственников и русских крестьян. В то же время в вопросе о разрешении продаж (посредством Крестьянского банка) банковских, удельных и казенных земель немецким переселенцам, в правительственных кругах существовало два совершенно противоположных мнения: а) содействие правительства является совершенно излишним, в связи с существующими в немецких колониях кассами для безземельных; б) немцы-колонисты особенно желательны для казны и Крестьянского банка «как аккуратные плательщики». Причем существовали и дополнительные специфические условия,делящие колонистов Центральных и Западных губерний России на две противоположные группы в отношении прав пользования государственными денежными ссудами. Так, например, колонисты Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской губерний имели отличный от крестьян статус – поселян-собственников, – и могли приобретать банковские земли только в виде особого исключения при отсутствии основных покупателей – крестьян. Напротив, в Минской, Виле-

Кроме того, Н.Х. Бунге был твердо убежден, что, наряду с законодательным разделением крестьян и поселян-собственников на две отличные друг от друга группы, существует и фактическое имущественное неравенство, выразившееся в «степени обладания средствами для покупки земли»¹. Нецелесообразность распространения прав государственного кредитования на немецких поселян разделяло и руководство Министерства внутренних дел². Причем, позиция российского правительства в этом вопросе оставалась практически неизменной на протяжении всего времени существования данного государственного кредитного учреждения.

В конце XIX – начале XX вв. земля в Поволжском регионе становилась все более ходовым товаром. С 1893 по 1902 гг. в Самарской губернии было продано около 1 млн. 30 тыс. десятин земли, а в Саратовской – 1 млн 203 тыс. десятин³. В результате, начиная с реформы 1861 г. и вплоть до начала Первой русской революции, дворянское землевладение только в Саратовской губернии сократилось более чем на 60%.

Пик распродажи помещичьих имений пришелся на 1906-1907 гг., когда большинство поместий пришло в упадок из-за крестьянских волнений. Если в 1905 г. дворянское землевладение в Саратовском Поволжье сократилось всего на 18,1 тыс. десятин, то в 1906-1907 гг. – уже на 408 тыс. десятин. По различным подсчетам, крупные помещики (владельцы свыше 200 десятин) потеряли в восьми уездах Саратовской губернии с 1906 по 1915 гг. около половины всех своих земель⁴.

Однако, несмотря на массовые распродажи, дворянское землевладение в Саратовской губернии все еще оставалось здесь самым значимым элементом в системе аграрных взаимоотношений. Так, в 1906 г. дворянам

нской, Гродненской, Ковенской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях немецкие колонисты, как правило, были приравнены в правах к местным сельским общинам и юридически могли воспользоваться своим правом кредитования (наравне с крестьянами) у Крестьянского поземельного банка. Несмотря на это, их ходатайства о расширении землевладений также отклонялись российскими властями, но уже не по юридическим, а по политическим мотивам. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б. А. Васильчикова – Председателю Совета Министров П. А. Столыпину, от 8.5.1908]. Л. 29 об.–30.

¹ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721 [Письмо министра финансов Н. Х. Бунге – Екатеринославскому губернатору, от 26.4.1884 г. Копия]. Л. 17.

² См.: Там же. Л. 17-17 об.

³ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894-1917) / Под ред. И. В. Пороха. Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 20.

⁴ См.: Там же. С. 20-21.

принадлежало 70,7% всех частновладельческих земель, которые, как правило, находились в центральных и северных уездах губернии – Балаховском, Аткарском, Сердобском, Петровском, Саратовском и Вольском¹.

Крупным землевладельцем в Поволжском регионе, наряду с дворянами, выступало и купеческое сословие. Так, например, Самарская губерния, прежде всего ее южные уезды – Николаевский и Новоузенский, – где проживали немецкие поселенцы, занимала по количеству купеческой земли первое место в России. В Саратовской губернии, расположенной по соседству, купцам в 1906 г. принадлежало 17,6% частновладельческих земель.

Владельцами земли выступала также часть зажиточного крестьянства: к началу столыпинских аграрных реформ им принадлежало около 9% владельческих земель Саратовской губернии². Особенно обширные частновладельческие хозяйства находились в руках у богатых поселян Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии, занимавшей в России второе место по частному крестьянскому землевладению³.

В большинстве случаев помощь в покупке помещичьих «освободившихся» земель оказывал именно Крестьянский поземельный банк. Так, в Саратовской губернии только за период с 1883 по 1901 гг. русские крестьяне смогли приобрести, благодаря кредитам данного банка, около 317,5 тысяч десятин земли⁴.

Рассматривая положение российского крестьянства, необходимо учитывать, что хлебопашество продолжало оставаться в основном экстенсивным. Поэтому одним из важнейших условий его развития было постоянное расширение посевных площадей. Площадь земель, отводимых крестьянством под распашку, неуклонно росла. По темпам их роста Самарская

¹ Сравни также: ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510 [Общий обзор о положении землеустроительного дела в Саратовской губернии, 01.01.1915]. Л. 119 об. – 120, 126; Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 2. С. 21-22.

² Мещанам принадлежало 2,1% частных земель.

³ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 2. С. 22-23. Что касается наделной земли, то накануне Первой мировой войны в Новоузенском уезде на каждое лицо мужского пола в среднем приходилось лишь 2,2 десятины (бывшим государственным крестьянам принадлежало 3,1 десятины земли; бывшим крепостным – 1,3). См.: Long J. W. Op. cit. P. 129. О количестве земли в собственных, единоличных хозяйствах Новоузенского уезда см.: Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Т. 2. Самара, 1909. С. 39-47, 85-105.

⁴ См.: Long J. W. Op. cit. P. 127; См. также: ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510 [Общий обзор о положении землеустроительного дела в Саратовской губернии, 01.01.1915]. Л. 119 об. – 120.

и Саратовская губернии занимали соответственно первое и второе места в Поволжском регионе. Запашка увеличивалась по всей территории края, но, главным образом, в южных уездах правобережья и в Заволжье, где еще сохранялся некоторый фонд целинных государственных земель.

Под пашни отводились даже те земли, которые прежде считались «неудобными», вырубались остатки лесов. При этом земельный голод заставлял крестьян, у которых не было возможности осваивать «неудобные» земли и не имелось средств арендовать их на стороне, прибегать к распашке собственных лугов и пастбищ, остро необходимых в каждом крестьянском хозяйстве. Например, даже в обширном по своей площади Новоузенском уезде только за период с 1902 по 1906 гг. сенокосная площадь сократилась с 323 тысяч десятин до 89 тысяч¹.

Недостаток земли в немецких селениях, низкое качество наделов и отсутствие собственных средств на покупку весьма дорогих земельных участков у помещиков не раз побуждали колонистов обращаться к руководству Крестьянского поземельного банка с ходатайством об оказании им финансовой помощи. Но в большинстве случаев ходатайства такого рода оставались безрезультатными, несмотря на их очевидную справедливость².

Так, например, в мае 1899 г. на волостном сходе поселян-собственников Ягодно-Полянской волости Саратовского уезда был поставлен вопрос об уравнивании их с русскими крестьянами в праве пользования государственными кредитами. Причем поселяне в открытую заявили, что бедственное положение их волости представляет «резкое исключение» по отношению к соседним немецким волостям и поэтому особой разницы между ними и русскими крестьянами уже давно не существует³. Подобные ходатайства были выдвинуты большинством сельских обществ земледельческих колоний Саратовской губернии. Несмотря на то, что земские органы власти почти единогласно поддерживали данные требования немецких

¹ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. С. 27. Сравни также: Long J. W. Op. cit. P. 89.

² См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства – Председателю Совета Министров, от 17.9.1910]. Л. 8.

³ Наряду с этим, было отмечено, что отличие «русские – немцы» имело место лишь среди части зажиточных поселян-собственников Новоузенского уезда Самарской губернии и в отдельных селениях Камышинского уезда Саратовской губернии. См.: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721 [Приговор № 2 Ягодно-Полянского волостного схода Саратовского уезда, от 3.5.1899]. Л. 19–19 об.

поселян, они были отклонены правительством. В феврале 1905 г. последовал отказ министра финансов на аналогичную просьбу земского собрания Николаевского уезда Самарской губернии¹.

Достаточно противоречиво проявилась политика российского правительства по отношению к немецким поселенцам также в период проведения аграрных преобразований. Так, например, сразу после издания Указа от 9 ноября 1906 г. поселяне-собственники девяти немецких поселений Камышинского уезда вновь обратились к руководству Крестьянского поземельного банка с ходатайством об оказании им содействия в покупке земель в Аткарском уезде общей площадью 19.773 десятин, принадлежащих помещику П.П. Дурново². Причем Саратовская губернская комиссия, согласившись с тем, что поселяне-немцы в деле землеустройства должны быть уравнены в правах с коренным русским населением, поддержала данное ходатайство³.

В 1907 году просьба была рассмотрена лично Председателем Совета Министров П.А. Столыпиным, предложившим удовлетворить ходатайство малоземельных поселян, разрешив им воспользоваться кредитами Крестьянского поземельного банка⁴. Вопрос об оказании финансовой помощи немцам Камышинского уезда был почти решен, когда возникло новое осложнение в вопросе юридического оформления данной сделки.

Дело в том, что покупка земли намечалась «нераздельно» девятью сельскими обществами, что вступало в противоречие с землеустроительной программой правительства, направленной на развитие единоличного владения. Исходя из этого, было принято решение оформлять сделку только выделившимися из обществ отдельными товариществами, решившими-

¹ Сравни также: Long J. W. Op. cit. P. 127-128.

² См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Председателя Крестьянского поземельного банка в Департамент государственных земельных имуществ, от 12.6.1908]. Л. 37.

³ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Саратовского губернатора в Земский отдел Министерства внутренних дел, от 22.9.1908]. Л. 48. Аналогичные ходатайства последовательно возбуждались – Камышинским земством в апреле 1907 г., Саратовской губернской земской упр. №4-авой в апреле 1908 г. и Камышинской уездной землеустроительной комиссией в январе 1908 г. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства – Председателю Совета Министров, от 17.9.1910]. Л. 8.

⁴ Согласно постановлению Аткарской землеустроительной комиссии, помещик Дурново должен был выделить около 2.500 десятин для продажи местным крестьянам.

А.В. Кривошеин

ся переселиться на купленную ими землю¹. Решение о раздроблении немецких обществ, ходатайствовавших о кредите, было поддержано Саратовским губернатором С.С. Татищевым (1906-1910), отметившим, в свою очередь, весьма насущную необходимость «выдач[и] товариществам ссуды под покупаемую у [землевладельца] Дурново землю»².

Положительное разрешение вопроса о кредитовании части немецких

поселян Камышинского уезда вызвало широкий резонанс в правительственных кругах. Так, товарищ министра финансов по управлению Крестьянским поземельным банком А.В. Кривошеин в ответ на запрос П.А. Столыпина заметил следующее: «[...] На основании состоявшегося еще в 1884 г. между Министерствами Внутренних дел и Финансов соглашения, ходатайства б[ывших] немцев-колонистов о приобретении при посредстве Банка земли отклонялись в виду соображений как политического свойства, так и потому, что б[ывшие] колонисты [...], будучи вообще более зажиточными, чем местное крестьянское население, являются и без содействия Правительства достаточно сильными покупателями земли и опасными конкурентами для местного населения [...]»³.

Наряду с этим А.В. Кривошеин все же отметил, что «в отдельных случаях, когда малоземелье таких поселян-собственников было удостове-

¹ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Председателя Крестьянского поземельного банка в Департамент государственных земельных имуществ, от 12.6.1908]. Л. 37 об. – 38.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Саратовского губернатора С. С. Татищева в Земский отдел Министерства внутренних дел, от 22.9.1908]. Л. 48 об.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо товарища министра финансов А. В. Кривошеина – Председателю Совета Министров П. А. Столыпину, от 23.12.1907]. Л. 11 об.

ряемо местной администрацией, им разрешались покупки земли при содействии Банка»¹. Отмечая личный интерес Столыпина в деле землеустройства поволжских колонистов, Кривошеин заверил последнего, что лично он «готов пойти навстречу удовлетворения этой нужды, и нахо[дит] возможным предоставить означенным поселянам [Камышинского уезда] воспользоваться содействием Крестьянского банка к приобретению земель, наравне с малоземельными крестьянами»².

В свою очередь главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков, отметив опасность расширения немецкого замлеводства в России, заявил Столыпину, что «[...] немцы-колонисты составляют совершенно обособленную племенную группу, не имеющую прочной духовной и культурной связи со страной, в которой они проживают [...], [а] общая их масса, несмотря на весьма продолжительное пребывание в пределах России, продолжает сохранять известную культурную обособленность и поддерживает духовную связь с местами своего выхода»³.

В.Н. Коковцов

Руководствуясь этим, князь Б.А. Васильчиков предложил разрешить лишь ограниченную продажу земельных участков немцам-колонистам, выдвинув встречное предложение: «[...] Я полагал бы возможным продавать немцам-колонистам в каждой губернии из общей площади, предназначенной ежегодно к ликвидации земель [...] не более той части, которая соответствовала бы процентному от-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо товарища министра финансов А. В. Кривошеина – Председателю Совета Министров П. А. Столыпину, от 23.12.1907]. Л. 11 об.

² Там же. Л. 12.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова – Председателю Совета Министров П. А. Столыпину, от 8.5.1908]. Л. 30 об.

ношению колониистского населения той же губернии ко всему земледельческому населению последней»¹.

Достаточно четко была определена Б.А. Васильчиковым и правовая невозможность покупки немцами арендуемых земель, которые по окончании арендных сроков следовало незамедлительно передавать для продажи русскому крестьянству, поставив в известность колонистов об окончательной ликвидации всех арендных договоров². Министр финансов В.Н. Коковцов в ответ на запрос П.А. Столыпина высказался еще более жестко: «[...] Вопрос о продаже земли из государственного земельного фонда немцам-колонистам следовало бы разрешить отрицательно, так как эта категория сельских обывателей представляет из себя значительно более обеспеченный землею и наиболее зажиточный класс земледельческого населения [...]»³.

В результате обмена мнениями с министерствами, курирующими вопросы землеустройства, П.А. Столыпин был вынужден признать, что «по точному смыслу соответствующих статей Устава Крестьянского банка, немцам-колонистам права на содействие банка не предоставлено». Заметив при этом, что «правительственная помощь земельным кредитом может быть оказываема [...] [немцам-колонистам] в исключительных случаях, по особому каждый раз соглашению надлежащих ведомств»⁴.

Решение о запрещении расширения землепользования немецких поселян путем продажи им государственных и банковских земель, «ввиду общей зажиточности этого класса населения, [...] и ввиду обособленности его

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова – Председателю Совета Министров П. А. Столыпину, от 8.5.1908]. Л. 30 об.

² Исключения должны были быть сделаны только для колонистов, которые возвели на своих участках ценные хозяйственные постройки. Этим лицам могла быть продана часть арендуемых ими земель в независимости от их экономического положения и без определенной процентной квоты (отношение колониистского населения данной губернии ко всему земледельческому населению последней), однако в размере, не превышающем предельных норм для продажи земли местным крестьянам. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо Главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б. А. Васильчикова Председателю Совета Министров П.А. Столыпину от 8.5.1908]. Л. 30 об. – 31.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо министра финансов В. Н. Коковцова Председателю Совета Министров П.А. Столыпину от 12.6.1908]. Л. 32-32 об.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Письмо министра финансов В. Н. Коковцова министру внутренних дел А. А. Макаров от 4.3.1912]. Л. 48 об.

от коренного населения», легло в основу совместного распоряжения Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия, вышедшего в феврале 1909 г.¹

Аналогичное мнение по вопросу кредитования немецкого населения было высказано на заседании Совета Министров 24 марта 1909 г., в свою очередь подтвердившего, что «вообще недопустимо какое-либо участие банка в увеличении землевладения немцев-колонистов»². Данное распоряжение было поддержано и специальными заявлениями руководства Министерства внутренних дел от 24 ноября 1910 г. и 27 февраля 1911 г.

В марте 1912 г. Председатель Совета Министров В.Н. Коковцов³, подводя своеобразный итог проводимой в стране аграрной политике, заявил буквально следующее: «В практике Крестьянского поземельного банка неоднократно возникал вопрос об оказании банком содействия к покупке земли немцами-колонистами. Наряду с этим означенный вопрос неоднократно служил предметом сношений между Министерством финансов, Внутренних дел и Главным управлением землеустройства и земледелия, причем всегда разрешался ими в отрицательном смысле как по экономическим, так и политическим соображениям»⁴.

Нужно заметить, что запрет на приобретение (на одинаковых с крестьянами основаниях) казенных и банковских земель распространялся и на земледельцев эстонского и латышского происхождения, проживавших в Самарской губернии, которые, по мнению центральных властей, также, «подобно немцам-колонистам, представляют обособленную группу насе-

¹ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Л. 12 [Письмо исполняющего должность Главноуправляющего землеустройством и земледелием Министру внутренних дел от 15.9.1909]. Л. 54 об. – 55.

² Рассматривалось дело (24.3.1909) о покупке земли немцами-колонистами в Донской области (имение помещика Денисова). См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Письмо министра финансов В. Н. Коковцова – министру внутренних дел А. А. Макарову, от 4.3.1912]. Л. 49.

³ Наряду с должностью министра финансов В. Н. Коковцов исполнял одновременно и должность Председателя Совета Министров (1911-1914). См.: *Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры* / Сост. М. А. Васильева, М. В. Ковалев, коммент. М. В. Ковалев. М., 2011. С. 14-16.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Письмо министра финансов В. Н. Коковцова – министру внутренних дел А. А. Макарову, от 4.3.1912]. Л. 48. В марте 1912 г. губернатор Калужской губернии вновь поставил перед правительством вопрос о выделении кредитов Крестьянским поземельным банком немцам-поселянам на общих с русскими крестьянами основаниях.

ления, увеличить землевладение которых едва ли желательно по соображениям государственным [...]»¹.

Тенденциозные обвинения со стороны правительственных чиновников и шовинистически настроенной прессы, заявлявших, что немцы Поволжья являются крупными землевладельцами, воспринимались априори². В сравнении с соседними крестьянскими хозяйствами поволжские немцы, особенно уроженцы Саратовского Поволжья, никогда не являлись крупными землевладельцами, как, например, южнороссийские колонисты, чьи землевладения в 1905 г. в несколько раз превышали земельную собственность соседних крестьян-середняков³.

Первоначальное заявление товарища министра финансов А.В. Кривошеина (1907) о его непротивлении в деле кредитования Крестьянским поземельным банком камышинских поселян привело к тому, что землеустроительная уездная комиссия успела распродать часть отрубных участков из имений банка. Причем покупка отрубов разрешалась только малоземельным колонистам, имевшим в составе своей семьи достаточное количество рабочих рук, чтобы «создать хорошие жизненные хозяйства на купленных отрубках»⁴.

Однако после официального запрета на продажу государственных и банковских земель немецким поселенцам в 1909 г. все землеустроительные работы в Камышинском уезде, непосредственно связанные с выделением им кредитов, были приостановлены. Трагизм данной ситуации заключался в том, что некоторые из поселян уже успели переселиться на «зоторгован-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54 (1906). Д. 12 [Письмо исполняющего должность Главноуправляющего землеустройством и земледелием – Министру внутренних дел, от 15.9.1909]. Л. 54-54 об.

² К началу аграрных преобразований размеры земельных площадей немецких поселян были приблизительно равны землям русских крестьян. Так, если в Самарской губернии землевладения бывших государственных крестьян несколько превышали размеры землевладений поволжских немцев, то в Саратовской губернии ситуация была обратная. Даже если земельные участки колонистов и превосходили землевладения бывших крепостных крестьян центральной части России, то это не говорило об их благополучии или зажиточности. См.: *Long J. W.* Op. cit. P. 128-129. Сравни также: *Юс-тус К. Ф.* Указ. соч. С. 32.

³ См.: *Long J. W.* Op. cit. P. 129. Сравни также: *Brandes D.* Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751-1914. München, 1993. S. 434-439.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства Председателю Совета Министров, от 17.9.1910]. Л. 9 об.

ные» ими отруба, не только продав свои наделы, но и порвав всякую связь со своими прежними обществами¹.

Попытка предводителя дворянства Камышинского уезда М.Х. Готовицкого каким-то образом повлиять на ситуацию окончилась неудачей. Бывший товарищ министра финансов А.В. Кривошеин, назначенный в 1908 г. новым Главным управляющим землеустройства и земледелия по вопросу расширения немецкого землевладения, однозначно занял позицию «принципиальн[ого] противник[а] удовлетворения ходатайства немцев, как населения пришлого [...]»².

Справедливости ради стоит заметить, что в полном соответствии с русской пословицей – «Суровость российских законов компенсируется их невыполнением», – в деле землеустройства поволжских немцев были и свои исключения. Так, по свидетельству управляющего Саратовским отделением Крестьянского банка, в период правительственных дискуссий 1907-1908 гг. немецким поселянам все-таки удавалось выкупать земли у банка на равных с русскими крестьянами условиях³. Среди таких «баловней судьбы» оказались, например, поселяне-собственники Норкского сельского общества Камышинского уезда, которым в 1907 г. была выделена ссуда в размере 382.000 рублей для покупки имения (4 926 десятин) у помещицы М. Плаутиной⁴.

В 1910 г. ввиду полного отсутствия спроса на некоторые земли Крестьянского поземельного банка со стороны русских крестьян, в основном из-за их малой пригодности к обработке (низкое качество почвы, нехватка воды и т. д.), был вновь рассмотрен вопрос о разрешении их продажи

¹ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства Председателю Совета Министров, от 17.9.1910]. Л. 9 об.-10.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства Михаила Х. Готовицкого – Председателю Совета Министров, от 30.11.1910]. Л. 24 об. Сравни также: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка Управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка Саратовскому губернатору, от 17.06.1915]. Л. 109.

³ По ошибочному заключению Дж. Лонга, таких исключений (кредитования немцев-поселян через Крестьянский поземельный банк) вообще не было зафиксировано. См.: Long J. W. Op. cit. P. 126. Сравни: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка Управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка – Саратовскому губернатору, от 17.06.1915]. Л. 109.

⁴ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства – Председателю Совета Министров, от 17.9.1910]. Л. 7 об.-8. Сравни также: Воронезцев А. В. Поселяне-собственники Саратовской губернии и столыпинская аграрная реформа // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 224.

немецким поселянам. Данная сделка, инициатором которой выступило руководство Саратовского отделения Крестьянского банка, выполнялась лишь при условии, что она коснется «не свыше 250 малоземельных семейств, и чтобы допущенное для этих лиц исключение из общего правила [...] не служило бы поводом к разрешению в будущем других подобных сделок»¹.

В ноябре 1910 г. губернатор С.С. Татищев в письме в Министерство внутренних дел отметил, что, несмотря на официальный запрет таких сделок, он лично подтверждает, что «местным населением, в силу достаточной земельной обеспеченности и отрицательного отношения к делу покупки земли отрубями, указанные части имения не раскупаются, а так как они слабо обводнены и отличаются пестротой почвы, то для иногубернского переселения не пригодны»². При этом он добавил, что, по его личному мнению, «[...] бракуемая местным русским населением земля могла бы быть раскуплена менее требовательными в этом отношении немцами-колонистами»³.

Из представленных губернатором С.С. Татищевым сведений следовало, что количество земли, предназначенной к продаже немецким поселенцам, в общей сложности составляло 7.445 десятин по двум уездам (Саратовскому и Камышинскому)⁴. При этом в число лиц, допущенных к покупке банковской земли, попали только поселяне малоземельных немецких обществ с наделами от 1,5 до 2,3 десятин – Ягодно-Полянского, Голо-Карамышевского, Севостьяновского, Гололобововского, Олешнинского и Копенского⁵.

¹ Цит. по: *Воронежцев А. В.* Указ. соч. С. 224. Сравни также: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка Управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка – Саратовскому губернатору, от 17.06.1915]. Л. 109-109 об.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Письмо Саратовского губернатора С. С. Татищева в Министерство внутренних дел (земский отдел), от 17.10.1910]. Л. 17-17 об.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Справка Министерства внутренних дел (земский отдел), от 2.12.1910]. Л. 4. 250 семей были распределены в следующих имениях Камышинского (Лемешкинское – 56 семей; Александро-Ершовское – 10; Тихменевское – 15; Андреевско-Мордовинское – 5) и Саратовского уездов (Святодуховское – 14; Сокурское – 50; Рыбушанское – 70; Поповское – 15; Быковское – 7; Приютское – 8). См.: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка Управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка – Саратовскому губернатору, от 17.06.1915]. Л. 109-109 об.

⁴ Средняя продажная стоимость земли составила 83 рубля за десятину.

⁵ Причем, земельное обеспечение соседних с этими землями русских деревень было весьма различным: от 0,5 до 5 десятин (например, село Мордовое). См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Письмо Саратовского губернатора С. С. Татищева в Министерство внутренних дел (земский отдел), от 17.10.1910]. Л. 18; Там же [Справка Министерства внутренних дел (земский отдел), от 2.12.1910]. Л. 4-4 об.

Необходимо указать, что министр финансов В.Н. Коковцов уступил ходатайству Саратовского губернатора, посчитав, что покупка немецкими поселянами бракуемых местными и иногубернскими крестьянами земель обеспечивает ликвидацию таковых у банка¹. В виде исключения было поддержано и ходатайство 14 немецких семей о продаже в собственность 322 десятин земли из Святодуховского имения (село Хмелевка, Александровская волость), также принадлежавших Крестьянскому поземельному банку². Это исключение было обосновано тем, что бывшие колонисты, имея наделённой земли менее двух десятин на душу, не только несколько десятков лет арендовали земли Святодуховского имения, но и проживали на них³. В итоге в 1911 г. в Петровском уезде немецкими поселенцами из Ягодной Поляны были образованы два новых поселка – Суходолинский, состоящий из 22 домохозяев (500 десятин), и Лупандинский, состоящий из 4 домохозяев (137 десятин)⁴.

Непосредственно в период столыпинской реформы в районе Старо-Бурасской волости (Саратовский уезд) на землях, купленных с помощью Крестьянского поземельного банка, было также образовано два новых поселка. Для этой цели сельское общество колонии Ягодная Поляна приобрело участки земли при деревне Марьино (у помещицы Л.А. Юматовой) в количестве 2.773 десятин. Также отдельно 20-ю домохозяевами (тоже из Ягодной Поляны) были дополнительно выкуплены отрубные участки в количестве 346 десятин близ деревни Муратовка⁵.

Кроме того, постановлением Особого Ликвидационного отдела от 30 апреля 1913 г. немецким поселянам разрешалось дополнительно приобрести 39 отрубов из Больше-Копенского и Ляшковско-Маячского имений Крестьянского поземельного банка. В общей сложности к июню 1915 г.

¹ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Справка Министерства внутренних дел (земский отдел), от 2.12.1910]. Л. 3.

² Общее количество земли в Святодуховском имении составляло более 1,7 тыс. десятин. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Письмо Саратовского губернатора в Министерство внутренних дел (земский отдел), от 17.10.1910]. Л. 18-18 об.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 21 [Справка Министерства внутренних дел (земский отдел), от 2.12.1910]. Л. 4 об.

⁴ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Л. 8160 [Докладная записка временно исполняющего должность земского начальника 4-го участка Петровского уезда – Саратовскому губернатору, от 31.03.1915]. Л. 63.

⁵ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Л. 8160 [Докладная записка земского начальника 1-го участка Саратовского уезда – Саратовскому губернатору, от 11.03.1915]. Л. 65.

302 немецким поселенцам-домохозяевам Саратовской губернии, выходящим на отруба, было продано 8 920 десятин из имений Крестьянского банка¹.

В 1912-1915 гг., исходя из циркуляра Кологривовско-Слепцовского волостного старшины, в поселке Полганиновском (Аткарский уезд) 19 немецкими домохозяевами колонии Ягодная Поляна именно с помощью Крестьянского поземельного банка было приобретено в общей сложности 566 десятин земли. Причем величина проданных участков разнилась от 20 до 47 десятин на семью, а две последние торговые сделки были проведены непосредственно после 2 февраля 1915 г.², т. е. уже после выхода злополучного ликвидационного закона о немецком землевладении³.

Необходимо заметить, что благодаря помощи Крестьянского поземельного банка, покупка земель в Саратовской губернии осуществлялась даже выходцами из Причерноморских колоний. Так, в 1910 г. меннонитами Хортицкой волости Екатеринославской губернии было приобретено у князя Л.Д. Вяземского 9.500 десятин земли в Аркадакской волости Балашовского уезда. В результате меннониты образовали семь новых поселков (Владимировский, Бориспольский, Дмитриевский, Мариановский, Вязем-

¹ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка Управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка – Саратовскому губернатору, от 17.06.1915]. Л. 110.

² ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Л. 8160 [Циркуляр Кологривовско-Слепцовского волостного старшины – земскому начальнику 3-го участка Аткарского уезда, от 09.03.1915]. Л. 4-5.

³ Воспользовавшись началом военных действий, когда деятельность законодательных палат была временно прекращена, Совет Министров весьма спешно, буквально накануне начала работы Государственной Думы, принял 2 февраля 1915 г. (в порядке статьи 87 Основных Законов) несколько узаконений в отношении ограничения землепользования и землевладения российских граждан немецкого происхождения («Liquidationsgesetze»). Классовый характер законодательства (2 февраля 1915 г.) и внесенных к нему поправок (13 декабря 1915 г.) был очевиден: спасти земли мелкопоместного дворянства – ценой экспроприации земельных участков немецких колонистов. Причем направленность данных дискриминационных мер была строго дифференцирована в зависимости от места проживания колонистов. Поволжских колонисты попадали под действие лишь одного из узаконений, а именно, запрета на аренду или приобретение земель волостными и сельскими обществами, состоящими из немецких поселан-собственников. См.: Long J. W. Op. cit. P. 231. Сравни: Striegnitz S. Der Weltkrieg und die Wolgakolonisten: Die Regierungspolitik und die Tendenzen der gesellschaftlichen Entwicklung // Zwischen Reform und Revolution: Die Deutschen an der Wolga 1860-1917 / Hrsg. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen, 1994. S. 140; Закон о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев // История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / Сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. М., 1993. С. 36-37.

ский, Леонидовский, Лидьевский), где к 1915 г. уже проживало в общей сложности 1.031 человек (548 мужчин и 483 женщины)¹.

Сделки немецкого населения по покупке государственной или банковской земли были полностью прекращены только к середине 1916 г. По данным Саратовского окружного суда, в период 1914-1917 гг. немцами-поселянами осуществлялась лишь покупка частновладельческой и надельной земли, общая площадь которой составила почти 2,7 тыс. десятин². В конечном итоге, за время столыпинских аграрных реформ только 302 поселянина смогли выкупить у Крестьянского поземельного банка 364 отруба общей площадью в 8 920 десятин земли³. Если учитывать, что к 1917 г. хутора и отруба занимали в Саратовской губернии 527.441 десятин банковских земель, то помощь данного финансового института немецким поселенцам на всем протяжении аграрной реформы можно расценить как минимальную⁴.

Что касается соседней Самарской губернии, то здесь также были зафиксированны случаи нарушения правительственного запрета по продаже казенной земли немецким колонистам, включая их кредитование Крестьянским поземельным банком. Так, с августа 1906 по март 1915 гг. включительно в Самарском и Новоузенском уездах немцам-поселянам было выделено на продажу 138 отрубов общей площадью 4.125 десятины⁵. Из этого количества за несвоевременный взнос срочных платежей в государственную казну вновь отошло 45 отрубов площадью 1.412 десятин. В целом, по Самарской губернии с момента издания столыпинского Указа

¹ См.: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка временно исполняющего должность земского начальника 5-го участка Балашовского уезда – Саратовскому губернатору, от 15.03.1915]. Л. 17-17 об.

² В частности, немецкими поселянами Саратовской губернии было приобретено 1 313 десятин частновладельческой и 1377 десятин надельной земли. Кроме того, в городах Саратовской губернии ими было куплено дворовых усадебных участков общей площадью 15 406 кв. метров. См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 112 [Докладная записка старшего нотариуса Саратовского окружного суда – Саратовскому губернатору, от 30.01.1916]. Л. 51.

³ См.: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Докладная записка Управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка – Саратовскому губернатору, от 17.06.1915]. Л. 110.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510 [Общий обзор о положении землеустроительного дела в Саратовской губернии, 01.01.1915]. Л. 120; *Воронежцев А. В.* Указ. соч. С. 224.

⁵ Из них, в Самарском уезде – четыре отруба площадью 62,7 десятины, а в Новоузенском – 134 отруба площадью 4 062,4 десятины. См.: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Письмо начальника Самарско-Уральского управления земледелия и государственных имуществ – Самарскому губернатору, от 23.03.1915]. Л. 62.

(1906) и до официального запрещения продажи казенных земель немецкому населению (1909), было продано 92 отруба общей площадью 2.564 десятины. После наложения запрета на подобные сделки в руки поселян-собственников перешло всего лишь пять отрубов (141 десятина), которые, как правило, были выторгованы ими задолго до появления распоряжения о полном запрете продаж государственных земель¹.

С опубликованием закона от 7 июня 1904 г., согласно которому все государственные земли регионов Самары, Оренбурга и Уфы предназначались для продажи безземельным или малоземельным крестьянам-переселенцам, поволжские немцы юридически потеряли и свое право арендовать лежащие по соседству земли². Как уже отмечалось, именно аренда государственных земель в Самарском Поволжье была для колонистов одним из основным способом, позволявшим бороться с постоянно возраставшей проблемой малоземелья³. Несмотря на многочисленные петиции поволжских немцев в адрес правительства, в апреле 1906 г. оно вновь подтвердило свое решение, запретив колонистам расселяться на этих землях⁴. Совместное распоряжение Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия от 24 февраля 1909 г. окончательно поставило точку в этом вопросе, полностью запретив продление немцам арендных договоров на государственные земли, ранее находившиеся в их пользовании. Исключения допускались лишь в особых случаях и по специальному разрешению властей⁵.

¹ См.: Письмо начальника Самарско-Уральского управления земледелия и государственных имуществ – Самарскому губернатору, от 23.03.1915. Л. 62.

² См.: Long J. W. Op. cit. P. 127.

³ См., к примеру: Schmidt D. Op. cit. S. 303. Об историографическом измерении проблемы малоземелья см. также: Ковалев М. В. История российского крестьянства в трудах историка-эмигранта С. Г. Пушкарева // Запад – Россия – Кавказ: Межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь, 2005. Вып. 3. С. 314-324; Он же. Жизненный путь Сергея Германовича Пушкарева // Пушкарев С. Г. История России: Работы разных лет / Сост. Р. Г. Гагкуев, М. В. Ковалев; вступ. ст. и примеч. М. В. Ковалева. М., 2011. С. 5-21; Он же. Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888-1884) // Новая и Новейшая история. 2015. № 3.

⁴ В апреле 1906 г. (12.04.) была опубликована директива, официально запрещающая немцам Поволжья покупать государственные земли Новоузенского уезда. См.: Long J. W. Op. cit. P. 128, 132.

⁵ Арендный договор мог быть продлен на срок не более 6 лет, если немецкими колонистами на арендуемых участках уже были возведены ценные хозяйственные постройки, и не свыше 3-х лет в особо исключительных случаях. См.: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Письмо Главноуправляющего землеустройством и земледелием – Саратовскому губернатору, от 26.01.1915]. Л. 9. Сравни также: Юстус К. Ф. Указ. соч. С. 28-29.

В то же время, несмотря на вышеуказанные правительственные запреты, к началу 1915 г. немецкими поселенцами Самарской губернии на условиях долгосрочной (!) аренды снималось в Новоузенском уезде 45 участков казенной земли площадью 41.301 десятины (6,7% от всей площади казенной земли этого уезда)¹. Причем, если основная часть арендованных участков (84,4%) была сдана с торгов на общих для всех жителей губернии основаниях, то оставшиеся участки были арендованы на основании специальных постановлений центральных и губернских властей – Правительствующего Сената, Главного управления землеустройства и земледелия, Особого торгового присутствия, Губернской землеустроительной комиссии и т. д. Кроме этого, по одногодичным, постоянно продлеваемым контрактам, у немецких поселян находились в аренде еще 24 государственных земельных участка, площадью 36.194 десятины, по каким-то причинам снятые с торгов.

В целом, к началу 1915 г. в Новоузенском уезде в аренде у немцев (включая краткосрочную и долгосрочную аренду) находилось 80 участков общей площадью 76.495 десятин с оброком более 237.000 рублей². Причем основная часть арендованных казенных земель находилась в руках у отдельных, весьма зажиточных, поселян-собственников, составляя в общей сложности 55.529 десятин или 72,6% от всех арендованных немецким населением площадей. Среди самых крупных арендаторов этих земель можно назвать поселянина Карла Вернера (9-й район Новоузенского уезда), арендовавшего у государства более 3,5 тысяч десятин земли, а также жителей колоний Филиппсфельд и Вольская – Александра Мецгера (1.348 дес.) и Якова Генгенредера (1.189 дес.).

В свою очередь сельскими обществами и товариществами немецких колоний арендовалось лишь менее трети от всех государственных площадей – 20.966 десятины (27,4%)³. В числе основных арендаторов данной категории можно выделить общины следующих немецких поселений: Фриденберг (2.054 дес.), Гнадентау (1.791 дес.), Блюменфельд (1.703 дес.) и

¹ См.: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Письмо начальника Самарско-Уральского управления земледелия и государственных имуществ – Самарскому губернатору, от 23.03.1915]. Л. 62 об.

² См.: Там же. Л. 63.

³ Рассчитано автором по данным Самарско-Уральского управления земледелия и государственных имуществ. См.: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Ведомости казенных оброчных статей, находящихся у немцев-колонистов в аренде, март 1915]. Л. 66-74.

Бруненталь (1.499 дес.). Среди пяти сельскохозяйственных объединений, выделившихся из общин в результате аграрных реформ и получивших разрешение на аренду казенных земель, следует отметить товарищества немецких колоний Тарлык[овка] (2.547 дес.), Розенфельд (1.155 дес.) и Шенталь (928 дес.)¹. Причем, по сведениям Самаро-Уральского управления земледелием и землепользованием, число арендованных поволжскими немцами участков, как и количество арендованных площадей, не претерпело особых изменений также и в момент активных военных действий с Германией (1914-1915 гг.).

Даже после принятия российским правительством Закона о прекращении землевладения и землепользования подданных и выходцев из враждующих с Россией государств (от 2.02.1915 г.²), самарские власти затягивали расторжение соответствующих договоров, несмотря на достаточно жесткие распоряжения сверху. Лишь в июле 1916 г. Самарско-Уральское управление земледелия и государственных имуществ решило выставить на торги (с краткосрочными сроками аренды) находящиеся в долгосрочной аренде земельные участки немецких обществ и товариществ. Что касается основных арендаторов государственных земель Самарской губернии, а именно — отдельных лиц немецкого происхождения, то арендуемые ими площади были оставлены за ними (в соответствии с законом) еще на шесть лет³.

Аналогичная картина по сдаче казенных земель в аренду наблюдалась и в Саратовской губернии, в частности, в Аткарском уезде, на всем протяжении 1909-1915 гг. Причем даже после принятия вышеупомянутого Закона от 2 февраля 1915 г., Саратовское управление земледелия и государственных имуществ, сославшись на свою неосведомленность о существовании запрета на аренду государственных земель немецким населени-

¹ См.: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Ведомости казенных оброчных статей, находящихся у немцев-колонистов в аренде, март 1915]. Л. 66-74.

² См. также: Закон о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев // История российских немцев в документах. С. 36-40. Сравни: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Административные известия о землевладении и землепользовании подданных неприяТЕЛЬСКИХ государств, август 1915]. Л. 104-104 об.

³ См.: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Письмо начальника Самарско-Уральского управления земледелия и государственных имуществ — в Департамент Государственных земельных имуществ, от 8.07.1915]. Л. 161. Сравни: Закон о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев. С. 37

ем, и, несмотря на разгоравшиеся антинемецкие настроения в обществе, обратилось с предложением в Департамент Государственных земельных имуществ о продлении подобных договоров, указав на поволжских колонистов – «как на желательный элемент арендаторов»¹.

Кульминация социальных и политических конфликтов в деревне вынудили Николая II пересмотреть политику «консервации» патриархального уклада крестьянской жизни. Инициатором ее стал Председатель Совета министров, бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин. В его первой правительственной декларации была изложена программа широких государственных реформ, самой важной из которых стала земельная реформа, основной целью которой являлась смена формы собственности: общинное землевладение в деревне должна была сменить личная земельная собственность крестьян. Особая роль в процессе проведения в жизнь земельной реформы отводилась землеустроительным комиссиям, которые должны были не только оказывать содействие Крестьянскому поземельному банку при продаже земельных участков крестьянам, выделении ссуд и пособий единоличникам, но и заниматься непосредственно созданием единоличных хозяйств путем разверстывания целых селений (обществ) на хутора или отруба.

К «немецкой» специфике столыпинской аграрной реформы следует отнести также лишение немецких земледельцев финансовой помощи Крестьянского поземельного банка. Вместе с тем, переход поселян к наследственному землевладению не привел к коренному изменению их экономического положения.

¹ РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453 [Письмо начальника Саратовского управления земледелия и государственных имуществ – в Департамент Государственных земельных имуществ, от 06.07.1915]. Л. 135. Сравни: Там же [Письмо Главноуправляющего землеустройством и земледелием – Саратовскому губернатору, от 26.01.1915]. Л. 9-9 об.; ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8160 [Циркуляр Саратовского губернатора земельным начальникам № 50, 11.08.1915]. Л. 101; Там же [Административные известия о землевладении и землепользовании подданных неприятельских государств, август 1915]. Л. 104-104 об.

Татьяна Кузьминична Шор (Тарту)
Михаил Владимирович Ковалев (Саратов – Москва)
Алексей Владимирович Воронежцев (Саратов)

ДАВИД ДАВИДОВИЧ ГРИММ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ¹

Д.Д. Grimm. 1914 г.

В последние два десятилетия усилился интерес исследователей к истории имперских элит, российского парламентаризма и политических партий в начале XX в. Одновременно по-новому осмыслялись традиционные сюжеты, связанные с историей государственных учреждений, университетского вопроса, социальных конфликтов. В 1990-2000-е гг. было издано немало не известных прежде воспоминаний видных общественных и государственных деятелей первой четверти XX в., что позволило обогатить знания о Российской империи в период переломных

исторических событий². Впрочем, отечественная мемуаристика таит еще немало неизвестных страниц. В полной мере это относится к воспоминаниям профессора Давида Давидовича Grimm (1864-1941) «Из жизни Государственного совета», рукопись которых долгое время оставалась безвестной и абсолютно не востребованной исследователями. И это несмотря на то, что к

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Войны, революции и конфликты XVIII-XX вв. в российской исторической памяти» программы Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

² См., например: *Таубе М. А.* «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М., 2006; *Чиркин С. В.* Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006; *Абрикосов Д. А.* Судьба русского дипломата. М., 2008; *Голицын А. Д.* Воспоминания. М., 2008; *Бельгард А. В.* Воспоминания. М., 2009; *Коковцов В. Н.* Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011 и мн. др.

биографии Д.Д. Гримма исследователи обращались не раз¹, в 1990-2000-х гг. были переизданы отдельные его научные работы².

Д.Д. Гримм (1864-1941) принадлежал к числу выдающихся российских ученых рубежа XIX – начала XX вв. Его биография весьма характерна для российских немцев XVIII-XIX вв., игравших огромную роль во внутренней жизни империи. Он родился в Петербурге в семье профессора архитектуры, ректора Императорской Академии художеств, архитектора царской семьи Давида Ивановича Гримма. Д.Д. Гримм окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1887 г. молодой ученый стажировался в Берлинском институте римского права, занимаясь у таких известных профессоров, как Х. Дернбург, Э. Экк и П. Перниц. В 1889 г. Д.Д. Гримм стал приват-доцентом Дерптского университета³. В 1893 г. он защитил магистерскую работу, а через три года докторскую диссертацию по римскому праву в Петербургском университете. С этого времени Д.Д. Гримм профессорствовал в Училище правоведения, Александровской военно-юридической Академии, на Петроградских Высших женских курсах, в Коммерческом институте, но главным образом в Петербургском университете. Он сделал успешную ученую карьеру, заслужив уважение коллег. В 1901-1904, 1906-1910 гг. занимал пост декана юридического факультета, а в 1910 г. был избран ректором. Но проработал он в этой должности недолго. Уже в 1911 г. в знак несогласия с политикой министра народного просвещения Л.А. Кассо профессор Д.Д. Гримм ушел в отставку⁴.

Помимо научной работы, он был активно вовлечен в общественно-политическую жизнь. С 1907 г. Д.Д. Гримм состоял членом Государственного совета, будучи избранным от академической курии. После Февральской революции профессор был назначен товарищем министра народного просвещения, но вскоре снова вернулся в Петроградский университет на прежнюю должность ординарного профессора римского права. В 1919 г.

¹ См., например: *Томсинов В. А.* Давид Давидович Гримм (1864-1941). Биографический очерк // *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21-38; *Он же.* Давид Давидович Гримм (1864-1941) // *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 2. С. 222-252.

² См.: *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. М., 2003.

³ *Ajalooarhiiv Eesti.* F. 402. N. 2. S. 527 [Копия письма попечителя Дерптского учебного округа ректору Императорского Дерптского университета, от 17.09.1889]. L. 1a; *Ibid.* S. 526 [Формулярный список о службе, 27.04.1890]. L. 16p, 19p.

⁴ *Шор Т. К.* Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2000. Т. VI. С. 77-78.

Д.Д. Гримм был арестован большевиками, но вскоре, правда, отпущен. Однако ему стало понятно, что оставаться в Советской России опасно, и в 1920 г. он вместе с семьей тайно выехал в Финляндию. В Хельсинки он стал активным участником антибольшевистского движения¹. Однако после подавления Кронштадтского восстания Д.Д. Гримм, видимо, разуверился в его успешности и уехал в Париж. Но и пребывание во французской столице оказалось недолгим. В 1922 г. Д.Д. Гримм принял приглашение занять кафедру римского права в недавно открытом Русском юридическом факультете в Праге. Он с энтузиазмом вернулся к научной и преподавательской работе, подготовил несколько новых учебных пособий. В 1924 г. он был избран деканом факультета и пробыл на этой должности до 1927 г. В Праге Д.Д. Гримм участвовал в работе Русской академической группы, будучи заместителем председателя, Русской учебной коллегии, Русского института и других организаций².

Еще в 1920 г., когда Д.Д. Гримм покинул Петроград, ему, благодаря хлопотам профессора И.М. Тютрюмова, пришло приглашение из Тартуского университета занять место ординарного профессора римского права. Сначала Д.Д. Гримм отказался, так как хотел продолжать свою академическую карьеру в Праге: «...Я никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета, ... я лишен возможности принять названную должность, о чем я и уведомил профессора И.М. Тютрюмова...»³. Однако к 1927 г. Русский юридический факультет себя исчерпал. Тогда Д.Д. Гримм принял повторное предложение из Тарту занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете. «...Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию 29 января 1927 г.⁴ Там он и проработал вплоть до выхода на пенсию в 1934 г.

В эстонский период Д.Д. Гримм принимал активное участие в русской общественной жизни, долгое время состоял членом приходского совета тар-

¹ См.: Черняев В. Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17-38.

² Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов, 2012. С. 76, 126, 129, 139, 161, 183, 190, 193, 197.

³ Ajaloarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150 [Письмо Д. Д. Гримма в Правление Дерптского университета, 18.07.1920]. L. 6

⁴ Ajaloarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150 [Письмо Д. Д. Гримма декану юридического факультета Тартуского университета, от 29.01.1927]. L. 12.

туского Успенского собора, был председателем тартуского отдела Русского национального союза. Факты свидетельствуют о том, что в Эстонской республике русский профессор пользовался очень большим авторитетом. Его семидесятилетие широко отмечалось в интеллектуальных кругах. Так, на годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д.Д. Гримма. Зимой 1937 г. он участвовал в работе Национального Собрания Эстонии, созданного с целью выработки и принятия новой Конституции¹. О последних годах ученого известно крайне мало. Скончался он 29 июля 1941 г. в Риге, и обстоятельства его смерти до сих пор не прояснены.

За мемуары Д.Д. Гримм принялся в 1929 году и писал их в течение двух лет. Целью своих воспоминаний он называл «правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный Совет в строю наших конституционных учреждений». Научная специальность и историческая отстраненность Д.Д. Гримма придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной субъективности².

Воспоминания состоят из трех частей. Первая часть – «Общая конструкция Государственного Совета. Отдельные группы и лица» – посвящена детальному анализу административной основы, структуры и личного состава Совета. Из текста воспоминаний вырисовывается довольно обширная картина становления элементов конституционного правления в России в лице такого института, как Государственный Совет, действовавшего по Высочайшему указу от 20 февраля 1906 г. на правах верхней палаты парламента. Как известно, половина личного состава Совета назначалась верховной властью, а вторая была выборной от шести курий – дворянской, белого и черного православного духовенства, торгово-промышленной, ученой и двух земских. Поскольку Д. Д. Гримм представлял ученую курию от Академии Наук и российских университетов, то, естественно, он более вникал в работу именно этой группы, и ей посвящена XI глава. Насколько в действительности сильным был состав этой курии к февралю 1917 г., указывает тот факт, что в составе 18 членов группы были такие ученые, как академики В.И. Вернадский, М.А. Дьяконов, С.Ф. Ольденбург, профессора

¹ Шор Т. К. Указ. соч. С. 79.

² Там же.

А.В. Васильев, Д.Д. Гримм и князь Е.Н. Трубецкой, известные своими либеральными взглядами. Д.Д. Гримм довольно подробно останавливается на «походах» министров народного просвещения П.М. фон Кауфмана-Туркестанского, А.Н. Шварца, а затем Л.А. Кассо и его помощника барона М.А. Таубе против выборных ректоров и академических свобод, жертвою которых стал в свое время, например, ректор Тартуского университета Е.В. Пассек. В воспоминаниях анализируются причины и последствия студенческих беспорядков в конце 1910 – начале 1911 гг. в Петербурге и Москве, попытки Л. А. Кассо вывести из состава Государственного Совета ушедших из Московского университета в знак протеста профессоров В. И. Вернадского и А. А. Мануйлова, подробно описаны перипетии борьбы за академические свободы в 1911-1913 гг.

Вторая часть воспоминаний Д. Д. Гримма посвящена периоду с 1910 г. по 1 января 1917 г. и имеет название «Эволюция и психология Государственного Совета». Это едва ли не первая попытка в русской мемуаристике описать коллективную психологию не на уровне толпы, а на примере конституционного учреждения в решающий исторический период Российского государства. Д.Д. Гримм пытается объяснить себе произошедшие трагические события *post factum* не социологическими догмами, но исходя из общей психологической атмосферы. Он подробно останавливается на внешнем и внутреннем взаимодействии новых и старых государственных систем, им созданных структур и учреждений, используя для анализа весь свой богатейший опыт знатока государственного права, начиная с классического римского образца до его реального воплощения в Российском государстве. Д.Д. Гримм тщательно анализирует линии поведения постоянных и выборных членов Совета, деятельность отдельных групп, которые постепенно приобретают отчетливые политические очертания в ходе работы над различными законопроектами, отдельно останавливаясь на взаимоотношениях Совета с Сенатом. Естественно, более всего при этом внимание автора обращено на хорошо ему знакомую работу левой группы «конституционалистов», которой он руководил.

События ноября 1916 г. описаны скупыми, но очень живыми красками, передающими тревожную атмосферу петербургских сходов либеральной интеллигенции. Из мемуаров возникает ясная картина способа ведения разного рода собраний и совещаний, вырисовывается и сама фигура Д.Д. Гримма с его умеренно-конституционными взглядами, его админи-

страторский склад. Любопытна и главка, описывающая деятельность Д.Д. Гримма и В.И. Вернадского в комиссии по обсуждению проекта закона о кооперативных товариществах и союзах. Живо описано последнее стихийно собранное 27 февраля 1917 г. общее заседание членов Госсовета в Мариинском Дворце, где Е.Н. Трубецким и А.И. Гучковым была составлена верноподданническая телеграмма царю. В ней от имени собравшихся членов они советовали отставить не способное к управлению правительство.

В третьей части мемуаров Д.Д. Гримма, озаглавленной «Агония Государственного Совета», в трех главах подробно описаны последние дни и процесс ликвидации этого первого в России конституционного учреждения. Первым шагом распущенной Госдумы сразу же после ночных налетов 27 и 28 февраля 1917 г. на Мариинский Дворец, где заседал Государственный Совет, было оперативное создание временного Комитета, который *de facto* являлся единственным представительным органом рушащегося государства. Квартира барона В.В. Меллер-Закомельского стала временным пристанищем для оставшихся членов Государственного Совета, а Д.Д. Гримм был связующим звеном между остатками Госсовета и вновь образованным комитетом Госдумы. Решением последнего он был назначен Комиссаром по Мариинскому Дворцу. Целая глава посвящена реорганизации Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и Отделения Свода Законов Государственной Канцелярии. Последняя глава мемуаров Д.Д. Гримма повествует о ликвидации личного состава Государственного Совета с окончанием двоевластия и приходом к власти большевиков. Самым отрицательным образом характеризуя Советы рабочих и солдатских депутатов, Д.Д. Гримм также критически оценивает и Временное правительство, которое он называет «коллекцией олигархов».

Воспоминания Д.Д. Гримма отразили в себе не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Д.Д. Гримма погружают в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга. Академическая подготовка автора сказывается в изящном стиле, отработанном русском языке.

Осознавая важность воспоминаний Д.Д. Гримма как исторического источника, авторы настоящего очерка приняли решение опубликовать в качестве приложения их фрагмент, снабдив необходимыми комментариями.

ми. Текст публикуется по авторской рукописи, хранящейся в Историческом архиве Эстонии в Тарту (Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 8-17), с сохранением авторской стилистики.

Часть первая

I

Общая конструкция Государственного совета. Отдельные группы и лица.

I. Состав Государственного совета. Первые и вторые выборы в Государственный совет от Академии наук и русских университетов.

Государственный совет на основании высочайшего указа от 20 февраля 1906 года¹ был преобразован из чисто законосовещательного учреждения в законодательное собрание, действовавшее на правах Верхней Палаты.

¹ 20 февраля 1906 года был опубликован указ «О переустройстве Учреждения Государственного совета». Совет должен был состоять из назначенных царем лиц и выборных членов в равном количестве. В выборах имели право участвовать дворянство, земство, православное духовенство, представители науки и торгово-промышленных организаций. От земства и дворянства неземских губерний избирались 74 члена из 98 выборных членов Совета, от остальных корпораций – по 6 членов. Члены Совета избирались на 9 лет, но каждые 3 года треть состава подлежала переизбранию. Царь имел право досрочно распустить членов по выборам и назначить новые выборы. Заседания Совета считались действительными при наличии трети его членов. Председатель и вице-председатель назначались ежегодно царем из назначаемых им членов Государственного совета. Одобренные Государственной думой законопроекты подлежали предварительному рассмотрению в комиссии Совета. При признании Советом необходимости внесения изменений в законопроект он или сразу возвращался в Думу, или передавался в комиссию из представителей Совета и Думы, а затем с ее заключением поступал в Думу. Одобренные законодательными палатами, но отклоненные царем законопроекты могли повторно рассматриваться лишь в новой сессии. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. 27425. СПб., 1909. С. 154-160). Одновременно был опубликован манифест о преобразовании Совета в верхнюю законодательную палату. Совет наделялся равными с Думой правами. С момента созыва Совета и Думы законы воспринимали силу лишь с их одобрения. Царь имел право утверждать законодательные акты во время прекращения занятий Думы при условии, что эти акты не должны были «вносить изменения ни в Основные государственные законы, ни в учреждение Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу». Если правительство после возобновления деятельности Думы не вносило данные законопроекты на ее рассмотрение в течение 2 месяцев или вносило, но они отвергались одной из палат, то они утрачивали силу. Совет и Дума ежегодно созывались и распускались царскими указами. Они наделялись правом почина пересмотра действующих законов, за исключением «Основных законов», инициатива пересмотра которых сохранялась за царем.

Половина его членов назначалась верховной властью. Эти назначенные члены ежегодно к 1-му января переназначались. Они именовались присутствующими членами. Не попавшие вновь в список переходили в разряд т[ак] наз[ываемых] неприсутствующих членов Совета, и на освободившиеся вакансии назначались новые члены. Из состава присутствующих членов по назначению на текущий год назначались председатель и вице-председатель Совета.

Вторая половина состояла из выбранных членов, разбитых на шесть курий: курию дворянства, курию черного и белого православного духовенства, курию торгово-промышленную, обнимавшую представителей от торговли и промышленности, курию ученую, обнимавшую представителей от Академии Наук и российских университетов, и две курии земские: одна из них состояла из представителей т[ак] наз[ываемых] земских губерний, т.е. губерний, в которых было введено положение о земских учреждениях, другая обнимала представителей от остальных, неземских губерний Европейской России с включением Царства Польского и трех Прибалтийских губерний.

Для первых четырех курий был установлен порядок двойных выборов: на местах избирались выборщики. Члены Государственного совета от дворянской, торгово-промышленной и ученой курий избирались съездами выборщиков от подлежащих курий, созываемых в Петрограде¹, из своей среды. Члены Совета от курии черного и белого духовенства номинально избирались, фактически же назначались Св[ятейшим] пр[авительствующим] синодом из числа выборщиков, намеченных на местах. Члены Государственного совета от названных четырех курий избирались на девять лет; треть их выбывала через каждые три года, с заменой их новыми членами, избранными тем же порядком.

Обе земских курии непосредственно избирали по одному члену Государственного совета. Избирательными органами являлись: для земских губерний – губернские земские собрания, для неземских губерний – ad hoc² созываемые съезды местных землевладельцев, обладающих определенным земельным цензом. Состав этих двух курий весь подлежал переизбранию через каждые три года.

¹ Правильно Санкт-Петербург (Петербург). Переименован в Петроград в 1914 г., после начала Первой мировой войны.

² «Ad hoc» (лат.) означает «для этого, применительно к этому, для данного (этого) случая, для этой цели».

Первые выборы от Академии наук и университетов были произведены весной 1906 г. параллельно с выборами в Государственную Думу первого созыва¹. Выборщиками от Петроградского² университета были избраны заслуженные профессора В. И. Сергеевич³, А. А. Иностранцев⁴

¹ Государственная дума – законодательная представительная нижняя палата в Российской империи в 1906-1917 гг. Ее члены избирались на 5 лет. Она была наделена правом обсуждения законопроектов, в том числе и бюджетных, которые потом рассматривались в Государственном совете и утверждались царем. При отклонении Думой нового бюджета расходы сохранялись на уровне прошедшего года. Дума не имела права пересмотра Основных законов страны. Царь мог досрочно распустить ее. I Государственная дума была созвана 27 апреля 1906 г. В ее составе преобладала оппозиция, потребовавшая упразднения Государственного совета, расширения законодательных прав Думы, установления ответственности министров перед народными избранниками, амнистии политическим заключенным, признания принципа отчуждения частновладельческих земель для решения аграрного вопроса. I Дума была распущена 8 июля того же года из-за несогласия с внутренней политикой царского правительства.

² Правильно «Петербургского университета».

³ Сергеевич Василий Иванович (1832-1911) – русский историк права. Родился в Орле. Окончил с золотой медалью 4-ю Московскую гимназию (1853), затем со степенью кандидата юридический факультет Московского университета (1857). После защиты в 1867 г. магистерской диссертации был назначен доцентом кафедры государственного права в Московском университете. В 1871 г. защитил докторскую диссертацию. С 1872 г. перешел в Петербургский университет на кафедру истории русского права. В 1879-1884 гг. исполнял обязанности секретаря юридического факультета; в 1888-1897 гг. был деканом, а в 1897-1899 гг. – ректором университета. С 1878 гг. преподавал также в Археологическом институте, с 1882 гг. – в Александровском лицее. С 1 января 1907 г. стал членом Государственного совета по назначению. Был избран в почётные члены Юрьевского, Харьковского и Киевского университетов, Чешской Академии Франца Иосифа и ряда учёных обществ. В 1909 г. юридический факультет Юрьевского университета присудил ему за его труды премию графа М.М. Сперанского. В.И. Сергеевич по поручению Русского исторического общества издал в сборниках общества большое количество документов, касающихся екатерининской Законодательной комиссии 1767 г.

⁴ Иностранцев Александр Александрович (1843-1919) – русский геолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1901). Один из основателей и председатель (1888) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Член целого ряда научных обществ в России и за рубежом. Родился в Петербурге, в семье военного. Окончил 2-ю Петербургскую гимназию, затем в 1867 г. – отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. В своей магистерской диссертации впервые в России применил метод микроскопического исследования горных пород. В 1868 г. стал хранителем геологического кабинета, превратив его в дальнейшем в геологический музей университета. С 1869 г. стал читать лекции в качестве приват-доцента, в 1870 г. стал доцентом палеонтологии и геологии. После защиты в 1873 г. докторской диссертации был избран экстраординарным, а в 1880 г. – ординарным профессором по кафедре геологии Санкт-Петербургского университета. Читал лекции в академиях Военно-медицинской и Военно-инженерной, Генерального штаба, технологическом институте, на Бестужевских

и первый после т[ак] н[азываемого] указа об университетской автономии 1905 г.¹ выборный ректор университета И.И. Боргман². Из них В.И. Сергеевич и А.А. Иностранцев не носили определенной политической окраски, скорее всего их можно было причислить к правым октябристам³, И.И. Боргман состоял членом к[онституционно]–

высших женских курсах. В 1892 г. на Урале открыл коренное месторождение платины. Автор 183 научных книг и статей, не считая журнальных заметок. Создатель фундаментального учебника по геологии в двух томах. Автор мемуаров (*Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография)*). СПб., 1998).

¹ 27 августа 1905 г. был издан указ «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Указом вводилась выборность ректора и деканов с последующим их утверждением «в установленном порядке». Советам университетов поручались «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни». Был восстановлен университетский суд (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отделение I. № 26692. СПб., 1908. С. 658-659).

² Боргман Иван Иванович (1849-1914) – физик, профессор Петербургского университета. Окончил 2-ю Петербургскую гимназию в 1866 г., затем физико-математический факультет Петербургского университета (1870). В 1878 г. получил степень магистра, в 1882 г. – степень доктора. За конденсатор оригинальной конструкции получил награду на Всемирной электротехнической выставке в Париже (1881). Читал лекции по физике в университете, технологическом институте, на Высших женских курсах, Педагогических женских курсах и Владимирских курсах. С 1888 г. экстраординарный профессор. Автор ряда научных работ по электромагнетизму, электрическим разрядам в газах, радиоактивности. Создал ряд физических приборов. С 1901 г. директор Физического института университета. По своим политическим взглядам принадлежал к умеренным либералам. В 1905-1910 гг. первый выборный ректор Петербургского университета. Организатор съезда русских естествоиспытателей и врачей в 1901 г. и двух Менделеевских съездов – в 1907 и 1911 гг. В 1906 г. избран членом Государственного совета от университетов и Академии наук, но в январе 1907 г. вышел из него в знак протеста против роспуска I Государственной думы. Оставил должность ректора в 1910 г. в знак протеста против нарушения полицией прав студенчества. Был одним из организаторов и активным членом Русского физико-химического общества, съездов русских естествоиспытателей и врачей, Менделеевских съездов. Был редактором физического отдела «Журнала Русского физико-химического общества», редактировал книги серии «Новые идеи в физике».

³ Октябристами назывались члены «Союза 17 октября». Это – праволиберальная партия чиновников, помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, названная так в честь манифеста 17 октября 1905 г. Выступала за наследственную конституционную монархию, двухпалатное народное представительство с цензовыми выборами в него, гражданские права (неприкосновенность личности и жилища, свободу совести, слова, союзов, собраний), за централизованное государство, против национальных автономий, в поддержку столыпинской аграрной политики и правительственного курса по борьбе с революционным движением, за свободное развитие торговли и промышленности. Получила от политических противников название партии «с утерянной грамотой» из-за отсутствия в своей программе некоторых ранее выдвинутых лозунгов (например, о всеобщем

д[емократической] партии¹. Впрочем, политические взгляды этих лиц при избрании их Советом университета вообще не играли сколько-нибудь заметной роли. В первое время большинство членов университетского Совета имело довольно неясное представление о политическом значении выборов в Государственный совет. Избранием названных лиц Совет в первую очередь хотел почтить двух из видных старейших членов нашей коллегии и недавно лишь избранного нового ректора университета. Мало того, и роль выборщиков, единственная функция которых составляла в однократном участии в общем съезде выборщиков для избрания шести членов Государственного совета от ученой курии, рисовалась многим в весьма смутном виде. Ярким показателем этого служит заявление, сделанное ни кем иным, как самим маститым В.И. Сергеевичем после оглашения результатов выборов. В благодарственной речи, обращенной к членам Совета, почтивших его избранием в коллегию выборщиков, он обещал всегда неотступно отстаивать в Государственном совете интересы родного университета. Это заявление оказалось преждевременным: на съезде выборщиков в члены Государственного совета от Петроградского университета прошел только один ректор университета И.И. Боргман. Наряду с ним были избраны три академика: А.С. Лаппо-Данилевский²,

избирательном праве). Насчитывала до 70 тыс. чел. Это преимущественно промышленники, торговцы, банкиры, помещики, домовладельцы, цензовая интеллигенция, чиновники. Правительственный запрет чиновникам на принадлежность к политическим партиям не распространялся на черносотенные организации и партию октябристов. Имела незначительное представительство в I-II Думах и самую крупную фракцию в III Думе. Среди большинства населения не имела поддержки. К 1917 г. практически распалась.

¹ Конституционно-демократическая партия была образована на учредительном съезде 12-18 октября 1905 г. Позже приняла название партии народной свободы. Члены партии назывались кадетами. В партии состояли преимущественно лица интеллигентных профессий, как то: адвокаты, инженеры, врачи, учителя, а также либерально настроенные помещики и чиновники. Программа предусматривала введение демократических свобод, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего избирательного права, политическую автономию Польши, законодательное народное представительство, ответственность перед ним правительства, принудительное отчуждение за выкуп помещичьей земли, восьмичасовой рабочий день. Численность партии составляла до 70 тыс. чел. Имела самую крупную фракцию в I Думе. Запрещена советским правительством в 1918 г. (О кадетской партии см.: Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 267-273; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905-1920. М., 1994-1998. Т. 1-3).

² Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863-1919) – историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, ординарный академик

А.А. Шахматов¹ и В.И. Вернадский², состоявший одновременно профессором Московского университета, далее профессор Московского университета

Санкт-Петербургской академии наук (1905). Окончил с золотой медалью Симферопольскую гимназию (1882), историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1886). Магистр русской истории (1890). С 1890 – приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Читал курсы по русской истории и историографии, с 1906 г. вел курс по методологии истории. В 1891-1905 гг. – экстраординарный профессор Петербургского историко-филологического института. С 1905 г. – ординарный академик Санкт-Петербургской академии наук. Секретарь (1890-1895) и председатель (с 1903) секции русской истории Исторического общества Санкт-Петербургского университета. С 1894 г. – член Археографической комиссии. Почетный доктор права Кембриджского университета (1916). С 1917 г. – председатель Союза российских архивных деятелей. С 1918 г. – сверхштатный профессор Петроградского университета. Автор трудов по социально-экономической, политической и культурной истории России XV-XVIII веков, методологии истории, источниковедению, истории науки. Автор трудов по социально-экономической, политической и культурной истории России XV-XVIII веков, методологии истории, источниковедению, истории науки.

¹ Шахматов Алексей Александрович (1864-1920) – русский языковед, исследователь русского летописания, академик Петербургской АН. Из дворян. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1887). Приват-доцент с 1890 г. В 1891-1893 гг. земский начальник в Саратовском уезде Саратовской губернии. С 1894 г. – адъюнкт Петербургской Академии наук академика. В 1894 г. присуждена степень доктора русского языка и словесности. С 1897 г. – экстраординарный академик; с 1898 г. – член Правления Академии наук, с 1899 г. – действительный член Академии наук. В 1896 г. под его руководством возобновлено академическое периодическое издание «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». Редактор выпусков академического «Словаря русского языка» с 1891 г. В 1906 г. избран председателем Отделения русского языка и словесности Академии наук. С 1906 г. член Государственного совета от академической курии. С 1910 г. профессор Петербургского университета. Участвовал в подготовке реформы русской орфографии, проведенной в 1917-1918 гг. Автор реконструкции первоначального текста «Повести временных лет». По его инициативе Академия наук издавала исследования, словари и материалы по различным славянским языкам.

² Вернадский Владимир Иванович (1863-1945) – российский и советский естествоиспытатель, основоположник наук о земле – геохимии, биогеохимии, радиогеологии, гидрогеологии и др. Академик Петербургской АН (1912), академик Российской АН (1917), первый президент АН Украины (1919), академик АН СССР (1925). Профессор Московского университета (1898-1911). Из дворян. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1885). В 1885-1888 гг. был хранителем Минералогического кабинета Петербургского университета. В 1890-1998 гг. – приват-доцент Московского университета. В 1898-1911 гг. – профессор Московского университета, помощник ректора, один из создателей и преподавателей Московского университета имени Шаняевского. В начале 1911 г. в знак протеста против полицейского произвола ушел из Московского университета. В 1906 г. избран адъюнктом Академии наук и назначен заведующим минералогическим отделом Геологического музея, в 1908 г. он был избран экстраординарным академиком, в 1912 г. – ординарным академиком, в 1914 г. – директором Минералогического и Геологического музея АН, в 1915 г. – председателем Комиссии по изучению производительных сил

В.О. Ключевский¹ и профессор Харьковского университета Д.И. Багалея². Все названные лица, за исключением В.О. Ключевского, состояли членами ка-

России (КЕПС). Из КЕПС впоследствии образовались институты: керамический, ради-евый оптический, физико-химический, платины и другие. В 1910 г. создал и возглавил Радиевую комиссию Академии наук. Участник общественного движения. Член ЦК ка-детской партии. В 1906 и 1915 гг. годах избирался членом Государственного совета от академической курии. После Февральской революции – председатель Ученого комите-та Министерства земледелия, председатель Комиссии по ученым учреждениям и науч-ным предприятиям, товарищ министра народного просвещения. Не приняв Октяб-рьской революции, уехал на юг России. В годы гражданской войны был президентом Ук-раинской АН (1919), ректором Таврического университета. В 1921 г. вернулся в Петро-град, руководил Радиевым институтом. В 1922-1926 гг. пребывал за границей, где чи-тал курс лекций в Сорбонне, работал в Минералогической лаборатории Музея естест-венной истории и Радиевом институте имени Пьера Кюри. В 1926 г. возвратился в Со-ветский Союз, создал Биогеохимическую лабораторию (1928). Внес существенный вклад в минералогию и кристаллографию. Награжден Сталинской премией I степени.

¹ Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – один из крупнейших русских исто-риков, ординарный профессор Московского университета; ординарный академик Санкт-Петербургской Академии наук (сверх штата) по истории и древностям русским (1900), председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете (1893-1905). Отчислен из Пензенской духовной семинарии до ее окончания. По окончании историко-филологического факультета Московского университета (1865) с золотой меда-лью оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. По-сле защиты магистерской диссертации (1871) получил право преподавать в высших учеб-ных заведениях. Читал курс всеобщей истории в Александровском военном училище, курс русской истории в Московской духовной академии, на Высших женских курсах, в Учили-ще живописи, ваяния и зодчества. С 1879 г. преподавал в Московском университете. Наи-более известный научный труд – «Курс русской истории» в 5 частях. С 1882 г. – профессор Московского университета. Был деканом историко-филологического факультета и прорек-тором университета в 1887-1889 гг. В 1889 г. избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1900 г. – ординарным академиком Академии наук (сверх штата). В 1905 г. участво-вал в работе Комиссии по пересмотру законов о печати и в совещаниях по проекту учреж-дения Государственной думы и её полномочий. 10 апреля 1906 г. был избран членом Госу-дарственного совета от Академии наук и университетов, но отказался от звания, поскольку не находил участие в совете «достаточно независимым для свободного... обсуждения воз-никающих вопросов государственной жизни».

² Багалея Дмитрий Иванович (1857-1932) – русский и советский историк, общес-твенный и политический деятель, член Государственного совета от Академии наук и университетов (1906), ректор Харьковского университета (1906-1910), харьковский го-родской голова (1914-1917), академик АН УССР (1918). Из семьи ремесленника (шор-ника). Обучался на историко-филологическом факультете в Киевском и Харьковском университетах, оставлен при последнем (1880) стипендиатом для приготовления к про-фессорскому званию. С 1883 г. приват-доцент Харьковского университета по кафедре русской истории, с 1887 г. профессор, в 1906-1910 гг. ректор Харьковского университе-та. Член Государственного совета (1906; 1910-1914), голова Харьковской городской думы (1914-1917). Производил раскопки и составил археологическую карту Харьковс-кой губернии. Был секретарем и председателем секций на археологических съездах. После Октябрьской революции преподавал историю в Харьковском и Полтавском инс-

детской партии. Из более правых никто не был избран. Немедленно после оглашения результатов выборов В.О. Ключевский почему-то сложил с себя звание члена Государственного совета. Заместителя ему (подбалльного) не оказалось, и таким образом академическая курия во время первой сессии преобразованного Государственного совета состояла лишь из пяти членов.

Первая сессия Государственного совета в новом его составе закончилась одновременно с роспуском первой Государственной думы. За это время Государственный совет успел рассмотреть и принять проект собственного Наказа, выработанный избранной общим собранием особой комиссией. Наказ, согласно закону, был внесен в Пр[авительствующий] Сенат для опубликования, но судьба его оставалась открытой и выяснилась лишь после закрытия сессии. Единственным серьезным законопроектом, поступившим из Государственной думы, явился законопроект о полной отмене смертной казни¹. Этот законопроект, внесенный в Думу в порядке законодательной инициативы, встретил в Думе решительный отпор со стороны министерства И.Л. Горемыкина², которое опиралось в этом отношении, между прочим, на новые Основные Законы от 23 апреля 1906 г.³ За-

титутах, основал в Харькове научно-исследовательскую кафедру истории Украины, Институт истории украинской культуры, Институт по изучению творчества Т.Г. Шевченко, был членом коллегии центрального архивного управления при ВУЦИК.

¹ Законопроект об отмене смертной казни был принят единогласно депутатами I Государственной Думы 16 мая 1906 г. 19 июня 1906 г. после негативной реакции на него правительства, Дума вновь проголосовала за проект и затем направила его в Государственный совет.

² Горемыкин Иван Логгинович (1839-1917) – русский государственный деятель, председатель Совета министров Российской империи, член Государственного совета, сенатор. Из потомственных дворян. Окончил училище правоведения 1860 г. Службу начал в Сенате, затем был вице-губернатором в Полоцкой и Келецкой губерниях. С 1873 г. стал служить в МВД, с 1882 года занимал прокурорские должности в департаментах Сената. В 1891 г. назначен товарищем министра юстиции, в 1894 г. – сенатором. В 1895-1899 гг. возглавлял МВД, затем назначен членом Государственного совета. С 22 апреля по 8 июля 1906 г. был председателем Совета министров. В Государственном совете относился к группе правых. В 1914-1915 гг. вновь возглавлял Совет министров. После Февральской революции был арестован, затем выслан из Петрограда. Жил в Сочи, где был убит во время разбойного нападения на его дачу.

³ Опасаясь пересмотра Основных законов России I Думой, царь предпочел опередить ее и созвал совещание в Царском селе в апреле 1906 г. В итоге откорректированные «Основные государственные законы Российской империи» были опубликованы 23 апреля 1906 г., за три дня до открытия I Государственной думы. Из них было исключено определение власти императора как неограниченной. Законодательная власть осуществлялась царем, Государственным советом и Государственной думой. При отклонении законопроектов законодательными палатами они признавались отклоненными

конопроект в той общей форме, которая была ему придана Думою, вторгался в сферу военного законодательства, изъятого из ведения общих законодательных учреждений. В Государственном совете проект в течение первой сессии не вышел из стадии комиссионного обсуждения. Окончательное отклонение его подавляющим большинством общего собрания имело место уже во время второй сессии.

Немедленно после роспуска первой Государственной думы четыре члена академической группы – академики Лаппо-Данилевский, Шахматов, Вернадский и профессор Багалей – в виде протеста против роспуска Думы¹ сложили с себя звания членов Государственного совета. И. И. Боргман не последовал их примеру и лишь незадолго до назначения новых выборов по ученой курии (перед созывом второй Государственной думы), отказался от звания члена Государственного совета.

Таким образом, ученая курия Государственного совета перед выборами во вторую Государственную думу подлежала переизбранию в полном составе. Политическое значение выборов на этот раз стало ясным для всех. От Петроградского университета выборщиками были избраны ректоры и бывший член Государственного совета И.И. Боргман, М.М. Ковалевский²,

(ст. 7). Царь имел право утверждения внесенных правительством законопроектов во время парламентских каникул, за исключением мер, изменяющих Основные законы, акты о законодательных палатах и о выборах в них (ст. 87). В случае невнесения их на рассмотрение Думы в течение 2-х месяцев после возобновления ее деятельности они теряли юридическую силу. Кадеты сочли пересмотр Основных законов без участия законодательных палат прямым нарушением манифеста 17 октября 1905 г.

¹ Указ о роспуске Думы был подписан 8 июля 1906 г.

² Ковалевский Максим Максимович (1851-1916) – русский историк, юрист, социолог и общественный деятель, один из руководителей русского масонства, член I Государственной думы и Государственного совета. Член-корреспондент Санкт-Петербургской АН с 1899 г., с 1914 г. – академик. Из дворян. По окончании юридического факультета Харьковского университета со степенью кандидата права (1871) оставлен при университете на кафедре государственного права европейских держав. В 1872-1876 гг. обучался в Берлине, Париже и Лондоне. В 1877-1887 гг. преподавал в Московском университете. В 1880 г. защитил докторскую диссертацию. Один из издателей журнала «Критическое обозрение» (1879-1880), участник этнографических экспедиций на Кавказ (1883, 1885, 1887). Уволен из университета по приказу министра народного образования И. Д. Делянова. Выступал с лекциями за границей по приглашениям. Один из основателей Русской высшей школы общественных наук (1901). С августа 1905 г. участник общественного движения в России. Основатель партии демократических реформ. Масон. Избран членом I Государственной думы от Харьковской губернии. Выступал по большинству обсуждаемых вопросов. В 1907 г. избран членом Государственного совета. Профессор Петербургского университета (1905-1916). Один из основателей партии про-

бывший член первой Государственной думы, избранный весной 1906 г. сверхштатным ординарным профессором Петроградского университета, и Д.Д. Гримм¹. Из них И.И. Боргман и Д.Д. Гримм состояли членами кадетской партии, а М.М. Ковалевский – членом партии демократических реформ². От Московского университета выборщиками состояли ректор университета А.А. Мануилов³, бывший член Государственного совета В.И. Вернадский, оба кадеты, и кн[язь] Е.Н. Трубецкой⁴, мирнообновле-

грессистов, член ее ЦК. Личная библиотека по его завещанию передана в Московский университет. См.: *Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания.* М., 2005.

¹ В копии послужного списка проф. Д.Д. Гримма указано, что он был избран членом Государственного Совета 8 февраля 1907 г. выборщиками членов Государственного Совета от Академии Наук и Российских университетов, согласно Высочайшему Указу от 20 февраля 1906 г. (*Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150. L. 48 p.*).

² Партия демократических реформ – либерально-буржуазная партия. Основана в январе 1906 г. группой бывших членов конституционно-демократической партии. В марте 1906 г. объединилась с умеренно прогрессивной партией и стала называться также «Союзом народного благоденствия». Программа отстаивала путь «мирного обновления России» с «наследственной конституционной монархией», единство России (с автономией только для Польши и Финляндии), сохранение «мелкого и крупного землевладения» и допускала отчуждение земли за выкуп. Насчитывала до 2 тысяч членов. В конце 1907 г. вошла в партию мирного обновления.

³ Мануилов Александр Аполлонович (Мануйлов) (1861-1929) – русский экономист, ректор Московского университета, министр народного просвещения Временного правительства. Окончил юридический факультет Новороссийского университета (1883). С 1888 г. занимался педагогической деятельностью, был приват-доцентом Московского университета. Магистр политической экономии (1895). Доктор политической экономии (1901). Профессор. С 1901 г. заведовал кафедрой Московского университета, в 1905-1911 гг. – ректор университета. В знак протеста против нарушения университетской автономии подал в отставку. Министр народного просвещения Л.А. Кассо вместо принятия отставки уволил его, что привело к демонстративному уходу из университета около 130 профессоров и преподавателей. В 1907-1911 гг. член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов. Критик столыпинской аграрной реформы. Член ЦК кадетской партии. С 1911 г. преподавал политическую экономию в Московском коммерческом институте, Народном университете имени А.Л. Шанявского и на Высших женских курсах. В 1914-1917 гг. председатель Экономического совета Всероссийского союза городов. В марте – июле 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. С июля 1917 г. – ординарный профессор Московского университета по кафедре политической экономии и статистики. После прихода к власти большевиков прекратил политическую деятельность, участвовал в реформе правописания. Был профессором политической экономии в Московском университете и Институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. В 1919-1920 гг. – консультант народного комиссара финансов. С 1924 г. член совета Государственного банка, участвовал в проведении финансовой реформы.

⁴ Трубецкой Евгений Николаевич (1863-1920) – князь, русский философ, правовед, публицист, общественный деятель. Из древнего рода Трубецких. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. После защиты диссертации полу-

нец¹. Определенно прогрессивный состав выборщиков дали также Академия наук, в составе выборщиков которой входили бывшие члены Государственного совета Лаппо-Данилевский и Шахматов и, если не ошибаюсь, академик С.Ф. Ольденбург², также Казанский, Харьковский и Одесский университеты, смешанный состав – Юрьевский и Томский университет, определенно правый – университеты Св[ятого] Владимира в Киеве и Вар-

чил звание приват-доцента в Демидовском лицее в Ярославле. С 1892 г. – приват-доцент, с 1897 г. – профессор Киевского университета. Участник оппозиционного движения. Член нелегальных земского кружка «Беседа» и «Союза освобождения», участник «банкетной» кампании, один из основателей кадетской партии. Один из учредителей Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева в ноябре 1905 г. Ответил отказом на предложение председателя Совета министров С. Ю. Витте занять пост министра народного просвещения. С 1906 г. профессор энциклопедии и истории философии права Московского университета. Издатель общественно-политического журнала «Московский еженедельник» (1906-1910). Один из основателей партии мирного обновления. Член Государственного совета в 1907-1908, 1915-1917 гг. В 1911 г. покинул Московский университет в знак протеста против действий правительства. Переехал в имение Бегичево в Калужской губернии, где занимался ведением хозяйства и писал философские статьи. Читал лекции в народном университете имени А. И. Шанявского. Участник антибольшевистского движения, член Правого центра в 1918 г. В сентябре 1919 г. переехал в Киев, где вошел в состав Совета государственного объединения России. Скончался от тифа в Новороссийске.

¹ Партия мирного обновления создана в июле 1906 г. левыми октябристами (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Д.Н. Шипов и др.) и правыми кадетами (Н.Н. Львов, Е.Н. Трубецкой и др.) на основе фракции «мирного обновления», образовавшейся в I Государственной думе. Занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами, выступая против насилия как со стороны правительства, так и революционеров. Мирнообновленцы участвовали в совещании в Выборге, но не стали подписать Выборгское воззвание. Программа предусматривала введение конституционной монархии, проведение реформ, двухстепенные выборы, отмену смертной казни и проведение политической амнистии, свободу стачек, сокращение рабочего дня, охрану труда, государственное страхование рабочих, наделение земель малоземельных и безземельных крестьян за счет государства, а также выкупа части помещичьих земель, переселение безземельных крестьян на окраинные земли, организацию дешевого кредита, урегулирование арендных отношений и цен, поднятие культуры земледелия. Партия не играла серьезной политической роли и в III Думе вместе с партией демократических реформ создала фракцию прогрессистов». В 1912 г. партия мирного обновления вошла в партию прогрессистов. Официальные органы партии газета «Слово» и журнал «Московский еженедельник».

² Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934), индолог, исследователь фольклора и искусства Индии, Центральной Азии и Дальнего Востока. Окончил Петербургский университет, ученик И. П. Минаева, профессор Петербургского университета в 1894-1900 гг. В 1900 г. избран в Академию наук, в 1904-1929 гг. – неперемный секретарь АН, директор Азиатского музея АН (1916-1930). Как член кадетской партии и министр народного образования во Временном правительстве был под арестом в июле-августе 1917 г. В 1929 г. был снова арестован и помещен под надзор НКВД, лишь номинально являясь директором Института востоковедения. Редактор серии «Bibliotheca Buddhica» (1897-1930) и первого Финно-угорского сборника (1928).

шавский университет. Саратовского университета в это время еще не существовало. Он был учрежден только в 1909 г.

Накануне выборов состоялось совещание прогрессивной части выборщиков. В нем, как и на самом съезде выборщиков, абсолютное большинство состояло из членов кадетской партии. Ввиду этого кн[язь] Е.Н. Трубецкой поставил прямой вопрос, не пожелают ли кадеты выставить и поддерживать одни чисто кадетские кандидатуры. На поставленный вопрос всеми кадетами сразу был дан твердый ответ, что партийные оттенки среди прогрессивных выборщиков не могут играть решающие роли, дабы не лишиться таких ценных прогрессивных кандидатов, как сам кн[язь] Трубецкой и М.М. Ковалевский. Из прежних членов Государственного совета академики Лаппо-Данилевский и Шахматов определенно заявили, что они от выставления своих кандидатур отказываются. О том же вслед за ними заявил также И.И. Боргман; он, благодаря колеблющейся позиции, занятой им после роспуска первой Государственной думы, не имел шансов быть вновь избранным.

После этого, на основании предварительной баллотировки, кандидатами в члены Государственного совета единодушно были выдвинуты М.М. Ковалевский, кн[язь] Е.Н. Трубецкой, А.А. Мануилов, В.И. Вернадский, А.В. Васильев¹ и Д.Д. Grimm.

На следующий день, совпавший с днем годовщины основания Петроградского университета, 8 февраля 1907 г., съезд выборщиков, под председательством министра народного просвещения, П.М. фон Кауфмана-Туркестанского², произвел новые выборы членов Государственного совета.

¹ Васильев Александр Васильевич (1853-1919), русский математик и общественный деятель. Окончил 5-ю Петербургскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета. С 1874 г. – приват-доцент, с 1887 г. – ординарный профессор Казанского университета. Принимал участие в деятельности Свияжского уездного земства Казанской губернии, в частности содействовал развитию начальной школы. Был депутатом I Государственной думы, членом Государственного совета, входил в состав ЦК кадетской партии. Был одним из основателей Казанского физико-математического общества. В конце 1920-х годов эмигрировал из СССР.

² Кауфман фон (с 1914 г. – фон Кауфман-Туркестанский) Петр Михайлович (1857-1926) – русский государственный деятель, министр народного просвещения. По окончании в 1877 г. Александровского лицея с золотой медалью начал службу в канцелярии Комитета министров в отделении по земским и городским делам. В 1880 г. секретарь председателя Комитета министров П.А. Валуева, делопроизводитель канцелярии главного начальника Верховной распорядительной комиссии графа М.Т. Лорис-Меликова. В 1880-1881 гг. состоял при сенаторе А.А. Половцеве; ревизовал админист-

Избранными оказались все шесть кандидатов, назначенные накануне совещанием прогрессивной части выборщиков. Ни один из кандидатов правого крыла не попал даже в подбальные.

Первое заседание второй сессии Государственного совета в обновленном составе состоялось 20 февраля 1907 г. Утром собралась новая Дума, вечером – Государственный совет. Думу открыл маститый вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев¹. В числе вновь избранных членов Думы появился, между прочим, избранный голосами кадетских выборщиков Петрограда, (на основании соглашения с представителями рабочей курии), тогдашний социал-демократ большевик, а ныне ярый враг большевиков Г.А. Алексинский². С ним случился характерный

ративные и местные выборные учреждения Киевской и Черниговской губерний. В 1883 г. назначен делопроизводителем отделения законов Государственной канцелярии, в 1886 г. назначен помощником статс-секретаря Государственного совета. В 1896-1903 гг. управляющий делами канцелярии и товарищ главноуправляющего Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Член главного управления Российского Красного Креста. С 1906 г. – член Государственного совета. С 24 апреля 1906 г. по 1 января 1908 г. – министр народного просвещения. В 1920 г. эмигрировал во Францию.

¹ Голубев Иван Яковлевич (1841-1918) – государственный деятель, вице-председатель Государственного совета. Из дворян. По окончании училища правоведения (1860) начал службу в канцелярии IV Департамента Сената. В 1866-1872 гг. – товарищ прокурора Петербургского окружного суда, затем член окружного суда и товарищ председателя этого суда, товарищ обер-прокурора Гражданского кассационного департамента Сената. В 1880-1881 гг. директор департамента Министерства юстиции. С 1881 г. – сенатор, с 1895 г. – член Государственного совета. С 1906 г. – вице-председатель преобразованного Государственного совета. Подал в отставку с этой должности, а затем и члена Государственного совета в конце 1916 г. из-за негативного отношения к нему царя.

² Алексинский Григорий Алексеевич (партийные псевдонимы «Петр», «Петр Алексеев», «Алексей Алексеевич», литературные – «Петр», «Алексеев», «Петр А.», «Петр Ал.», «Г. А.», «Г. Ал.», «Г. Адский») (1879-1967) – общественный и политический деятель. Из семьи врача, потомственный дворянин. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1904). За участие в студенческих беспорядках в 1899 г. исключен и выслан, но затем вновь принят в университет. В 1901-1902 гг. один из руководителей студенческого движения в Москве. Большевик. В 1905 г. работал в Московской организации большевиков агитатором. После октября 1905 г. переехал в Петербург. Член ПК РСДРП, сотрудник большевистских изданий «Вестник жизни», «Волна», «Новая жизнь» и др. Делегат IV съезда РСДРП (1906). В июле-августе 1906 г. в Москве, член Центрального областного бюро РСДРП. Депутат II Государственной думы по рабочей курии от Петербурга, возглавлял большевистское крыло думской социал-демократической фракции. После разгона Думы эмигрировал. На V (Лондонском) съезде партии (1907) содокладчик по отчету фракции Думы от имени большевиков. Участник Штутгартского (1907) и Базельского (1912) конгрессов

инцидент. Желая подчеркнуть свою крайнюю левизну, он по ошибке уселся среди крайних правых; он упустил из вида, что счет секторов на правый или левый ведется от трибуны председателя, а не от главных входных дверей в зал общего собрания, расположенных как раз напротив этой трибуны. Так он в окружении целого ряда правых батюшек и отси- дел все заседание.

Во время чтения высочайшего указа об открытии занятий новой Государственной думы произошел известный политический скандал. Когда председательствующий И.Я. Голубев предложил членам Думы и присутствующей на хорах публике подняться с мест, не только крайние левые, но и все кадетские депутаты, за исключением П.Б. Струве¹, остались сидеть.

Он один из всех кадетов проявил достаточно гражданского мужества и политической зрелости, чтобы не присоединиться к этой явно антиконституционной, глубоко раздражающей и политически совершенно недопустимой для ответственных политических деятелей демонстрации неуважения к верховной власти.

II Интернационала. Один из лидеров бойкотистского течения по отношению к III Думе. Сторонник отзыва социал-демократической фракции. В 1908 г. обосновывает «ультиматизм», т.е. необходимость предъявления ультиматума социал-демократической фракции III Думы в смысле проведения ею революционной политики. В 1909 г. Алексинский, вместе с Богдановым, возглавляет лево-большевистскую группу «Вперед». Один из организаторов и лектор партийной школы «отзовистов» на острове Капри, лектор партийной школы «впередовцев» в Болонье (Италия). С началом первой мировой войны стал оборонцем, занял ура-патриотические позиции. Участник сборника плехановцев «Война», издал несколько номеров журнала «Россия и свобода», сотрудничал в монархической газете «Русская воля». После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, вступил в члены организации «Единство», был избран в ее ЦК и редакцию газеты. В июле опубликовал от своего имени обвинение Ленина и большевиков в связи с немецким генеральным штабом. В 1918 г. был арестован, но выпущен на поруки и бежал за границу. В 1919 г. через Эстонию переправился на Запад. В 1920 г. судим заочно Верховным трибуналом по делу «Тактического центра», объявлен врагом народа и лишен права въезда на территорию Советской России. За границей сотрудничал в антисоветских органах «Общее дело», «Русская газета».

¹ Струве Петр Бернгардович (1870-1944), экономист, философ, историк. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1894). Участвовал в социал-демократической печати, автор Манифеста РСДРП (1898). Депутат II Государственной Думы. С 1906 г. перешел на либеральную позицию, участника сборника «Вехи» (М., 1909). Преподаватель, доцент, экстраординарный профессор и заведующий кафедрой политической экономии в Петербургском политехническом институте в 1906 – 1913 гг., экстраординарный профессор Петербургского университета (1913), почетный доктор Кембриджского университета (1916), академик АН (с 1916). В 1919 г. покинул Советскую Россию.

На членов Государственного совета, в большом числе присутствовавших на открытии Думы в отведенной для них ложе, весь инцидент произвел очень тягостное впечатление. О нем, конечно, было доложено председателю Совета, статс-секретарю Э.В. Фришу¹.

Как мы узнали уже много позднее, у президиума Государственного совета явилось опасение, что кадеты – члены Государственного совета, в частности вновь избранные от ученой курии четыре кадета, сочтут свои долгом поддержать своих политических единомышленников в Думе аналогичной демонстрацией при открытии сессии Государственного совета. Председатель решил на сей случай принять какие-то решительные меры против демонстрантов. Однако повода для этого никем из нас не было дано. Никому из нас и в голову не приходило повторить недопустимый и политически крайне вредный жест большинства Государственной думы, в предварительном обсуждении которого мы не принимали никакого участия, и к которому мы все одинаково относились совершенно отрицательно. Дело ограничилось тем, что престарелый Э.В. Фриш, когда перед чтением высочайшего указа было предложено подняться с мест, в тревоге метнул свой взор в нашу сторону. Убедившись, что все мы, как один человек, встали, он облегченно отвернул его и успокоенно продолжал слушать государственного секретаря, барона Ю.А. Икскуль фон Гильденбанта², читавшего указ.

¹ Фриш Эдуард Васильевич (1834-1907), член Государственного совета с 01 января 1883 г. Окончил Училище правоведения в 1853 г., служил в Сенате, обер-прокурор уголовного кассационного департамента, товарищ министра юстиции (1876-1883). В 1906-1907 гг. – председатель Государственного совета. Открывал заседание I Государственной Думы.

² Икскуль фон Гильденбанд Юлиус Александрович (1852-1918) – государственный деятель. Служил в государственной канцелярии с 1878 г., государственный секретарь департамента законов в 1893-1899 гг., товарищ министра земледелия и государственных имуществ, сенатор, государственный секретарь (1904-1909), член реформированного Государственного совета (1909-1917).

Михаил Владимирович Ковалев (Саратов – Москва)

**ПРОФЕССОР Д.Д. ГРИММ И БАРОН М.А. ТАУБЕ:
ДВА ВЗГЛЯДА НА АКАДЕМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ¹**

Давид Давидович Grimm (1864-1941) и Михаил Александрович Таубе (1869-1961) оставили заметный след в общественной и научной жизни России начала XX в. Они никогда не были друзьями и симпатизировали разным политическим силам. В то же время было немало вещей, их роднивших. Оба они по своему происхождению были российскими немцами. Оба принадлежали к одному поколению, родившись в начале Великих реформ императора Александра II. Оба примерно в одно время учились на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, оба после его окончания из-

Д.Д. Grimm

брали для себя научное поприще, и в итоге сумели сделать административную карьеру на ниве просвещения. Но тут их пути и разойдутся.

Д.Д. Grimm родился в семье выдающегося архитектора и одного из создателей «русского стиля» Д.И. Grimma. Получив в 1885 г. диплом о юридическом образовании, он некоторое время поработал чиновником в Сенате, но очень скоро вернулся в Санкт-Петербургский университет. Его путь в науку во многом начался со стажировки в Русском институте римского права при Берлинском университете, куда он был отправлен решени-

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-01-00450а.

ем Министерства народного просвещения, и с учебы у немецких правоведов Генриха Дернбурга, Альфреда Перница и Эрнста Экка¹. Под их влиянием он приобрел необходимые навыки исследовательской работы, познакомился с достижениями европейской науки и увлекся изучением римского права, которым будет заниматься всю свою жизнь.

Закономерно, что современники называли Д.Д. Гримма «типичным добросовестным ученым немецкой выучки»². В 1889 г. он успешно сдал магистерские экзамены, удостоился звания приват-доцента по кафедре римского права и начал преподавать в Дерптском университете³. В 1891 г. Д.Д. Гримм был переведен на работу в Императорское училище правоведения. Вернувшись в столицу, он усердно взялся за подготовку магистерской диссертации и защитил ее в 1893 г. После защиты для него открылись двери на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1899 г. Д.Д. Гримм был назначен экстраординарным профессором по кафедре римского права. На следующий год он подготовил докторскую диссертацию «Основы учения о юридической сделке в современной доктрине пандектного права», что позволило ему в сентябре 1901 г. перейти в разряд ординарных профессоров. Вскоре он был избран деканом юридического факультета⁴. С этого момента начнется быстрый путь Д.Д. Гримма вверх по университетской служебной лестнице, на котором он, в конечном счете, пересечется с М.А. Таубе, в то же самое время строившим свою академическую карьеру.

Барон М.А. Таубе происходил из древнего эстляндского дворянского рода, ухотившего корнями в XIII в.⁵ Он родился 15 мая 1869 г. в семье

¹ Шор Т. К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2000. Т. VI. С. 77; Томсинов В. А. Давид Давидович Гримм (1864-1941). Биографический очерк // Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21; Карцов А. С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887-1896) // Древнее право. Ius antiquum. М., 2003. № 2 (12). С. 120-144.

² Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. М., 1993. Т. XXII. С. 301.

³ Ajaloohiiv Eesti. F. 402. N. 2. S. 527 [Копия письма попечителя Дерптского учебного округа ректору Императорского Дерптского университета, от 17.09.1889]. L. 1a; Ibid. S. 526 [Формулярный список о службе, 27.04.1890]. L. 16p, 19p.

⁴ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 21.

⁵ О генеалогии рода Таубе см: Бовкало А. А. Барон Михаил Александрович Таубе // Из истории Русского генеалогического общества: сборник статей и материалов. СПб., 2001. С. 88-93.

главного инспектора императорских поездов. Учился в Шестой Петербургской гимназии, а после ее окончания в 1887 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где показал большие успехи в учении. Закономерно, что после получения диплома I степени за работу «Рецепция римского права на Западе» он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права под руководством знаменитого Ф. Ф. Мартенса.

После защиты магистерской диссертации в 1896 г. он уехал преподавать в Харьковский университет. Там произойдет его знакомство с профессором Л.А. Кассо, которое, по словам биографов М.А. Таубе, в дальнейшем сыграет решающую роль в его карьере¹. Работая в Харькове, ученый подготовил докторскую диссертацию по истории международного права в эпоху Средневековья и успешно защитил ее в сентябре 1899 г. в родном Петербургском университете.

М.А. Таубе вскоре окончательно вернулся в столицу и в 1903 г. был избран экстраординарным профессором. Его работы встретили одобрение и у коллег по научному цеху, и вообще у образованной публики, например у Л.Н. Толстого, который состоял с бароном в переписке². Параллельно с научной и преподавательской работой М.А. Таубе делал чиновничью карьеру по линии Министерства иностранных дел, начав со скромной должности юрисконсультанта и быстро пройдя необходимые послужные ступени. В годы русско-японской войны он был включен в состав международной комиссии по расследованию Гулььского инцидента октября 1904 г. В Министерстве ценили познания М.А. Таубе в области международного права, например, его консультациями нередко пользовался министр А.П. Извольский. Его делегировали уполномоченным от России на Лондонскую военноморскую конференцию 1908-1909 гг., а в ноябре 1909 г. сделали представителем России в Постоянной палате Международного третейского суда в Гааге. Но в апреле 1911 г. карьера М.А. Таубе сделала резкий и неожиданный поворот.

Занявший пост министра народного просвещения профессор Л.А. Кассо предложил бывшему коллеге по Харькову стать его заместите-

¹ Волхонский М. А., Гайда Ф. А. Барон М.А. Таубе и его «Воспоминания» // Таубе М. А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М., 2007. С. 15.

² Там же.

лем. Полагаю, что М.А. Таубе, как человек умный, образованный, проницательный, прекрасно понимал изъяны российской бюрократической системы, но, будучи встроенным в нее, не пытался что-либо менять и чему-то активно противостоять. Он избрал для себя путь политического конформизма, который явно вызывал непонимание у многих университетских коллег. 22 апреля 1911 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения. Правда, в своих воспоминаниях М.А. Таубе описывал, что назначение произошло, по сути, против его воли, что решающую роль в этом сыграл Л. А. Кассо, который остро нуждался в верном и надежном помощнике¹.

Д.Д. Grimm занимал тогда пост ректора Санкт-Петербургского университета, на который он был избран 1 марта 1910 г. Это было непростое время в истории российских университетов, охваченных студенческими беспорядками и интеллектуальным брожением. Власти видели в высшей школе оплот революционного движения и прибегли к репрессивным мерам. Д.Д. Grimm, будучи человеком либеральных взглядов, такой подход принять не мог. Но в равной степени ему был чужд и студенческий радикализм. Д.Д. Grimm выступал поборником академических свобод и активно сопротивлялся попыткам властей вмешиваться во внутренние университетские дела.

Здесь следует напомнить, что вопрос об университетской автономии «имел в русском обществе значение, далеко выходящее за пределы высшей школы; само понятие автономии было неразрывно связано с русским освободительным движением»². Наступление на университеты воспринималось как посягательство на интеллектуальную свободу и прогресс. Особое неприятие вызывали у Д.Д. Grimma «походы против выборных ректоров», впервые предпринятые еще в годы Первой русской революции. Неудовольствие властям университетских руководителей обвиняли в бездействии, якобы проявленном ими в условиях общественной смуты и студенческих волнений, и отстраняли от должности. Так поступили, например, с ректором Новороссийского университета в Одессе математиком И.М. Занчевским, которого предали суду Особого присутствия при Правительствующем Сенате по делам о должностных преступлениях и на основании его решения в

¹ Таубе М. А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России. С. 130-135.

² Ростовцев Е. В. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 475.

1907 г. уволили с должности. Та же участь ждала ректора Юрьевского университета Е.В. Пассека.

Не без иронии Д.Д. Grimm писал много лет спустя: «С таким же основанием можно было бы предать суду всех выборных ректоров и директоров высших учебных заведений, занимавших эту должность в течение указанного времени, независимо от их левизны или правизны. И не только их, но и глав всех ведомств, в ведении которых находились в то время те или иные высшие учебные заведения: все министры тогда умывали руки и проснулись только после того, как революционная волна схлынула»¹.

С точки зрения Д.Д. Grimm, репрессивная политика в отношении интеллектуальной элиты лишь обострила взаимоотношения власти и образованного общества и ухудшила положение в университетах. Однако министерство народного просвещения не только не осознавало последствий административного произвола, но намеренно усиливало его. Живым воплощением этой линии для Д.Д. Grimm служил, разумеется, министр народного просвещения Л.А. Кассо, с приходом которого «наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов»².

Естественно, что барон М.А. Таубе в глазах Д.Д. Grimm автоматически становился проводником политики своего шефа. Для Д.Д. Grimm было непонятно, как мог вчерашний университетский профессор, наделенный огромными способностями, пойти против своей *alma mater*, против своих коллег и студентов. Действия М.А. Таубе казались ему аморальными. Неудивительно, что отношения двух ученых не сложились. В своих мемуарах, написанных в 1929-1930 гг., тогда уже бывший ректор давал барону весьма нелицеприятную оценку: «Верным помощником министра [Л.А. Кассо] во всем, что он делал для разложения Петроградского университета, служил его товарищ, барон М.А. Таубе, сам бывший профессор Петроградского университета, избранный на эту должность тем же юридическим факультетом, которому он впоследствии тщательно помогал наносить удар за ударом. По внешности он представлял прямую противоположность Л.А. Кассо. Сам министр был весьма внушительного роста, барон Таубе – ниже среднего. Это подало неунывающим россиянам повод

¹ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 26 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Гримма «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

² Ibid. L. 27.

говорить: “Министр у нас Кассос, а товарищ его – Малокассос”. Умственно он был много ниже его. В нравственном отношении он являлся достойным партнером своего шефа»¹.

1911 год ознаменовался вереницей черных событий в жизни российских университетов. В начале января Л.А. Кассо издал министерские циркуляры «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений» и др., уничтожавшие университетскую автономию. В знак протеста 28 января ректор Московского университета А.А. Мануйлов подал в отставку. За ним последовали другие представители университетской администрации. В феврале 1911 г. о своем добровольном уходе заявили выдающиеся ученые: В.И. Вернадский, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Д.М. Петрушевский, К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев и многие другие. Министр Л. А. Кассо удовлетворил 131 прошение об отставке². Ушедших профессоров, занимавших свои должности на выборной основе, заменяли назначенными министерством людьми, которые получили в образованных кругах малопочетное прозвище «кассовцев»³.

В Петербурге обстановка также накалялась. Д.Д. Grimm всеми силами пытался удержать ситуацию в руках и не допустить репрессивных мер. Но действия министерства лишь усугубляли ситуацию. «Я пишу это в полном сознании ответственности за каждое сказанное мною слово. Мне, как тогдашнему ректору Петроградского университета, истинное положение в университете и общее настроение профессуры было совершенно ясно. Я не стану утверждать, что среди профессоров и в частности среди т[ак] н[азываемых] младших университетских преподавателей не было вовсе безответственных элементов, горячих голов, не отдающих себе отчета в серьезности положения. Мне самому приходилось некоторых из них удерживать от необдуманных шагов. Но я определенно утверждаю, что подав-

¹ Ibid. L. 72. Примечательно, что в своих воспоминаниях, созданных на закате жизни, М. А. Таубе будет характеризовать Д. Д. Гримма как, «хотя и левого, но весьма уравновешенного и справедливого» человека (*Таубе М. А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России.* С. 150).

² *Иванов А. Е., Кулагина И. П. Русская профессура на рубеже XIX-XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 52*

³ *Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Гримма «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг.». L. 30.*

ляющее большинство профессуры и младших преподавателей, независимо от политической окраски, было абсолютно лояльно и ставило жизненные интересы университета вне всяких политических симпатий и антипатий. Этого, между прочим, не мог не знать барон М.А. Таубе, который в то время состоял еще профессором Петроградского университета», – вспоминал много лет спустя Д.Д. Grimm¹. Студенты прибегли к забастовке в знак протеста против действий П.А. Столыпина и Л.А. Кассо, сопроводив ее химической обструкцией. Они прервали занятия, распылив зловонные жидкости и газы. Д.Д. Grimm такие действия решительно осуждал и считал категорически недопустимыми. Когда в конце января 1911 г. в коридорах университета появились красные флаги и антиправительственные лозунги, он распорядился прекратить учебный процесс, чтобы не допустить расширения беспорядков и неминуемого подавления их полицией².

И хотя Д.Д. Grimm в своих действиях руководствовался ст. 17 гл. II Университетского устава 1884 г., которая давала ректору право в чрезвычайных обстоятельствах принимать все необходимые меры для поддержания порядка в университете, даже если эти меры будут превышать его полномочия³, однако Л.А. Кассо встретил предпринятые шаги крайне негативно. Он вызвал Д.Д. Grimma к себе на квартиру и потребовал немедленно отменить распоряжение о прекращении занятий. Никакие объяснения и доводы ректора на него не действовали, министр твердо стоял на своем: «Он продолжал гарцевать на своем коне. Было совершенно очевидно, что этим человеком владела одна только мысль и одно чувство: кровная обида, что его обошли, и неудержимое желание отличиться, показать верхам, что кто-кто, а он справится с университетом и раздавит гидру, чего бы это ни стоило. Вся безответственность его натуры, весь глубокий внутренний цинизм ее ярко выступали наружу. Как тетерев, он повторял все одни и те же слова: я не имел права отдавать такое распоряжение, и он немедленно отменит его»⁴.

¹ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Grimma «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»]. L. 29.

² Томсинов В. А. Указ. соч. С. 24.

³ Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года. Харьков, 1911. С. 11.

⁴ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Grimma «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»]. L. 65.

Л.А. Кассо распорядился возобновить занятия под контролем полиции. 30 ноября 1911 г. университет вновь был открыт, но радикально настроенные студенты попытались сорвать лекции. Тогда в дело вмешалась полиция, арестовав 400 человек. Университет остался под охраной и в последующие недели, жизнь в нем замерла, число студентов стадо минимальным, и профессора порой читали лекции в полупустых аудиториях. Радикальная часть студенчества опустилась до публичных оскорблений в адрес уважаемых ученых, например С.А. Жебелева и М.И. Ростовцева, обвиняя их в конформизме. Д.Д. Grimm тяжело переживал все происходящее и страдал от собственного бессилия. По воспоминаниям, он вышел к студентам со слезами на глазах и сказал, что его власть в университете кончилась, отныне все решает полиция¹.

После январских событий Д.Д. Grimm прекратил всякое личное общение с Л.А. Кассо и продолжал контакты лишь письменно². В начале февраля Д.Д. Grimm встретился с П.А. Столыпиным и попросил, чтобы полиция без его разрешения не появлялась в коридорах. Премьер четкого ответа не дал, но просьбе ректора затем внял³. Испытывая постоянное давление со стороны властей и не видя возможности дальше исполнять обязанности ректора, Д.Д. Grimm в сентябре 1911 г. подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Он был оставлен на должности ординарного профессора, а новым ректором в декабре был избран его брат, профессор-историк Э.Д. Grimm⁴.

Одной из форм давления на профессуру со стороны министерства народного просвещения стал перевод неугодных лиц в провинциальные университеты. Замещение кафедр на конкурсной основе было фактически ликвидировано. Теперь их стали занимать исключительно в порядке личного назначения министром⁵. Летом 1911 г. в Юрьевский университет был переведен профессор гражданского права М.Я. Пергамент. Причем не по-

¹ Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 109-110; Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 494.

² Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 66 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Гримма «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

³ Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 495.

⁴ Там же. С. 501.

⁵ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 34 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Гримма «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

следнюю роль в этом сыграл барон М.А. Таубе¹. В 1912 г. в Киев перевели профессора истории римского права И.А. Покровского. Д.Д. Grimm, как юрист, считал такую практику противоречащей букве закона. Он апеллировал к тому, что Устав 1884 г. вообще не знал института перевода профессоров без их личного на то согласия. Да и сама практика противоречила элементарному здравому смыслу: «...Если профессор не годился в качестве университетского преподавателя в одном университете, то почему он мог годиться в качестве такового в другом?»²

Свои взгляды на действия Л.А. Кассо и его соратников Д.Д. Grimm обобщил в статье «Видимая законность и скрытое усмотрение», опубликованной в «Вестнике Европы» в 1913 г.³ Поводом к ее написанию послужило издание Министерством народного просвещения циркуляра № 5490 от 9 февраля 1912 г. Согласно ему приват-доцентам запрещалось читать лекционные курсы параллельно с профессорами.

Чтобы понять смысл произошедших изменений, следует сделать небольшой экскурс в историю правительственной политики в области образования и одновременно очертить взгляды на нее Д.Д. Grimma.

Устав 1884 г. был направлен на полное подчинение университетской жизни властной вертикали путем почти полной ликвидации автономии и академических свобод. Д.Д. Grimm иронизировал, что профессоров отстранили от всего, кроме, разве что, лекций и семинаров⁴. Правда, несмотря на жесткий контроль сверху, в университетах сохранялась «свобода преподавания» и «свобода учения». На практике она выражалась в праве преподавателей читать лекции, тематически выходящие за пределы их кафедры. Приват-доценты могли объявлять свои курсы параллельно профессорам, а студенты имели возможность свободного выбора лектора. Никаких ограничений ни для тех, ни для других не существовало. Однако конкуренция между профессорами и приват-доцентами вводилась отнюдь не для улучшения качества преподавания. По меткому замечанию Д.Д. Grimma, подлинной целью властей было «создать на местах кадры не только зависимых, но и по-

¹ Таубе М. А. Указ. соч. С. 150-151.

² Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 35 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Grimma «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

³ Grimm Д. Д. Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Кн. 2. С. 271-288. Статья также вышла в виде отдельного оттиска.

⁴ Там же. С. 272.

стоянно чувствующих свою зависимость от министерства лиц, из-за конкуренции недоброжелательно друг к другу настроенных и друг за другом следящих»¹. Таким образом, был бы обеспечен контроль за преподаванием и появилась бы возможность замены неугодных лиц лояльными. Но приват-доцентура так и не стала послушным орудием в чиновничьих руках, дух свободы так и не был полностью искоренен.

Рост оппозиционных настроений в интеллектуальной среде, ярко показавший себя в 1911 г., изрядно испугал Министерство народного просвещения, которое стало цепляться за любую возможность ограничить свободу университетов. Как уже говорилось, изгнание под разными предлогами неугодных, но демократически избранных профессоров и замена их назначенцами сверху стало важнейшей частью этой политики. Однако чиновники не учли, что ушедшие лица рано или поздно могут вернуться назад, пусть даже в качестве приват-доцентов. Кроме того, студенты, обладавшие правом свободного выбора предметов, в знак протеста не пожелают посещать лекции официально назначенных профессоров, а запишутся на альтернативные курсы к приват-доцентам. Перспектива такой конкуренции внушала чиновникам большие опасения. Нужно было во что бы то ни стало ликвидировать ее. Это желание и лежало в основе уже упомянутого циркуляра № 5490.

Однако изданный документ шел в разрез со ст. 73 Университетского устава 1884 г., поскольку лишал студентов права выбора преподавателя². Совет Санкт-Петербургского университета усмотрел в действиях министерства нарушение академических свобод и воспользовался данным этим законом правом обратиться в Сенат с просьбой об отмене министерского циркуляра, идущего в разрез с Уставом. Но Сенат пошел на поводу у Л. А. Кассо и своим определением № 15543 от 1 декабря 1912 г. оставил обращение ученых без рассмотрения, не увидев в нем оснований для жалобы. Было указано, что циркуляр министерства никак не нарушает Устава 1884 г., ибо в его ст. 73 говорится лишь о праве выбора студентами лекционных курсов, но при этом не содержится прямых указаний на то, что приват-доценты могут читать параллельные с профессорами курсы. Следовательно, с точки зрения Сената, никаких противоречий между циркуляром и

¹ *Гримм Д. Д.* Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Кн. 2. С. 275. Статья также вышла в виде отдельного оттиска.

² Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года. С. 30.

Уставом не имеется. Речь идет лишь о толковании закона, а правом обращаться с ходатайством об этом в Сенат обладают только министры и главноуправляющие отдельными частями. Следовательно, все должно вернуться на круги своя. Согласно этой логике обращаться за разъяснениями о правильности поступков министерства народного просвещения могло только само министерство. Л.А. Кассо должен был ликовать!

Видимо, для Д.Д. Гримма эти события стали последней каплей, которые и побудили его выступить на страницах известного либерального журнала. Он отнюдь не был поклонником Устава 1884 г., но, как юрист, считал необходимым неукоснительное соблюдение существующих законов. В своей статье он едко критиковал действия властей, призывая их вернуться к началам законности. По его мнению, Сенат своим поступком допустил ограничение собственных прав в угоду официальной правительственной линии. Профессор обращался к читателям: «Разве предписание, основанное на неправильном толковании закона, на намеренном или ненамеренном извращении смысла его, в меньшей степени нарушает волю законодателя, выразившуюся в законе, или ведет к менее нежелательным (с точки зрения закона) последствиям, чем предписание, которое “положительно противоречит прямому постановлению закона, т.е. отменяет его”? Практический результат в обоих случаях один и тот же: закон нарушен»¹. Открытый демарш Д.Д. Гримма переполнил чашу терпения министерства, и оно перешло к открытой борьбе с бывшим ректором, в которой барон М.А. Таубе принял активное и непосредственное участие.

Еще в 1907 г. Д.Д. Гримм от Императорской Академии наук и российских университетов был избран членом реформированного Государственного совета, превращенного накануне в верхнюю палату российского парламента. В нем же состояли его московские коллеги – профессора А.А. Мануйлов и В.И. Вернадский. Оба в 1911 г. подали в отставку в знак протеста против политики Л.А. Кассо. И обоих тут же было решено исключить из состава членов Государственного совета, ввиду того, что они потеряли профессорский ценз, а, значит, и возможность представлять интересы академической курии. Д.Д. Гримм, будучи юристом и руководствуясь российским законодательством, доказывал противоправность министерских действий. Однако его мнение услышано не было, и в итоге

¹ Гримм Д. Д. Видимая законность и скрытое усмотрение. С. 283.

А.А. Майнулов и В.И. Вернадский из Государственного совета были выведены¹. Министр Л.А. Кассо своими действиями создал прецедент по вопросу об удалении неугодных ему лиц под предлогом отставки с должности ординарного профессора².

Итак, публикация в «Вестнике Европы» была встречена Л.А. Кассо и его окружением с нескрываемым раздражением. Ответные действия не заставили себя ждать. В конце июля 1913 г. Д. Д. Grimm отдыхал на живописном баварском курорте Фишен-им-Альгой. Там его застала весть о готовящихся переменах со стороны Министерства народного просвещения. В письме барон М.А. Таубе сообщал Д.Д. Гримму о переводе из Петербургского университета в Демидовский юридический лицей в Ярославле. Желая предотвратить удар, профессор написал ответное письмо с четким и последовательным изложением своей позиции. Его копия сохранилась в архиве историка М.А. Дьяконова, близкого друга Д.Д. Гримма, с которым он мог вести откровенные и доверительные беседы³. Само послание, наполненное отсылками к различным правовым актам, да и сам его стиль – официальный, тяжеловесный, но в то же время очень емкий – говорит о причастности автора к юридической науке и о том, что право было для него превыше всего. В своем небольшом письме Д.Д. Grimm хорошо обрисовывал ключевые проблемы в сфере образовательной политики России в начале XX в.

Профессор выступил против готовящегося перевода и свой отказ мотивировал тем, что ярославский лицей не пользуется правом участия в выборах в Государственный совет. Таким образом, он лишится профессорского ценза, а, значит, своего членства в совете⁴. Вероятно, министерство этого и добивалось. Но позиция Д.Д. Гримма показалась ему столь прочно аргументированной, что от перевода в Ярославль пришлось отказаться. Вместо этого 3 августа 1913 г. Л.А. Кассо издал приказ о переводе Д.Д. Гримма в Харьковский университет.

¹ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 31-33 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Гримма «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

² Ibid. L. 33.

³ Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 173 [Письмо Д. Д. Гримма к М. А. Таубе, 22.07.1913]. Л. 39-39 об.

⁴ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 38 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Гримма «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

Перед профессором встала дилемма: ехать ли в Харьков или же подать в отставку в знак протеста, как это сделали М.Я. Пергамент и И.А. Покровский. Д.Д. Grimm, не желая доставить удовольствие Л.А. Кассо своей отставкой и автоматическим выбытием из членов Государственного совета, решил остаться профессором, но в Харьков не ехать и продолжить депутатскую работу в столице. Ректору Харьковского университета он сообщил: «...В виду коллизии долга общественного с долгом служебным, коллизии, созданной помимо и против моей воли, я считаю своим нравственным и политическим долгом продолжать возложенную на меня доверием моих избирателей работу в Государственном совете в полном объеме этой работы; это лишает меня возможности одновременно исполнять мои профессорские обязанности в Харьковском университете»¹. На время своей работы в столице он просил о переводе из штатных в сверхштатные ординарные профессора без содержания, дабы дать другому кандидату возможность быть избранным на его место. Тем самым он, соблюдая все правовые нормы, ставил Л.А. Кассо в затруднительное положение. Действительно, министру потребовалось полгода, чтобы найти возможность нанести новый удар своему оппоненту. Он уволил Д.Д. Grimma с должности профессора, ввиду его упорного нежелания исполнять свои обязанности и немедленно известил об этом Государственный совет.

М.А. Таубе было поручено проконтролировать процесс лишения Д.Д. Grimma мандата. Он специально пришел на заседание Государственного совета и наблюдал за происходящим из правительственной ложи. Барон был уверен в принятии нужного министерству решения и говорил одному из членов совета: «Мы его уволили, а они должны признать его выбывшим»². Однако результаты тайного голосования оказались для М.А. Таубе полной неожиданностью: 56 членов выступили за вывод Д.Д. Grimma из совета, а 98 – против. Такого сокрушительного поражения Министерство народного просвещения не ожидало. Барону М.А. Таубе оставалось лишь удалиться. Д.Д. Grimm же воспринял случившееся не только как личную победу, но как победу гражданских начал

¹ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 39 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Grimma «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

² Ibid. L. 44.

над властным произволом: «Это был серьезный симптом и серьезное предостережение. В Государственном совете стало просыпаться чувство гражданственности, идущее на смену психологии угодничества. Дальнейших попыток к изъятию выборных членов Совета более не было сделано»¹. Д.Д. Grimm продолжит работу в Государственном совете. А в январе 1917 г. в его состав войдет и барон М.А. Таубе.

Либеральная интеллигенция видела в Д.Д. Grimme борца за академические свободы. Отношение же к барону М.А. Таубе, напротив, изменилось. В глазах общественности он превратился из талантливого ученого в душителя свободомыслия². Когда в ноябре 1911 г. С.А. Жебелева уговаривали принять должность проректора университета, главным его условием было то, что «он не будет иметь никакого дела ни с министром Кассо, ни с его товарищами, особенно Таубе, рожи которого он видеть не может»³.

Время в итоге примирит двух оппонентов. Оба они не примут революцию, оба окажутся в стане противников большевиков. Оба уйдут в эмиграцию через Финляндию, чтобы уже никогда не вернуться в родной город и страну. Живя за рубежом, и М.А. Таубе, и Д.Д. Grimm вернуться к активной научной и преподавательской работе. Первый будет читать лекции в Париже, Берлине, Мюнстере, Стокгольме. Помимо международного права, его увлечет история, особенно сюжеты, связанные с осмыслением католи-

¹ Ajalooarhiiv Eesti. F. 2100. N. 2. S. 150a. L. 45 [Воспоминания бывшего профессора Петроградского университета Давида Давидовича Grimma «Из жизни Государственного Совета 1907-1917 гг»].

² Впрочем, подобные метаморфозы мы можем наблюдать в избытке и в наши дни. Достаточно вспомнить нашу мемуарную литературу в России и за ее пределами историю вокруг Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, который в пору ректорства профессора-математика Л.Ю. Коссовича (чья фамилия по иронии созвучна с фамилией скандального министра народного просвещения Л.А. Кассо), стал полем ожесточенной борьбы между поборниками университетских традиций и академических свобод, с одной стороны, и администрацией, активно поддерживаемой как слоем ученых-конформистов, так и вышестоящими покровителями, с другой стороны. См.: Ректориада: хроника административного произвола в новейшей истории Саратовского государственного университета (2003-2013) / Авт. и сост. Т. Бутенко, В. Глейзер, Н. Девятайкина, М. Деряшев, Т. Захарова, А. Зернаков, А. Иванов, О. Киянская, М. Ковалев, А. Крутов, А. Колобродов, Л. Коссович, Н. Левенец, Л. Мельников, С. Микулина, В. Мирзеханов, Д. Михель, А. Морван, А. Мякшев, Е. Наимова, В. Парсамов, В. Рогожин, Е. Сергун, Ю. Степанов, Д. Трубецков, В. Тучин, Л. Фейтликер, Д. Фельдман, А. Филоненко, А. Цодикова и др. New Providence, 2014. В 2 тт.

³ См.: Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 102 – 103; Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 501-502.

ческого влияния в России и ее взаимоотношениями со Святым Престолом¹. Второй профессор в начале 1920-х гг. оседает в Праге, где станет деканом Русского юридического факультета. Затем, в 1927 г. он переедет в Эстонию, получив профессию в Тарту. Там он и проработает вплоть до выхода на пенсию². Оба ученых, живя на чужбине, напишут мемуары, в которых попытаются дать очерк своей жизни, но, главное, понять опыт страны, которую они оба искренне любили, и которая на их глазах пришла к катастрофе. Впрочем, сравнение этих текстов – отдельная задача, выходящая далеко за рамки этой статьи.

Д. Д. Гримм – М. А. Таубе, 22 июля 1913 г.

Fischen im Allgäu, Bayern³

22 июля 1913 г.

Милостивый Государь Барон Михаил Александрович!

В ответ на письмо В[ашего] Прев[осходительства] от 15 июля с[его] 1913 г. за № 110, пересланное мне сюда, и полученное мною с[его] 20 июля, я считаю долгом представить нижеследующие соображения. Как В[ашему] Прев[осходительству] известно, я состою не только орд[инарным] проф[ессором] С[анкт]-Петербургского Ун[иверсите]та, но одновременно и Чл[еном] Г[осударственного] С[овета] от И[мператорской] Ак[адемии] Наук и И[мператорских] Росс[ийских] Ун[иверсите]тов. Исполнение возложенных на Чл[енов] Г[осударственного] С[овета] высоких и ответственных обязанностей предполагает по общему смыслу и духу Учр[еждения] Г[осударственного] С[овета] полную независимость их и недопустимость всякого, хотя бы косвенного административного давления на них. В соответ-

¹ См.: Таубе М. А. Вечный мир или вечная война? Мысли о Лиге Наций. Берлин, 1922; Taube M. A. Russland und Westeuropa: (Russlands historische Sonderentwicklung in der europäischen Völkergemeinschaft). Berlin, 1828; Eadem. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IXe-XIIIe siècle). T. I: Le prince Askold, l'origine de l'État de Kiev et la première conversion des Russes (856-882). Paris, 1947, etc.

² Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов, 2012. С. 76, 126, 129, 139, 161, 183, 190, 193, 197.

³ Фишен-им-Альгой, Бавария (нем.).

ствии с этим Учр[еждение] Г[осударственного] С[овета] не предполагает во все возможности привлечения выборных Чл[енов] Г[осударственного] С[овета], состоящих на государственной службе, к ответственности в дисциплинарном порядке, и считается исключительно с судебной ответственностью, каковую она обставляет известными гарантиями, безотносительно к тому, идет ли речь об преступлениях общих или преступлениях по должности. Сказанным безусловно исключается возможность лишения Чл[ена] Г[осударственного] С[овета] по выб[орности] в административном порядке того ценза, обладание коим является необходимым условием для избрания его в Совет. Такого права устранения выборных Чл[енов] Г[осударственного] С[овета] не сохранила за собой даже верховная власть при изд[ании] нового Учр[еждения] Гос[ударственного] С[овета] 1906 г., тем менее оно может быть признано за подчиненными органами управления. С точки зрения указанных соображений, всякий перевод, помимо собственного согласия, кого-либо из выб[орных] Чл[енов] Г[осударственного] С[овета], состоящих на государственной службе, а тем более перевод, связанный с лишением ценза, как это предполагается, согласно письму В[ашего] Прев[осходительства], в данном случае, представляется несогласным со смыслом и духом закона.

Что касается засим основания, по к[оторо]му М[инистерств]о признает необходимым прибегнуть к предполагаемой мере – одновременного удаления меня из Пет[ербургского] Ун[иверсите]та и лишения ценза по Г[осударственному] С[овету], то я ограничиваюсь лишь указанием на то, что напечатанная мною в «Вестн[ике] Европы» статья, под заглавием «Видимая законность и скрытое усмотрение», по содержанию представляет собою, как В[ашему] Прев[осходительству] вероятно известно, воспроизведение в существенных чертах тех данных и соображений, к[отор]ые легли в основу соответствующих представлений Юр[идического] фак[ультета] Пет[роградского] Ун[иверсите]та, внесенных им в Сов[ет] Ун[иверсите]та в феврале и сентябре минувшего года, и послужили основанием, по вопросу о соответствии циркуляра М[инистерств]а от 9 фев[раля] 1912 г. с законом, к внесению возникшего разногласия во взглядах М[инистерств]а и Совета Ун[иверсите]та на рассмотрение Пра[вительствующего] Сената в порядке ст[атьи] 19 Учр[еждения] Мин[истерства], причем ответа по существу возникшего спора не было дано Прав[ительствующим] Сенатом, оставившим представление Университета по форменным основаниям без рассмотрения. Вызвано же было напечатание означенной статьи теми совершенно ложны-

ми сведениями, к[отор]ые по вопросам, затронутым в соответствующих представлениях Юр[идического] Фак[ультета] и Сов[ета] Ун[иверсите]та, были помещены в некоторых органах печати, в к[отор]ых, между прочим, дело было представлено в таком виде, будто Прав[ительствующий] Сенат разрешил вопрос о праве прив[ат]-доц[ентов] читать параллельные курсы по существу в неблагоприятном для Ун[иверсите]та смысле, тогда как в действительности он существа дела в своем определении вовсе не коснулся. При таких условиях восстановление истины по вопросу столь огромной принципиальной важности представляет, на мой взгляд, прямую обязанность всякого, кто знаком с действительным положением дела; тем более это было обязательно для меня, состоящего не только проф[ессором], но и одним из представителей от Ун[иверситет]ов в высшем законодательном учреждении.

По изложенным принципиальным соображениям, я считаю предполагаемый перевод меня в Демидовский Юрид[ический] Лицей в Ярославль помимо моего согласия, какового я не изъявляю, несогласным с законом, о чем считаю долгом поставить в известность, в лице В[ашег]о Прев[осходительства] Г[осподи]на М[инист]ра Н[ародного] Просвещения.

Прошу принять меры.

Член Гос[ударственного] Сов[ета] и ординарный проф[ессор]
С[анкт]-Петербургского У[ниверсите]та

Д.Д. Grimm

Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 173. Л. 39-39 об. Рукопись.

Radek Soběhart (Prag)

**DIE BEZIEHUNG WILLY BRANDTS
ZUR SOWJETUNION IN DER ZEIT SEINER EMIGRATION
(1933-1947)**

Willy Brandt

Die Studie befasst sich mit der Beziehung Willy Brandts zur Sowjetunion in der Zeit seiner Emigration (1933-1947) im Kontext seiner Vorstellungen über die Ordnung in Europa nach der Nazi-Herrschaft und dem Ende des Zweiten Weltkriegs. Ich stimme den Autoren zu, die die Emigrationszeit Brandts, während der er seine Hauptvorstellungen über die Position der Sozialdemokratie in der modernen Gesellschaft, eines «anderen» Deutschlands nach der Nazi-herrschaft, über das Funktionieren der europäischen Zusammenarbeit nach dem Zweiten Weltkriegs sowie seine Einstellung zur Sowjet-

union entwickelt hatte, als ausschlaggebend betrachten¹. Ich bin mit den Autoren einverstanden, die Brandts Tätigkeit in den skandinavischen Ländern als Anfang seiner europäischen Politik, einschließlich seiner Ostpolitik, bezeichnen². Die Studie konzentriert sich auf die Fragen – warum nahm Brandt in den 1930er Jahren eine so negative Einstellung zur UdSSR ein? Warum änderte er dann seine Einstellung? Wie beurteilte er Schritte Moskaus während des Zweiten Weltkriegs? Was versprach er sich von der Zusammenarbeit mit der Sowjetunion nach 1945?

Zuerst möchte ich darauf hinweisen, dass man sich mit der Problematik der «Emigration und Rückemigration» in der Geschichte der Bundesrepublik erst Mitte der 1980er Jahren anfang zu befassen, indem viele Studien und Synthesen über die deutsche Emigration³ und Willy Brandt veröffentlicht wurden⁴. Sven Papcke beschrieb die Ursachen dieses Desinteresses, das in einem bestimmten «Widerwillen» der meisten Deutschen bestand, sich mit Schicksalen von Menschen zu beschäftigen, die die Nazi-Zeit nicht direkt in Deutschland erlebt hatten, weil sie deswegen – gewissermaßen – ein «schlechtes Gewissen»

¹ Vgl.: *Wilkins A.* Vorwort // Wir sind auf dem richtigen Weg. Willy Brandt und die europäische Einigung / Hrsg. *A. Wilkins*. Bonn, 2010. S. 9; *Eadem.* Willy Brandt und europäische Einigung // Die Bundesrepublik Deutschland und die europäische Einigung, 1949-2000. Politische Akteure, gesellschaftliche Kräfte und internationale Beziehungen / Hrsg. *M. König, M. Schulz*. Stuttgart, 2004. S. 169-170; *Lorenz E.* Willy Brandt zwischen Skandinavien und Deutschland // Stand und Perspektiven der Willy-Brandt-Forschung. Werkstattgespräch zur Berliner Ausgabe vom 29. Januar 2003 / Hrsg. *W. Schmidt*. Berlin, 2003. S. 9-15; *Eadem.* Willy Brandt. Deutscher-Europäer-Weltbürger. Stuttgart, 2012. S. 7; *Schönhoven K.* Einleitung // *Brandt W.* Im Zweifel für die Freiheit. Reden zur sozialdemokratischen und deutschen Geschichte / Hrsg. und eingel. *K. Schönhoven*. Bonn, 2012. S. 9.

² *Arnold H.* Willy Brandt und Europa. Berlin, 2006. S. 23; *Bahr E.* Willy Brandts europäische Außenpolitik. Vortrag von Bundesminister a. d. Professor Egon Bahr am 9. Oktober 1998 im Rathaus Schöneberg zu Berlin. Berlin, 1999. S. 1.

³ *Krohn C.-D.* Emigranten und die «Westernisierung» der deutschen Gesellschaft nach 1945 II Exil und Neuordnung. Beiträge zur verfassungspolitischen Entwicklung in Deutschland nach 1945 / Hrsg. *C.-D. Krohn, M. Schumacher*. Düsseldorf, 2000. S. 9-31; *Mühlen P.* Rückkehr unerwünscht? Die Deutschen und ihre Emigranten // Denken im Zwiespalt. Über den Verrat von Intellektuellen im 20. Jahrhundert / Hrsg. *W. Bergen, W. H. Pehle*. Frankfurt am Main, 1996. S. 127-139; *Lorenz E.* Exilforschung in Skandinavien. Geschichte, Stand, Perspektiven // Exilforschung. 1996. Bd. 14. S. 119-132.

⁴ Vgl.: *Lorenz E.* Möglichkeiten und Grenzen des politischen Exils in Norwegen am Beispiel von Willy Brandt, Heinz Epe, Max Strobl und Jacob Nicolaus Vogel // Exilforschung. 1990. Bd. 8. S. 174-184; *Eadem.* Die Remigration aus Skandinavien ins Nachkriegsdeutschland // Deutsch-skandinavische Beziehungen nach 1945 / Hrsg. *R. Bohn, J. Elvert, K. Ch. Lammers*. Stuttgart, 2000. S. 140-151.

hatten, sehr treffend¹. Die Geschichtsforschung über Brandt wurde ebenfalls von einer Denunziationskampagne an der Wende der 1950er und 1960er Jahre beeinflusst, wo Brandt an Wahlkampagnen zum Bürgermeister von Westberlin sowie als SPD-Kanzlerkandidat teilnahm. Diese Aktion gegen ihn wurde von etlichen Persönlichkeiten nicht nur der radikalen Linken, sondern auch von der CDU/CSU sowie dem nationalistischen SPD-Flügel geführt². In der negativen Verleumdungskampagne konzentrierten sich die Gegner auf die Emigrationszeit Brandts. Seine Reaktion auf diese Angriffe war Veröffentlichung einiger Bücher, die vor allem der Verbesserung seines medialen Bilds in der Emigrationszeit dienen sollten³. Heutzutage setzt sich mit dem Thema vor allem der norwegische Historiker Einhart Lorenz auseinander⁴, den ich für den besten Kenner des Werks und Lebens Brandts in seiner Emigrationszeit halte, jedoch vermissem ich bei ihm eine kritischere Einstellung zu Brandts Ideen und Taten. In dieser Hinsicht sind die Arbeiten Rainer Behrings⁵, Wolfgang Schmidts und Judith

¹ Papcke S. Exil und Remigration als öffentliches Ärgernis. Zur Soziologie eines Tabus // Exilforschung. 1991. Bd. 9. S. 17-20.

² Lehmann H. G. Im Acht und Bann. Politische Emigration, NS-Ausbürgerung und Wiedergutmachung am Beispiel Willy Brandts. München, 1976. S. 249-60; Merseburger P. Willy Brandt 1913-1992. Visionär und Realist. Stuttgart – München, 2003. S. 307-308, 408-419; Lorenz E. Willy Brandt im Spiegel seiner Erinnerungen und seiner Biografen // Exilforschung. 2005. Bd. 23. S. 57-69; Eadem. Willy Brandt – Ein Portrait // «Nie mehr eine Politik über Polen hinweg». Willy Brandt und Polen / Hrsg. F. Boll, K. Ruchniewicz. Bonn, 2010. S. 36.

³ Brandt W. Mein Weg nach Berlin / Hrsg. L. Lania. München, 1960; Eadem. Links und frei. Mein Weg 1930-1950. Hamburg, 1982; Lorenz E. Willy Brandt im Spiegel. S. 59; Misgeld K. Die «Internationale Gruppe demokratischer Sozialisten» in Stockholm 1942-1945. Zur sozialistischen Friedensdiskussion während des Zweiten Weltkrieges. Bonn – Bad Godesberg, 1976. S. 93.

⁴ Vgl.: Lorenz E. Einleitung // Brandt W. Verbrecher und andere Deutsche. Ein Bericht aus Deutschland 1946. Bonn, 2008. S. 26; Eadem. Einleitung: «Hitler ist nicht Deutschland». Jugend in Lübeck – Exil in Norwegen // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. Jugend in Lübeck – Exil in Norwegen 1928-1940 / Bearb. E. Lorenz. Berlin, 2002. S. 15-16; Eadem. Einleitung: «Ich arbeite dafür, zwei Vaterländer wiederzugewinnen – ein freies Norwegen und ein demokratisches Deutschland». Willy Brandts Exiljahre 1940-1947 // Brandt W. Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil – Rückkehr nach Deutschland 1940-1947 / Bearb. E. Lorenz. Bonn, 2000. S. 16 – 17; Eadem. Willy Brandt – Ein Portrait. S. 36.

⁵ Behring R. Demokratische Außenpolitik für Deutschland. Die außenpolitischen Vorstellungen deutscher Sozialdemokraten im Exil 1933-1945. Düsseldorf, 1999; Eadem. Normalisierung auf Umwegen. Polen in den politischen Konzeptionen Willy Brandts 1939-1966 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2010. Bd. 58. H. 1. S. 35-68; Eadem. Zwischen Sozialismus und Demokratie. Europakonzeptionen des sozialdemokratischen Exils im Schatten transnationaler Parteienkonflikte // Politische Parteien und europäische Integration. Entwicklung und Perspektiven transnationaler Parteienkooperation in Europa / Hrsg. J. Mittag. Essen, 2006. S. 229-249.

Michels hervorzuheben¹, die auf offensichtliche Schwächen der Tätigkeit Brandts in seiner Emigrationszeit hinweisen.

Die Einstellung Brandts zur Sowjetunion durchmachte im Zeitraum 1933-1945 einige Stadien und bei einer Vereinfachung ist festzustellen, dass bei ihm in den dreißiger und am Anfang des Zweiten Weltkriegs eine negative Wahrnehmung des stalinistischen Reichs überwog. Diese änderte sich während des Kriegs, wo Brandt in etlichen seinen Texten ein positives Bild der Sowjetunion brachte. Neben den im Exil erworbenen persönlichen Erfahrungen wurde seine Einstellung zur Sowjetunion vor allem durch seine Weltanschauung, die aus dem klassischen Sozialismus von Anfang des 20. Jahrhunderts hervorging, beeinflusst. In diesem Sinne beurteilte er den Zweiten Weltkrieg als einen imperialistischen Krieg, in dem der deutsche Imperialismus die größte Schuld daran trug war, im Interesse seiner egoistischen Ziele einen neuen Weltkrieg entfesselt zu haben². Aber Deutschland arbeitete vorher langfristig mit Großbritannien und Frankreich zusammen, die sich zwar schließlich für einen Krieg gegen Deutschland entschieden, jedoch nicht zum Schutz Polens und der Tschechoslowakei, sondern nur zum Schutz ihrer eigenen imperialistischen Machtinteressen³. Aufgrund seiner sozialistischen Weltanschauung betrachtete er die Sowjetunion als die Hauptmacht, die sich gegen die imperialistischen Interessen der Westmächte stellte und die die Ziele des Sozialismus am besten in der Welt durchsetzen konnte. Ebenfalls positiv beurteilte er die Ergebnisse der zentralen Planwirtschaft in der Sowjetunion, und zwar in den dreißiger Jahren sowie am Anfang des Zweiten Weltkriegs⁴. Die sowjetische zentrale Planwirtschaft als ein ökonomisches Konzept

¹ Schmidt W. Kalter Krieg. Koexistenz und kleine Schritte. Willy Brandt und die Deutschlandpolitik 1943-1963. Wiesbaden, 2001. S. 26-53; Michel J. Willy Brandts Amerikabild und -politik 1933-1992. Göttingen, 2010. S. 31-71.

² Brandt W. Die gegenwärtige Lage und unsere Aufgaben. Notizen Brandts zu dem Vortrag, 9. September 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. Jugend in Lübeck – Exil in Norwegen 1928 – 1940 / Bearb. E. Lorenz, Berlin, 2002. S. 425; Behring R. Demokratische Außenpolitik. S. 572.

³ Brandt W. Die Kriegsziele der Großmächte und das neue Europa, April 1940 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 470-471; Michel J. Op. cit. S. 49. Brandt kritisierte die Westmächte bereits in den 1930er Jahren, wo er bei ihnen insbesondere die Untätigkeit während des spanischen Bürgerkriegs sowie der Krise um die Tschechoslowakei 1938 beanstandete, vgl.: Lorenz E. Einleitung: «Hitler ist nicht Deutschland». S. 48."

⁴ Zu diesem Problem schrieb Brandt 1940: «In Russland hat man gezeigt, dass ohne Kapitalisten funktionierte. Das neue Russland war, trotz aller Mängel und Fehler, der erste große Beweis für die Überlegenheit der Planwirtschaft. Die Industrieproduktion wurde seit

soll im Vergleich zu der Marktwirtschaft während der Weltwirtschaftskrise einen Erfolg erzielt haben. Später revidierte er zwar seine Ansichten, aber bis 1947 hielt er auf der Vorstellung einer zentralen Planwirtschaft als dem besten ökonomischen Modell für das Nachkriegsdeutschland fest¹. Brandt teilte auch die Überzeugung davon, dass die Einheit und Zusammenarbeit auf allen Ebenen die beste Verteidigung gegen einen wiederholten Krieg darstellen. Aus diesem Grund ist in seinen Texten die Forderung nach einer einheitlichen Arbeiterbewegung, einem einheitlichen Europa sowie einer einheitlichen Vorgehensweise der Weltmächte, einschließlich Sowjetunion zu finden².

Brandt sah aber auch Probleme, mit denen die Sowjetunion zu kämpfen hatte, er konnte Nachrichten nicht missachten, die über Repressionen und Säuberungsaktionen in der Sowjetunion informierten, deswegen stand er der Stalins Politik in den 1930er Jahren sehr kritisch³. Eine kritische Einstellung gegenüber Moskau sowie der Kommunistische Internationale nahm er insbesondere während seines Aufenthalts in Spanien 1937 ein, wo er die negative Auswirkung der Politik der Komintern sowie der Sowjetunion auf die Einheit der sozialistischen Bewegung und Fraktionen im Kampf gegen die Franco-Truppen beobachten konnte. Brandt verurteilte die Vorgehensweise der Komintern sehr hart, die sich seines Erachtens nicht bemühte, die Arbeiterbewegung zusammenzuschweißen,

1913 verzehnfacht und der Lebensstandard der Bevölkerung wurde ohne Zweifel verbessert, auch wenn man den stalinistischen Schwindeleien von der „ersten Phase des Kommunismus, nicht Glaube kann« (*Brandt W.* Unsere Stellung zu Russland, Januar-Februar 1940 // *Brandt W.* Hitler ist nicht Deutschland. S. 463; *Eadem.* Spaltung oder Sammlung. Die Komintern und die kommunistischen Parteien, Juni 1939 // *Ibid.* S. 409; *Eadem.* Deutscher Sozialismus und der Krieg, Dezember 1939 // *Ibid.* S. 446). Zur Wirtschaftsentwicklung vgl.: *Stellner F.* Zur Entstehung der zentral geleiteten Wirtschaft und der sozialen Frage in der UdSSR // *Stellner F. u. a.*, Kapitel aus der Geschichte des Sozialstaates. Hamburg, 2012. S. 56-70.

¹ *Brandt W.* Die Friedensziele der demokratischen Sozialisten, März 1943 // *Brandt W.* Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil. S. 99; *Eadem.* Die Krise der deutschen Arbeiterbewegung, Ausarbeitung des Mitglieds der Leitung der SPD-Landesgruppe Schweden, März 1946 // *Ibid.* S. 295; *Eadem.* Verbrecher und andere Deutsche. Ein Bericht aus Deutschland 1946. Bonn, 2008. S. 319; Schmidt W. Op. cit. S. 41.

² *Brandt W.* Die Friedensziele der demokratischen Sozialisten, März 1943 // *Brandt W.* Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil. S. 95-99; *Schmidt W.* Op. cit. S. 39.

³ Allerdings noch 1935 verfasste Brandt einen Text, in dem er Erfolge der bolschewistischen Partei in der Sowjetunion mit folgenden Worten lobte: «Die Sowjetunion ist das Land der siegreichen proletarischen Revolution. Das Land ohne Privateigentum, ohne Kapitalisten, ohne Ausbeutung». Zit. nach: *Lorenz E.* Einleitung: «Hitler ist nicht Deutschland». S. 504-505; *Behring R.* Normalisierung. S. 43.

sondern aktiv gegen einzelne sozialistische Fraktionen und Gruppen auftrat und diejenigen liquidierte, die mit ihr nicht freiwillig zusammenarbeiten wollten¹. Nach Brandt «...widerspricht die Organisationspraxis, die die Komintern im Laufe der Jahre entwickelt, den elementarsten Grundsätzen der Arbeiterbewegung»² und die Komintern wurde eher zum Handlanger der sowjetischen Außenpolitik. Gerade der Bürgerkrieg in Spanien zeigte klar, dass «... die Sowjetunion in erster Linie ihre eigenen Interessen wahrnimmt»³.

Brandts Kritik an der Sowjetunion gipfelte 1939 nach der Unterzeichnung des sowjetisch-deutschen Pakts. Seiner Meinung nach war danach schwer, «... mit der Sowjetunion weiterhin als einem Teil der internationalen sozialistischen Arbeiterbewegungen zu rechnen. Es sind die Russen, die sich aus der sozialistischen Bewegung abgemeldet haben»⁴. Brandt betrachtete den Pakt als einen klaren Beweis für den Verrat an der internationalen Arbeiterbewegung⁵ sowie einen weiteren Beweis dafür, dass «... die Politik Stalins überall in der Welt eine Stärkung der reaktionären anti-sozialistischen und arbeiterfeindlichen Kräfte bedeutet... Wir müssen die Sowjetunion als Sozialisten bewerten, beurteilen – und wenn nötig verurteilen»⁶. In Brandts Augen ist Moskau «...Hauptfeind der

¹ Brandt W. Unmögliche Methoden, Dezember 1937 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 352.

² Brandt W. Spaltung oder Sammlung. Die Komintern und die kommunistischen Parteien, Juni 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 406.

³ Brandt W. Spaltung oder Sammlung. Die Komintern und die kommunistischen Parteien, Juni 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 412. Vgl.: Simon G. Was Willy Brandt und Jacob Walcher trennte. Aussagen eines Briefwechsels 1933-1946 // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1998. Bd. 40. H. 1. S. 110; Lorenz E. Einleitung: «Hitler ist nicht Deutschland». S. 63-64.

⁴ Brandt W. Die Arbeiterbewegung und der deutsch-russische Pakt, September 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 422. Nach Brandt sollte sich vor allem die Arbeiterbewegung von den Verbindung mit der Komintern so schnell wie möglich lösen, denn «... die Komintern hat schon lange ihre Existenzberechtigung verloren» (Brandt W. Die Außenpolitik der Sowjetunion 1917-1939, Oktober 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 431; Behring R. Normalisierung. S. 44).

⁵ Brandt W. Deutscher Sozialismus und der Krieg, Dezember 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 442.

⁶ Brandt W. Unsere Stellung zu Russland, Januar-Februar 1940 // Brandt W. Ibid. S. 461. Brandt betrachtete die Sowjetunion in diesem Zeitraum sogar als ein Land, in dem es keinen Sozialismus im Grunde genommen gibt, dass «... Sozialismus mehr ist als die Übernahme der Produktionsmittel durch den Staat. Der Sozialismus auf Freiheit und Demokratie aufbauen, will er eine Politik führen können, die ihn wirklich berechtigt, diesen Namen zu führen» (Brandt W. Die Außenpolitik der Sowjetunion 1917-1939, Oktober 1939 // Brandt W. Hitler ist nicht Deutschland. S. 432-433; Lorenz E. Willy Brandt – Ein Portrait. S. 30).

Arbeiterbewegung und des menschlichen Fortschritts geworden»¹. Obwohl er sich in dieser Zeit über die Sowjetunion sehr kritisch äußerte, zeigten sich gleichzeitig auch Grenzen seiner Kritik. Denn an erster Stelle stand seine sozialistische Weltanschauung, dank deren er die bolschewistische Revolution 1917 sowie den Wirtschaftsaufschwung der Sowjetunion positiv beurteilte. Er hielt die UdSSR weiterhin für den wichtigsten Verbündeten der internationalen Arbeiterbewegung².

Eine Umkehr in seiner Einstellung zur Sowjetunion machte Willy Brandt 1941 nach dem Angriff Deutschlands und seiner Verbündeten auf die Ostgroßmacht. Seine Bewunderung gegenüber der bolschewistischen Regierung stieg vor allem bezüglich des tapferen Kampfs der russischen Bevölkerung und der sich langsam ändernden Situation auf der Ostfront. Brandt betonte damals vor allem die Bedeutung der UdSSR in der Anti-Hitler-Koalition und seine Schlüsselrolle bei der eventuellen Niederlage des Nazi-Deutschlands³. Von dem Wunsch, dass «... die ganze demokratische Welt den heldenhaften Kampf der Roten Armee und des russischen Volkes gegen die nazistische Überfallsmacht bewundert», kam er jedoch zu einem ziemlich naiven Schluss, dass die Sozialdemokraten alle Kräfte in der Sowjetunion unterstützen sollten, die «... für das Werk des sozialen Neuaufbaues und für die Errichtung der in der demokratischen Verfassung von 1936 niedergelegten Ziele von Bedeutung sein können»⁴. Trotzdem kann Brandt nicht als Stalinist oder Kommunist bezeichnet werden, denn seine damaligen Ansichten bezüglich der Sowjetunion ergaben sich vor allem aus der Bedeutung der Roten Armee für die Niederlage Hitlers⁵. Brandt neigte sich bereits in den 1930er Jahre der demokratischen und parlamentarischen Ordnung zu⁶. Aus diesem Grund betonte er bis zum Kriegsende die Notwendigkeit einer Zusammenarbeit europäischer Sozialisten mit

¹ Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung in Bonn. Willy-Brandt-Archiv, A5 – Allgemeine Korrespondenz 1940 [*Brandt W.* Lieber Freunde, 19. März 1940].

² *Brandt W.* Unsere Stellung zu Russland, Januar-Februar 1940 // *Brandt W.* Hitler ist nicht Deutschland. S. 463-467; *Michel J.* Op. cit. S. 53; *Schmidt W.* Op. cit. S. 26-28.

³ *Behring R.* Normalisierung. S. 43.

⁴ *Brandt W.* Die Friedensziele der demokratischen Sozialisten, März 1943 // *Brandt W.* Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil. S. 97. Vgl. auch: *Michel J.* Op. cit. S. 53; *Misgeld K.* Op. cit. S. 81; *Brandt W.* Unsere Stellung zu Russland, Januar-Februar 1940 // *Brandt W.* Hitler ist nicht Deutschland. S. 465; *Behring R.* Demokratische Außenpolitik. S. 585; *Grebing H.* Was wird aus Deutschland nach dem Krieg? Perspektiven linkssozialistischer Emigration für den Neuaufbau Deutschlands nach dem Zusammenbruch der national-sozialistischen Diktatur // *Exilforschung*. 1985. Bd. 3. S. 53.

⁵ *Behring R.* Normalisierung. S. 43. Vgl.: *Schmidt W.* Op. cit. S. 40 – 41.

⁶ *Lorenz E.* Einleitung: «Ich arbeite dafür...». S. 33.

der bolschewistischen Regierung, denn nur eine enge Zusammenarbeit konnte seiner Meinung nach als Garantie für ein demokratisches Nachkriegsdeutschland und eins kooperierendes Europas gelten¹.

Auch noch zu Kriegsende setzte Brandt sein Lob über die Politik Moskaus fort, manche seiner Ansichten ähnelten der offiziellen sowjetischen Propaganda. Als Beispiel möchte ich seinen Text vom Herbst 1945 anführen, in dem er den sowjetische-deutschen Pakt von 1939 verteidigte, und zwar wegen des Verrats der Westmächte an der Tschechoslowakei 1938 und wegen der Angst der sowjetischen Führung vor einem Zwei-Fronten-Kriegs. Er hielt die angefangenen Reformen nach dem sowjetischen Muster in Mittel- und Osteuropa nach 1945 für die beste und schnellste Grundlange für eine neue Ordnung, die mit der Vorkriegssituation nicht zu tun haben sollte². Nicht einmal in den ersten Kriegsjahren wollte er sich auf die Seite der Kritiker der Sowjetunion stellen, die auf die Sowjetisierung Mittel- und Osteuropas sowie die sowjetische Unnachgiebigkeit bei Verhandlungen mit anderen Siegermächten aufmerksam machten. Brandt distanzierte sich dagegen vom «primitiven Antibolschewismus»³ und der anti-sowjetischen Propaganda, die alles, was die sowjetische Seite in ihrer Besatzungszone gut machte, verschwieg⁴.

Brandt revidierte seine Einstellung zur Sowjetunion erst während seiner Tätigkeit in Westberlin als SPD-Mitglied, wo er unmittelbare Erfahrungen mit der sowjetischen Politik in Ostberlin erwarb⁵. Erste Anzeichen dieser Änderung waren in seinen Kommentaren zum kommunistischen Putsch in der Tschechoslowakei im Februar 1948 festzustellen. Brandt lehnte den Sozialismus in der Form, wie ihn die KPTsch verstand, grundsätzlich ab, und kritisierte Moskau wegen seiner Einmischung in tschechoslowakische Angelegenheiten⁶. Die Idee

¹ *Brandt W.* Zur Nachkriegspolitik der deutschen Sozialisten, Juli 1944 // *Brandt W.* Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil. S. 195.

² Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung in Bonn. Willy-Brandt-Archiv, A5 – Exil und Nachkriegszeit 1933 – 1947 [*Brandt W.* Der Zweite Weltkrieg – ein kurzer Überblick, Stockholm 1945]. Vgl. auch: *Behring R.* Normalisierung. S. 49.

³ *Brandt W.* Schreiben Brandts an Walcher, 10. Juni 1946 // *Brandt W.* Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil. S. 311.

⁴ *Brandt W.* Vertraulicher Bericht des Presseattachés an der Norwegischen Militärmission in Berlin, Brandt, für den Pressedienst des Norwegischen Außenministeriums, 25. Juli 1947 // *Brandt W.* Zwei Vaterländer. Deutsch-Norweger im schwedischen Exil. S. 326.

⁵ *Behring R.* Normalisierung. S. 52.

⁶ *Brandt W.* Aus der Rede des Vertreters des SPD-Parteivorstandes in Berlin, Brandt, vor Funktionären der Berliner SPD, 12. März 1948 // *Brandt W.* Berlin bleibt frei. Politik in und für Berlin 1947-1966 / Bearb. S. Heimann. Bonn, 2004. S. 104-106.

einiger tschechoslowakischen Politiker, die Nachkriegs-Tschechoslowakei solle eine Brücke zwischen Ost und West werden, bezeichnete er mit Rücksicht auf die sowjetischen Interessen als unrealistisch¹. Infolge der Ereignisse in der Tschechoslowakei begann er immer mehr seine These durchzusetzen, dass ein unabhängiges und souveränes Deutschland nur in einer festen Verbindung mit den Westmächten wiederherzustellen ist. Die erste Berlin-Krise interpretierte Brandt als eine Schlüsselprobe der Zuständigkeit Westberlins zum Westen. Er verlange «die Lehre von Prag»², wo auch zuerst über die Demokratisierung gesprochen wurde, was aber mit einem kommunistischen Putsch endete³. Brandt gehörte zu den Politikern, die die Schritte Moskaus wie einen klassischen Machtkampf interpretierten, deshalb zweifelte er nicht daran, dass die Sowjetunion seine Position stärken will sowie «... es werde nunmehr zwischen der einen Million Berliner des Ostsektors und den gut zwei Millionen der Westsektoren eine chinesische Mauer errichtet werde»⁴. Brandt beurteilte die Berlin-Krise auch im Kontext der gesamten sowjetischen Nachkriegspolitik: «Die erste Periode der bolschewistischen Nachkriegspolitik wurde durch die Niederlagen in Frankreich und Italien abgeschlossen. Vieles spricht dafür, dass in der Auseinandersetzungen um die weiteren Schritte seitens der ausgesprochenen Parteikreise (Komintern) eine radikale Bolschewisierung der Ostzone und ihre feste Einbeziehung in den Ostblock gefordert und in die Wege geleitet wurde»⁵.

Brandt überzeugte sich während der ersten Berlin-Krise endgültig davon, dass es für Berlin und das freie Deutschland keine andere Alternative gibt, als Westen und Demokratie. Deshalb versuchte er während der Krise die Vertreter der Westzonen davon zu überzeugen, dass Berlin einheitlich war und dass es der Sowjetunion nicht gelang, die Stadtregierung zu zerstören sowie die Entschlos-

¹ Schmidt W. Op. cit. S. 57.

² Ibid. S. 104.

³ Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung in Bonn. Willy-Brandt-Archiv, A6-Berlin, AdsD, K. 55. [Brandt W. Bericht Nr. 30 des Berliner Sekretariats des SPD-Parteivorsitzenden (Hannover), 23. März 1948]. Aber die Berlin-Frage betrachtete er nicht nur als einen Teil der sog. deutschen Frage, sondern er sprach davon, dass «... wenn Berlin aufgegeben wird, hat das verhängnisvolle Konsequenzen für den Rest Deutschlands und für ganz Westeuropa» (Brandt W. Aus dem Schreiben Brandts an seine Verlobte, Tur Bergaust, 13. April 1948 // Brandt W. Berlin bleibt frei. S. 114).

⁴ Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung in Bonn. Willy-Brandt-Archiv, A3 – Publikationen 1948. AdsD. K. 2. [Brandt W. Chinesische Mauer durch Berlin, Berlin, 22. November 1948].

⁵ Ibid, A6-Berlin, AdsD, K. 56. [Brandt W. Bericht Nr. 92 des Berliner Sekretariats des SPD-Parteivorsitzender (Hannover), 23. September 1948].

senheit der Bevölkerung sich gegen die sowjetische «Schikane» zu wehren zu schwächen¹. Er stellte sich auf die Seite des Berliner Oberbürgermeisters Ernst Reuters, der zum Symbol der Entschlossenheit Westberlins dem sowjetischen Druck standzuhalten wurde².

Wie ist Brandts Beziehung zur Sowjetunion hinsichtlich seines späteren Außenpolitikkonzepts zu beurteilen? Brandts Einstellung zu Moskau entwickelte sich und änderte sich mehrmals. Trotzdem überwog bei ihm eher eine positive Beurteilung, die jedoch seinem Wunsch entsprach, die Sowjetunion sollte die sozialistische Hauptmacht, eine Opposition gegen die kapitalistisch-imperialistischen Westmächte werden. Während des Zweiten Weltkriegs kam noch die Überzeugung dazu, dass die Sowjetunion bei der Niederlage des Hitler-Deutschlands die Hauptrolle spielte. Aus den oben genannten Gründen kam Brandt häufig zu falschen Interpretationen bezüglich der Ziele der sowjetischen Außenpolitik in seiner Emigrationszeit. Ich stimme dem deutschen Historiker Rainer Behring vollkommen zu, der es ablehnte, diesen Zeitraum mit der Ära der Ostpolitik und Entspannung zu vergleichen. Seiner Ansicht nach hatte «...diese Interpretation der sowjetischen Politik mit Entspannung und Verständigung nicht mehr zu tun, sie tendierte faktisch zur Opferung der Ideale einer auf Demokratie und Selbstbestimmung basierenden internationalen Neuordnung»³. Andererseits möchte ich auch betonen, dass die Beziehung zur Sowjetunion keineswegs das Hauptthema der Überlegungen Brandts in seiner Emigration darstellte. Brandt beschäftigte sich vor allem mit der deutschen Frage, dem Nazismus, demokratischen Sozialismus und den Vorteilen der demokratischen Ordnung.

¹ Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung in Bonn. Willy-Brandt-Archiv, A3 – Publikationen 1948, AdsD, K. 42 [*Brandt W.* Kraftprobe auf dem Höhepunkt, September 1948]; Ibid. [*Brandt W.* Berlin vor neuer Entwicklung, 4. Oktober 1948].

² Vgl.: *Schmidt W.* Op. cit. S. 68.

³ *Behring R.* Demokratische Außenpolitik. S. 590, 593.

Юрий Александрович Мизис (Тамбов)

**ПОБЕГИ ВОЕННОПЛЕННЫХ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ
ИЗ СОВЕСКИХ ЛАГЕРЕЙ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЛАГЕРЯ № 188, СТАНЦИЯ РАДА,
ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

В лагерях для военнопленных в СССР в годы Второй мировой войны побегі были достаточно частым явлением. В каждом конкретном случае имели место свои причины для них. Цели побегов в разные периоды войны отличались друг от друга. Мы рассмотрим это явление на примере Тамбовского лагеря № 188, в котором с декабря 1942 г. начали размещать военнопленных немецкой армии разных национальностей¹. В работе итальянской исследовательницы М. Т. Джусті о военнопленных итальянской армии, в том числе находившихся в тамбовском лагере, эта тема вообще обойдена стороной², а в исследовании французского историка Р. Бату о 188-м лагере говорится лишь о 17 случаях побегов³. Поэтому есть смысл вернуться к этой теме и проанализировать ее на примере имеющихся в нашем распоряжении источников.

В начале декабря 1942 г. в лагерь под Тамбовом стали поступать первые военнопленные из Сталинградского котла. Первые же группы спецконтингента были потенциально готовы к таким побегам. В 1943 г. линия фронта находилась сравнительно недалеко от Тамбова на расстоянии 150-300 км, поэтому побегі из лагеря № 188, расположенного в 12 км к востоку от Тамбова, имели конкретную цель. Определенная часть военнопленных рассчитывала вернуться в свою армию, перейдя линию фронта, другие были готовы бежать вследствие тяжелой обстановки в самом лагере, где в это время наблюдалась массовая смертность. В 1944 г., когда линия фронта

¹ Писарев Е. Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа... Тамбов. 1999; Мизис Ю. А. Польские военнопленные в тамбовских лагерях // Поляки в истории российской провинции XIXXX вв. Диалог цивилизаций: материалы Междунар. науч. конф. 18-20 мая 2010. Тамбов. 2010. С. 305-316; Он же. Польские военнопленные в тамбовских лагерях в годы Второй мировой войны // Wrogowie, sojusznicy, towarzysze broni Polsko-rosyjskie stosunki wojskowe w pierwszej połowie XX wieku pod redakcją Jakuba Wojtkowiaka. Poznań, 2013. S. 285-296.

² Джусті М. Т. Итальянские военнопленные в СССР 1941-1954. СПб., 2010.

³ Baty R. Tambov camp sovietique 1942-1946. Les archives sovietiques parlent. T. 1. Strasbourg, 2011. P. 188-197.

ушла далеко на запад, целью побегов часто становилось простое желание свободы, хотя бы на несколько дней, ухода от повседневной рутинной лагерной действительности. Крайне редко ставилась задача – дойти до своей родины, еще реже – вернуться в свою часть. Летом 1944 г., после открытия второго фронта, многие военнопленные французы, бельгийцы и люксембуржцы ожидали отправки в армию генерала Ш. де Голля, поляки могли надеяться вступить в Войско Польское, румыны и чехи – в национальные антифашистские части. Да и общая обстановка в лагерях становилась все более приемлемой для проживания: было налажено питание, относительный комфорт в жилых помещениях, улучшено медицинское обслуживание. Поэтому серьезных поводов для побегов становилось все меньше.

В 1945 г. уже для каждого непредвзятого очевидца становилось ясно, что война идет к концу и завершится поражением фашистского блока. Поэтому побеги из лагерей были связаны не с желанием вернуться в свою армию или страну, а с потребностью получения любыми путями свободы, хотя бы и временной. С мая 1945 г. побеги почти прекратились. Определенная часть военнопленных, представителей народов поработанной нацистами Европы, была отправлена на Родину, другая ожидала такой возможности. Военнопленные получили значительные послабления, связанные с возможностью трудиться расконвоированными, ожидая скорого освобождения. Значительная часть всех побегов 1944 и 1945 гг. осуществлялась недавно плененными и прибывшими в лагерь лицами, не привыкшими к неволе, имевшими силы и желание бежать.

Меры по предотвращению побегов предпринимались руководством лагеря на протяжении всего периода его существования. На первом этапе стояла задача – укрепить систему лагерных заграждений в виде рядов колючей проволоки и вышек с постами. Укрепление и совершенствование системы лагерной проволочной ограды, вышек, системы оповещения постов охраны и электрического освещения улучшались на протяжении всего 1943 г., а затем все это привело к четкой работе охраны, практически исключающей возможности беспрепятственно покинуть жилую зону лагеря. Побег из самого лагеря стали почти невозможными. По периметру зоны имелись главные ворота, 6 вышек и 7 «грибков» с охраной. Проволочные заграждения состояли из рядов колючей проволоки высотой в 2,5 м, длиной 2400 м. В каждом секторе было проведено 24 ряда колючей проволоки от самого низа до верха. Летом площадь у проволоки засыпалась песком,

чтобы были видны следы от возможного пересечения заграждений. В 1944 г. между постами провели телефонную связь, до этого здесь находились подвешенные рельсы, в которые в ночное время каждые 10 минут производили сигнальный перезвон, два раза ударяя в нее¹.

Другие меры касались самих вахтеров и службы охраны. Охрану лагеря несли войска НКВД, в частности в 1943 г. – 146-й батальон 252-го или 229-го полка 36-й дивизии НКВД². В 1944 г. его непосредственно охраняла 9-я пулеметная рота той же дивизии НКВД. В лагере насчитывалось 9 войсковых постов и 11 вахтерских. Сопровождали военнопленных на работу вахтеры из числа нанятых на службу. С учетом призыва в действующую армию огромного числа молодых здоровых мужчин, приходилось брать на работу вахтерами случайных людей или представителей азиатских республик. Также сюда попадали люди с судимостью, имеющие физические недостатки и не подлежащие призыву в действующую армию. В рапорте заместителя начальника управления лагеря НКВД № 188 по режиму и охране С.И. Кузмина начальнику лагеря И.И. Евдокимову от 21 мая 1944 г. говорилось о результате его поездки на пересыльный пункт Тамбова с целью отбора вахтерского состава³. Ему были представлены на выбор 28 человек из числа признанных не годными для войсковой службы или работы в промышленности. В результате удалось отобрать только 4 человека. Остальные имели тяжелые заболевания, не совместимые с какой-либо работой.

О низкой профпригодности вахтерского состава предупреждал в своем отчете в 1943 г. по результатам проверки состояния лагеря № 188 капитан госбезопасности Говозов: «Вахтерский состав не имеет внешнего вида – не обмундирован и слабо знает отечественную винтовку. Имеются случаи грубого нарушения дисциплины»⁴. Один из начальников охраны не имел военной подготовки, а два дежурных коменданта – малограмотные. Дежурные коменданты плохо контролировали несение службы. Так, рассматривая причины группового побега в 1943 г. 6 военнопленных из лагеря, комиссия установила, что дежурный комендант Миронов во время несения службы ушел в комендатуру, затем домой к своей жене, а часовой

¹ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

² Там же. Д. 16. Л. 12.

³ Там же. Ф. Р-4148. Оп. 1-с. Д. 11. Л. 19.

⁴ Там же. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

у проходных ворот по разрешению разводящего покинул свой пост¹. Именно в эту ночь и был совершен групповой побег. Обстоятельства самого побега в других источниках пока обнаружить не удалось.

В отчете за последний квартал 1943 г. начальник лагеря отметил ряд нарушений со стороны охраны: 7 случаев сна на посту, 3 – ухода с поста, 4 – небдительного несения службы, 6 – самовольной отлучки, 3 – связи с военнопленными, 9 – несвоевременного исполнения приказаний². Таким образом, даже к концу года у руководства лагеря были серьезные претензии в службе охраны. Контроль за работающими военнопленными оставался крайне низким, что вызывало беспокойство у начальника лагеря и его заместителя по охране. Например, 3 января 1943 г. группа военнопленных работала в конном парке, четверо из них самовольно ушли в лес в поисках жёлудей. Их случайно увидел и доставил в лагерь вахтер Волынчиков, а охрана обнаружила пропажу только по окончании рабочего дня³. 24 декабря 1943 г. двое бойцов конвойной роты конвоировали 13 военнопленных в Тамбов для работы на механическом заводе. Возвращаясь обратно в лагерь в пьяном виде, они открыли стрельбу по проходящим машинам с целью доехать с конвоируемыми до лагеря. Проезжавший офицер танковой бригады, после того как в машину попало несколько пуль, остановил свой транспорт, посадил всех в кузов и отвез в свою воинскую часть. Пьяных бойцов разоружили и посадили на гауптвахту, а военнопленных танкисты сами доставили в 188-й лагерь⁴. Естественно, такие случаи были исключением из правил, но более мелкие нарушения обнаруживались постоянно.

Ситуация с вахтерским составом обострилась в 1944 г., когда военнопленных стали в массовом порядке использовать на хозяйственных работах разных предприятий Тамбовской области. Понадобилось значительно увеличить количество охраны, и в состав вахтеров были приняты подростки 1927 года рождения. Они, естественно, не умели обращаться с оружием, у них отсутствовала форма и даже обувь. Поэтому вахтеры Горельского гидроузла конвоировали на работу пленных босиком, что явно под-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹ Там же. Д. 27. Л. 1.

² Там же. Д. 23. Л. 27-28.

³ Там же. Д. 27. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1-2.

рывало их авторитет у спецконтингента¹. Охрану на предприятиях, где работали пленные, должны были набирать руководители производства. Это были, как правило, инвалиды войны или пожилые люди, абсолютно не имевшие никакого опыта подобной деятельности. Именно с хозяйственных работ осуществлялось большинство побегов этого периода. Руководство лагеря проводило регулярные проверки службы охраны на промышленных объектах, усиливая систему контроля, добросовестность несения службы со стороны вахтеров, однако полностью искоренить разгильдяйство охраны не удалось.

Пленение немецкого солдата под Сталинградом. Январь 1943 г.

Проблемы дисциплины охраны оставались на протяжении всего времени и даже в заключительный период. В начале 1945 г. начальник лагеря в своих приказах отметил неоднократные случаи избиения военнопленных со стороны охраны во время проведения работ за пределами лагеря². 11 января 1945 г. при заготовке дров в лесу сержант конвоя избил двух французов палкой. Подобные жалобы поступали и от других групп воен-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Л. 43.

² Там же. Оп. 1 Д. 31. Л. 8.

нопленных. Пришлось руководству проводить особую воспитательную работу с конвоем о недопустимости подобного обращения. Такие действия конвоя становились известными в связи с регулярными проверками со стороны центрального аппарата НКВД и различных международных организаций, которые опрашивали самих военнопленных об обращении с ними со стороны охраны.

Завершение войны сказалось не только на отношении пленных к хозяйственным работам и повседневной жизни, но и на поведении охраны. Среди последних участились случаи пьянства, потери оружия. Вахтеры и конвоиры оставляли контингент без контроля, приводили пленных с работы, будучи в состоянии сильного подпития. Начальник лагеря вынужден был летом 1945 г. потребовать замены гарнизона конвойных войск и присылки новых. Но даже такие меры не давали серьезного результата, так как конвойные знали о депортации пленных домой и уже мало обращали внимания на мелкие случаи нарушения режима.

Еще одним методом предотвращения побегов из лагеря была оперативная работа службы по режиму со спецконтингентом. Среди военнопленных, формировались осведомители, которые регулярно поставляли информацию о настроениях среди пленных. Составлялись списки военнопленных склонных к побегу. Так, в середине лета 1943 г. в такой список из 71 человека вошли представители почти всех национальностей, находившихся в лагере¹. Такие лица не посылались на работу вне лагеря и ставились под особый контроль.

Проверки 64-го моршанского и 188-го радинского лагерей в связи с побегами весной-летом 1943 г. показали неблагоприятное состояние охраны и режима военнопленных. Так, в 64-м лагере двое военнопленных без охраны работали на электростанции и 5 – в кузнице. Они постоянно контактировали с местным населением. Во время их выхода за пределы лагерей для хозяйственных работ охранники не следили за конвоируемыми и занимались своими делами. Угрозы возможных побегов привели к временному снятию с работы пленных на мельзаводе № 17 в Тамбове и ряде других объектов.

Регулярно в лагере проводились обыски самих пленных и мест их проживания, изымались вещи, не подлежащие хранению, рабочий инстру-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-3.

мент после завершения работ выносился и хранился за пределами лагерной зоны. В соответствии с инструкцией НКВД СССР приказом № 2 от 1 января 1943 г. в жилую зону лагеря могли заходить только лица со специальными удостоверениями или разовым пропуском¹. В ночное время в зону лагеря пропускались дежурные медсестры, врачи, повара и заведующий баней.

Существовал особый режим пропуска военнопленных за пределы лагеря на работы и их возвращение обратно. Выпускали их через проходные ворота по счету и спискам с записью в журнал учета выхода и прихода на работу. Роспись в журнале ставил старший конвоя. По прибытию обратно всех обыскивали и пересчитывали. В каждой землянке на видном месте должен был иметься список военнопленных на родном языке, так как их селили по национальностям, имелся старший по бараку. В лагере на доске объявлений вывешивался режим дня и порядок функционирования лагеря на основных языках военнопленных. Во время выходов на работы за пределы лагеря один вахтер приходился на группу в 6-8 человек, однако недостаток охраны способствовал постоянному нарушению правил содержания пленных, что создавало благоприятную возможность для побегов.

Поскольку уже с лета 1943 г. часть спецконтингента использовали на различных работах в Тамбове или в других населенных пунктах, то вахтеры должны были строго предупреждать контакты с гражданским населением. Виновных охранников за такие нарушения наказывали гауптвахтой или преданию суду. В 1944 г. многие военнопленные стали работать на различных промышленных объектах Тамбова и области, пришлось совершенствовать систему охраны на предприятиях. Всего насчитывалось 16 таких объектов, требующих специальной дополнительной охраны². Поскольку на большинстве предприятий военнопленные не только работали, но и жили, то руководство лагеря стало налаживать систему их охраны в местах, не совсем для этого приспособленных.

Так, проверка условий содержания военнопленных на Тамбовском мотороремонтном заводе в 1944 г. привела к появлению специального письма начальника лагеря И.И. Евдокимова на имя начальника управления НКВД СССР по делам военнопленных генерал-лейтенанта Г.П. Петрова,

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 23. Л. 13-14; Д. 27. Л. 30-31.

² Там же. Д. 23. Л. 33-37.

директора завода т. Шапиро и секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Майорова¹. В нем отмечались недостатки по содержанию военнопленных на предприятиях: отсутствие дополнительного питания в 200 грамм хлеба и 1-го горячего блюда в сутки, проведение санобработки вахтеров и спецконтингента, большая разбросанность их по всему заводу, а не на двух участках, как оговаривалось первоначально, что приводило к ослаблению контроля за ними и постоянными контактами с рабочими.

В состав вахтеров здесь входили инвалиды или бывшие уголовники. Двух из них уже в первые дни работы обнаружили на местном рынке, пытавшихся продать постельные принадлежности, одеяло и военное обмундирование. Один охранник сбежал со службы и был объявлен дезертиром, среди остальных встречались больные, в том числе с психическими расстройствами и сифилисом. Вахтеры служили без обмундирования, дополнительного питания и вообще отказывались нести службу. Питание вахтеров было организовано неудовлетворительно, многие положенные им продукты не выдавались. Начальник лагеря предупреждал, что если до 25 июля улучшения положения военнопленных и вахтерского состава не произойдет, то он отзовет их обратно в лагерь. Лучше обстояло дело на строительстве Цнинстроя в 30 км от Тамбова и в 40 км от Моршанска. Сюда направили 1000 человек и условия их размещения оставались вполне удовлетворительными. Охрану объекта и рабочих обеспечивала сама организация. Однако полностью ликвидировать условия для побегов во время работы и проживания на производственных объектах не удавалось.

Первые побеги военнопленных заставили совершенствовать систему их поиска по области. С этой целью уже в мае 1943 г. был разработан план розыска беглецов². Создавались группы содействия по 4-10 человек в населенных пунктах в радиусе 40-50 км. Их старались создавать из рабочих и крестьян, привлекая, прежде всего, членов партии, комсомольцев и активистов-общественников. Эти списки, как показывает практика, составлялись местными органами власти чаще всего формально, для отчетности и не создавали серьезной базы для поиска беглецов.

Например, рано утром 28 февраля 1944 г. пленный француз Иозеф Фаертага бежал с мельзавода № 17 г. Тамбова, пешком дошел до села Сто-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 25. Л. 13-14.

² Там же. Д. 14. Л. 1-18.

лового, где в этот же день появился в местном сельсовете¹. Сторож сельского совета М.А. Букатин разрешил беглецу переночевать внутри помещения. На следующий день председатель сельсовета Бельков попросил односельчан собрать продукты и разрешил французу переночевать еще одну ночь в служебном помещении. Рано утром И. Фаертаг ушел из села и был задержан оперативной лагерной группой. Таким образом, вся номинально имевшаяся группа боевого содействия на поверку оказалась абсолютно неэффективной. Да и в других случаях наличие подобных групп содействия давало низкий результат во время побегов военнопленных из лагеря.

Забитые, запуганные, малограмотные сельские жители старались не вмешиваться в различные формы общественной жизни, самоустраняясь от подобных действий, перекладывая всю ответственность на местные органы власти. Хотя система общественно-политического строя сталинского времени, особенно в сельской местности, тщательно контролировала поведение местных жителей, и появление незнакомых людей не могло остаться незамеченным, а наличие значительных степных пространств в Тамбовской области делало почти невозможным удачные побег, тем не менее несколько таких случаев все-таки имели место. Документы одного лагеря не позволяют точно определить успешность побегов, так как беглецы могли быть арестованы и отправлены в другие места на восток и север без информации руководства лагеря.

Обо всех случаях побегов руководство 188-го лагеря обязательно информировало две инстанции: начальника управления НКВД СССР по делам военнопленных генерал-лейтенанта Г.П. Петрова и начальника УНКВД по Тамбовской области полковника госбезопасности А.О. Лящука. Далее известие о побегах передавали во все районные отделения НКВД и милиции, местным партийным и советским властям с целью поиска беглецов. Чаще всего их обнаруживали опергруппы или лесники. Достаточно эффективными были группы поиска, которые направлялись по заранее определенным маршрутам из числа сотрудников лагеря. Они производили тщательный опрос местного населения, руководителей хозяйств и организаций, представителей партийных и силовых ведомств. Если беглеца не удавалось найти, тогда объявлялся всесоюзный розыск и к делу подключались республиканские и всесоюзные органы НКВД, которые давали опера-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.

тивную информацию по всей стране. Обычно при побеге на военнопленных посылалась ориентировка с указанием года рождения, цвета волос, роста, одежды, обуви и головных уборов. Обязательно указывалось знание или незнание русского языка, а также других языков.

Первые попытки побегов военнопленных наблюдались уже в январе-феврале 1943 г. Они были связаны с желанием определенной части военнослужащих немецкой армии достичь своих воинских соединений и вернуться в строй. Фронт находился еще сравнительно недалеко, и такая возможность теоретически существовала, хотя трудно себе представить, как могли выжить в условиях русской зимы солдаты, привыкшие к более мягкому климату. Еще одной причиной побегов служили практически экстремальные условия содержания, массовая смертность, отсутствие качественного питания и медицинской помощи. Определенная часть военнопленных рассчитывала, что лучше умереть на воле, чем медленно гнить в землянках лагерей.

За весь 1943 г. нами обнаружено 42 попытки побега из лагеря № 188¹. Наибольшее их количество предпринималось в апреле 1943 г., что объясняется наступлением теплых дней и соблазном воспользоваться ими для возвращения в свою армию. В абсолютном большинстве побегов дело заканчивалось расстрелом или ранением при попытке перелезть через проволочные заграждения. Остальных возвращали обратно в зону. Обычно каждый такой случай, особенно если он заканчивался смертью беглеца, рассматривала внутренняя комиссия лагеря и, как правило, она всегда оправдывала действия часовых. Некоторые действия военнослужащих немецкой армии действительно можно было квалифицировать как нарушение режима содержания контингента, когда совершались попытки проникнуть через проволочные заграждения между постами. Обычно по инструкции охрана должна была предупредить сначала голосом, а затем выстрелом в воздух. Только после этого разрешалось открывать огонь на поражение. Доказать, что часовой не произвел окрика и предупредительного выстрела, было почти невозможно. События, как правило, проходили ночью, без свидетелей, и стреляли несколько раз. Да и ценность жизни врага была сравнительно невысока, поэтому руководство лагерей снисходительно относилось к действиям охраны.

¹ Общая численность всех побегов пока установлена по сохранившимся данным 188 лагеря в ГАТО, ряд побегов о которых известны по косвенным данным или не учтены в связи с отсутствием источников.

Однако имеющиеся документы проверок оставляют ощущение, что охрана лагеря использовала любую возможность, чтобы открыть огонь по военнопленным, используя их приближение к колючей проволоке ограды. Это было связано с отношением к пленным как к врагам, которых надо безжалостно уничтожать, отсутствием квалификации у охраны и серьезного контроля со стороны центральных органов НКВД. Так, 17 февраля 1943 г. в 13.00 часовой поста № 3 увидел двух военнопленных итальянской армии, направляющихся к проволочным заграждениям. Один из них, Герница Шабба, полез под проволоку с банкой из-под консервов, как отмечено в рапорте, якобы «под видом взятия снега»¹. Охранник сделал предупреждение голосом, что снег под проволокой брать нельзя, а затем – предупредительный выстрел, после чего открыл огонь на поражение и убил противника. Другой военнопленный убежал в бараки и его не нашли. Можно предположить, что пленные днем вряд ли пошли бы на прямое нарушение режима, поскольку знали условия охраны. При этом комиссия подчеркнула наличие всего необходимого в самом бараке. Однако в этот период начались проблемы с подачей воды в лагерь, так как водопровод замерз, и приходилось пользоваться снегом. Возможно, пленные, оставшиеся без нормы воды, попытались добыть ее в чистом месте, под проволочным заграждением.

Аналогичный случай произошел в ночь с 27 на 28 февраля 1943 г., когда в 4 часа утра рядовой итальянской армии Густаво Маркини был убит, приблизившись к колючей проволоке². Во второй половине 1943 г. и в последующий период такие случаи стали большой редкостью. Вероятно, получив данные о массовых убийствах пленных, центральное руководство НКВД приняло ответные меры. Последовали проверки, инструктаж с руководством лагерей и серьезные меры по усилению системы охраны, включая ограду и блокпосты. Ответственный дежурный не менее трех раз за ночь обходил периметр охраны, проверяя состояние постов, все военнопленные, после отбоя подошедшие к запретной зоне, задерживались и препровождались в комендатуру.

По национальному признаку в числе беглецов в это время упоминались венгры, итальянцы и немцы. Однако не все побеги заканчивались около территории лагеря. В теплый период года военнопленных стали часто

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

² Там же. Л. 10-12.

использовать на различных работах вне жилой зоны, прежде всего на лесоразработках. Именно отсюда, с территории Трегуляевского лесхоза 25 мая 1943 г. в 12 часов дня бежали 2 румына¹. Виновным был признан вахтер Игнатъев, отданный под трибунал. Однако большинство таких побегов заканчивалось поимкой беглецов. Из всех бежавших из лагеря до 1 января 1944 г. в бегах с 25 мая 1943 г. находился только один военнопленный – румын Виктор Дарие, который был объявлен во всесоюзный розыск².

За 1944 г. нами зафиксировано 14 побегов, большинство из которых было связано с побегом из зоны различных работ за пределами лагеря. В ряде случаев речь шла о лицах, недавно привезенных в Радинский лагерь. Большая группа военнопленных работала на различных участках Цнинстроя, организации, строящей гидротехнические сооружения на Цне для развития внутреннего судоходства. 15 ноября 1944 г. с его Горельского участка бежал немецкий солдат Франц Фаден, а 20 ноября из этой же конторы был совершен групповой побег трех немецких военнослужащих³. 22 декабря 1944 г. со строящейся плотины Цнинстроя бежали два поляка Иоан Мотыга и Франческо Яворский⁴. Они провели ночь в контрольно-пропускном пункте городского театра имени А.В. Луначарского, а затем скрылись из города. Оба побега были ликвидированы в кратчайшие сроки, и все беглецы возвращены в лагерь. Остальные побеги осуществлялись с лесозаготовок, куксовских торфоразработок, со стадиона Динамо города Тамбова. Два итальянца, Феличе Челотти и Антелето Кальцани, сбежали с работ 27 октября 1944 г. с областных парткурсов, где занимались ремонтом помещений, но были задержаны уже на следующий день⁵.

На территории Тамбовской области задерживали беглецов и из других лагерей России. 30 мая 1945 г. два поляка, которых везли из-под Кракова в восточные лагеря, сбежали с эшелона на станции Платоновка. Оба были одеты в гражданскую форму. В этот же день немец Альберт Зенгер сбежал с поезда около села Горки и до начала августа находился в бегах. Затем был обнаружен и отправлен в карцер 188-го лагеря. Еще более странная история произошла с группой, состоящей из поляка Эмиля Каза-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

² Там же. Д. 23. Л. 13.

³ Там же. Д. 22. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 63.

⁵ Там же. Л. 86.

ка и двух немцев, Рихарда Вассармана и Эвана Краузе. 4 августа 1944 г. их задержали около села Новая Ляда. Они настаивали, что бежали от Минска на попутном транспорте и дошли до Тамбовской области, что звучало неправдоподобно. Скорее всего, они бежали из лагерей соседних областей и пытались придумать более-менее правдоподобную версию своего поведения. В августе 1945 г. на территории Тамбовской области задержали двух немецких военнослужащих – Иоанна Шмица и Штапена Хормана, которые еще в июне убежали из Рязанского лагеря для военнопленных. Их долго разыскивали и обнаружили только в соседней области. Так, в январе 1946 г. из лагеря города Саратова сбежали два немецких военнослужащих. Их задержали в Тамбове и отправили в 188-й лагерь. Благоприятным побегам на время в теплый период года способствовали мещерские леса, переходящие в Цнинский лес. Он позволял определенное время находиться в глубине лесной чащи, скрываясь от людей.

В 1945 г. побегов стало больше, особенно во второй половине года. Война закончилась, и пленных потянуло на волю. Они видели, что часть спецконтингента из стран, завоеванных Германией, отправили на их Родину, а немецких военнопленных и их союзников по фашистскому блоку оставили на месте. В связи с их массовым использованием на хозяйственных работах в различных организациях, как в городе, так и в сельской местности, и ослаблением дисциплины среди охранников, осуществить побег стало проще. В январе – апреле 1945 г. побег в документах не зафиксированы, что объясняется холодным временем года и неблагоприятными погодными условиями. Начиная с мая месяца количество побегов увеличилось. Если в мае и июне соответственно предпринимались 4 и 3 побега, то в июле и августе их зафиксировано 9 и 6. Всего за 1945 г. насчитывалось 26 побегов.

Национальный состав беглецов оставался интернациональным: немцы, венгры, французы, австрийцы. В ночь с 7 на 8 апреля 1945 г. со станции Платоновка прямо из эшелона бежали два поляка, которых везли из Кракова на восток страны. 29 июля 1945 г. с птицесовхоза «Арженка» (около города Рассказово) бежали два бельгийца из Антверпена – Роберт Гоньшер и Георгий Эбергарт. На железнодорожной станции Курск был задержан немец Венделин Бейль, который 13 сентября 1945 г. бежал из лагеря № 188¹. Беглеца вернули с конвоем обратно на Раду. В это время уча-

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Л. 97.

стились побеги со стройки газопровода Саратов-Москва. Только в ночь с 28 на 29, а затем с 30 на 31 декабря 1945 г. с производственного участка около села Дмитриевка бежало 3 немецких военнослужащих.

В 1946 г. побеги становились уже редкостью. В основном это были пленные немцы и венгры, а японцы, составившие с осени 1945 г. большинство контингента, в побег не уходили. Они сохранили военную структуру своих подразделений, офицеры жили вместе с солдатами и добросовестно работали в хозяйствах области. У них имелась четкая армейская структура, командный состав и представление о необходимости выполнить порученную работу и вернуться на родину. Психология японских военнопленных в значительной мере отличалась от психологий других своих коллег по несчастью. Они считали, что Квантунская армия не сдалась в плен, а капитулировала по приказу императора, поэтому и сохраняли все атрибуты воинской дисциплины.

За побеги из лагеря грозили разные наказания: арест на несколько дней с содержанием на гауптвахте, запрет на работы за пределами лагеря, и самое суровое наказание – отправка в восточные или северные лагеря, что нередко делалось в 1943 г. Беглецов, которые оказали сопротивление во время задержания, могли расстрелять на месте, что часто практиковалось в первый год существования зоны. С 1945 г. стала широко применяться практика отправки на несколько дней на гауптвахту, а затем на срок от 1 до 3 месяцев в штрафную роту. Практически не наблюдалось ни одного случая оказания сопротивления сотрудникам лагеря при побеге или задержании, так как за это могли отдать под трибунал. В августе 1945 г. по случаю победы Красной армии над Японией большинство штрафников получило амнистию и вернулось в свои бараки.

С начала лета 1945 г. в лагерь поступали военнопленные, захваченные в последний период войны. Их эшелонами доставляли во все лагеря Советского Союза. Отлаженная система доставки и контроля НКВД позволяла делать это без больших нарушений, и состояние здоровья большинства пленных было вполне удовлетворительным. В то же время началась массовая депортация военнопленных из стран, захваченных Германией в ходе войны: французов, люксембуржцев, бельгийцев, поляков, чехов и других национальностей.

С начала 1945 г., особенно после победы над фашистской Германией, резко увеличивается число расконвоированных военнопленных разных

национальностей, которые могли самостоятельно уходить и приходить на работу. Так, 3 января 1945 г. по просьбе своего заместителя начальник лагеря разрешил двум венграм работать в зоне лагеря без конвоя на автомобиле и тракторе¹. Подобные списки составлялись постоянно, однако уже летом этого же года руководство лагеря начало жаловаться на поведение некоторых военнопленных, которые отказывались приветствовать лагерное руководство, отлынивали от работы, пытались далеко уходить от лагеря с целью обмена продуктов, табака или одежды с местным населением. Например, 22 июня 1945 г. расконвоированные Лете Бишев, Пакот Шеэ, Пуенсинион Ферман, Не Люсьен самовольно отлучились из лагеря и ушли на станцию Рада, где меняли у гражданских лиц взятые с собой табак, мыло и другие предметы. Самовольщики были задержаны, арестованы и отданы на трое суток в карцер. Расконвоированный венгр Варго Калман 17 февраля 1946 г. ушел с работы на механическом заводе Тамбова к своей даме сердца в село Лысые Горы, где и пробыл с 15.00 до 20.00, не явившись на проверку. Наказанием за такое поведение стал перевод обратно в зону лагеря под контроль охраны.

С 1946 г. командование лагеря за хорошее поведение и работу стало награждать отдельных военнопленных увольнительными. Сохранилось несколько образцов рапортов к руководству лагеря с просьбой разрешить выйти в Тамбов с целью покупок продуктов и махорки на заработанные деньги². Увольнительные давались на один день с утра до вечера. Таким образом, в последний период существования 188-го лагеря уровень дисциплины для спецконтингента был приближен к нормам советских воинских частей, режим был значительно ослаблен и становился достаточно вольным.

Таким образом, можно сделать вывод, что НКВД и советское руководство столкнулись с массовыми проблемами поступления большого количества военнопленных с конца 1942 г., а затем эта проблема периодически возникала после крупных наступательных операций Красной армии. Особую заботу пришлось проявлять режиму охраны, системе ограждения и контроля за военнопленными. Это стало актуальным уже в начале 1943 г. в связи с участвовавшими попытками побегов. Принятые меры позволили фактически к 1944 г. ликвидировать возможность побегов с

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-3.

² Там же. Д. 39. Л. 5.

основной территории 188-го лагеря. Наиболее опасными с точки зрения возможных побегов оставались «контрагентские» точки, где работали заключенные. Создать здесь такие же условия охраны, как в самом лагере, оказалось практически невозможным, и большинство побегов происходило именно с мест работы.

Если в первый год существования лагеря часть военнопленных стремились бежать в свои воинские подразделения, рассчитывая перейти линию фронта, то в последующие годы сказывалась усталость от лагерного режима неволи и желание хоть небольшое время побыть на воле. Иногда побег провоцировала охрана, не обращавшая внимания на своих подопечных, беспечно занимаясь своими делами. Чаще всего в побег пытались уйти лица, недавно поступившие в лагерь. В условиях сталинского тоталитарного режима, всеобщей подозрительности и доноительства далеко уйти военнопленным не удавалось, и абсолютное большинство таких побегов заканчивались поимкой беглецов в течение 1-3 дней. Надо признать, что только за исключением первых нескольких месяцев существования лагеря № 188, все побеги заканчивались поимкой и дисциплинарным наказанием, случаев расстрела на месте во время задержания не обнаружено. Последующие годы, особенно после окончания войны, отмечены значительным послаблением режима содержания военнопленных, соответствующего международным нормам.

А.В. ФЛОРОВСКИЙ И ЕГО НЕМЕЦКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ¹

В 1920-1930-е гг. российская эмиграция имела довольно тесные соприкосновения с немецкой культурной средой. Работы Карла Шлёгеля прекрасно показали, сколь активны были в этот период российско-немецкие интеллектуальные контакты². В Германии сосредоточилось огромное количество беженцев из России, а Берлин по праву считался одной из эмигрантских столиц. В нем стирались границы между разными политическим лагерями российской диаспоры, и происходило близкое соприкосновение советского и эмигрантского окружения. Одновременно в начале 1920-х гг. Берлин стал одним из крупнейших центров изучения России. Некоторые русские эмигранты получили работу в немецких университетах (Н.С. Арсеньев, Ф.А. Браун, М.А. Таубе, Д.И. Чижевский). Важным связующим звеном между немецкими интеллектуальными кругами и российской научной эмиграцией был профессор Отто Хётч. К тому же, он имел тесные контакты и с учеными в СССР, например с Д.Б. Рязановым и С.Ф. Платоновым. О. Хётч был сторонником укрепления связей с Россией, независимо от ее социально-политического устройства. Его журнал «Osteuropa» служил трибуной немецкой славистики, а эмигранты активно сотрудничали с ним³.

Помимо самой Германии, тесное соприкосновение немецких ученых и российских изгнанников происходило в Праге, чему способствовала многочисленность немецкой диаспоры в межвоенной Чехословакии. Некоторые эмигранты по своему происхождению принадлежали к российским

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-31-01251a2, и в рамках проекта «Войны, революции и конфликты XVIII-XX вв. в российской исторической памяти» программы Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

² См. его глубокую по содержанию и блестящую по литературной форме работу: Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя мировыми войнами (1918-1945). М., 2004.

³ См.: Schlögel K. Berlin: «Stiefmutter unter den russischen Städten» // Der grosse Exodus: Die russischen Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. München, 1994. S. 243-244; Шлёгель К. Указ. соч. С. 519-546; Бонвеч Б. Исследователь России Отто Гётч: гибкость и упорство // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. / Под ред. А. Ю. Ватлина, Т. А. Некрасовой, Т. Ю. Тимофеевой. М., 2010. С. 227-240.

немцам, в частности литературовед А.Л. Бем и историк А.А. Кизеветтер. Очень многие хорошо знали немецкий язык, кто-то еще до революции учился или стажировался в германских университетах.

В Праге действовал Немецкий Карлов университет (Karl-Ferdinands-Universität/ Německá univerzita v Praze), в числе преподавателей которого оказались отдельные русские, например евразийский лидер П.Н. Савицкий. В чехословацкой столице издавался влиятельный славистический журнал «Slavische Rundschau», на страницах которого нередко появлялись статьи эмигрантских авторов. В числе русских ученых, придававших огромное значение общению с немецкими коллегами, был профессор-историк Антоний Васильевич Флоровский (1884-1968). О нем, и о его связях с немецкой научной средой и пойдет речь в этой статье.

А.В. Флоровский родился 1(13) декабря 1884 г. на Украине в Елисаветграде. В 1894-1903 гг. он учился в Четвертой Одесской классической гимназии, а после ее окончания был зачислен в число студентов историко-филологического факультета Новороссийского университета. А.В. Флоровский увлекся научной работой, был удостоен золотой медали за студенческое сочинение о решении крестьянского вопроса Уложенной комиссией 1767-1768 гг., и в 1908 г. был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. после сдачи магистерских экзаменов он стал приват-доцентом Новороссийского университета. В 1916 г. в Москве А.В. Флоровский защитил магистерскую диссертацию «Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг.», и вскоре был удостоен звания профессора. Осенью 1922 г. по решению властей он был выслан из Советской России.

А.В. Флоровский

После недолгого пребывания в Константинополе, Софии и Белграде в сентябре – декабре 1922 г, А. В. Флоровский вместе с супругой перебрался в Чехословакию, где как раз разворачивалась «Русская акция» – программа помощи эмигрантам из России. С Прагой будет связана вся последующая жизнь историка¹. До революции, работая в Одессе, он занимался исследованием екатерининской эпохи. В чешской столице, однако, не было достаточных условий для изучения русской истории XVIII в., и поэтому А.В. Флоровский обратился к новой теме – русско-чешским отношениям, став впоследствии крупнейшим специалистом в этой области².

Жизненный мир ученого не ограничивался лишь Чехословакией и зарубежной Россией. От многих других эмигрантов его отличало энергичное стремление к интеграции в европейскую научную среду. Оставаясь глубоко русским по духу, пропагандируя русскую историю, язык и культуру за границей, в частности, читая лекции иностранным студентам, он в полной мере осознавал важность развития контактов с зарубежными коллегами, печатания своих работ на разных языках и в разных странах. На протяжении всей своей жизни на чужбине А.В. Флоровский неустанно работал в этом направлении. Документы его личного архива, особенно огромный массив корреспонденции, наглядно свидетельствуют о его коммуникативной и творческой активности. Среди них находятся материалы переписки с отдельными иностранными учеными – Ярославом Бидло, Марком Блоком, Богуславом Гавранеком, Мирославом Грохом, Рудольфом Ягодичем, Дюлой Моравчиком, Робертом Сетоном-Уотсоном, – а также с научными организациями и изданиями – журналами «Byzantinoslavica», «Slavonic and East European Review», «Zeitschrift für Slawistik», Обществом болландистов в Брюсселе, Саксонской библиотекой в Дрездене, Австрий-

¹ О жизненном пути историка см. подробнее: Биография А. В. Флоровского // *Пауто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 234-244; *Досталь М. Ю.* Историк-эмигрант А. В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // *Новый исторический вестник.* 2011. № 28. С. 80-87; *Аксенова Е. П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А. В. Флоровского) // *Вестник славянских культур.* 2009. Т. XI. № 1. С. 32-47; *Афиани В. Ю., Лантева Т. Н.* Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884-1968) // *Исторический архив.* 2013. № 3. С. 149-163; *Лантева Т. Н.* Научное наследие А. В. Флоровского (1884-1968) в Архиве РАН // *Вестник архивиста.* 2014. № 1. С. 270-287, и др.

² *Лантева Л. П.* Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 1994. № 1. С. 55-63; *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов, 2012. С. 104-106.

ским государственным архивом в Вене, Кембриджским университетом, Институтом Карнеги в Вашингтоне, Федерацией исторических обществ Восточной Европы и т.д.

Среди зарубежных коллег, с которыми А.В. Флоровский поддерживал отношения, особо следует отметить исследователей из Германии. Русский профессор, как и подобало интеллектуалу его времени, еще в юности прекрасно освоил немецкий язык, он свободно писал на нем, прекрасно ориентировался в германской научной литературе. Примечательно, что свою первую статью в зарубежном издании, появившуюся еще до эмиграции из России, А.В. Флоровский опубликовал именно по-немецки¹. Пока не удалось установить, бывал ли он в Германии до революции. Но, живя в Одессе, он, несомненно, сталкивался с представителями многочисленной немецкой диаспоры. В чехословацкий период жизни А.В. Флоровский, ввиду слабого здоровья, регулярно посещал курорты в Марианских Лазнях и Карловых Варах, которые в межвоенный период еще не утратили своего немецкого облика, и которые он, не без оснований, называл исключительно «Мариенбад» и «Карлсбад». Да и в Праге 1920-1930-х гг. немецкий компонент занимал важное место в повседневной жизни и культуре.

Уже в первые годы жизни в Чехословакии А.В. Флоровский по переписке познакомился с известным славистом Карлом Штеллиным (Karl Stählin; 1865-1939), внесшим заметный вклад в изучение российской истории в Германии. Поводом для обращения послужил выход в свет книги немецкого ученого о жившем в России в XVIII в. академике Якобе Штеллине², деятельности которого касался в своих работах и А.В. Флоровский. В марте 1926 г. русский историк послал коллеге в Берлин свою статью о Комиссии 1767 г.³ В письме он сетовал на невозможность найти его книгу в Праге и просил в случае возможности прислать ему ее⁴. Справедливости ра-

¹ *Florovskij A.* Die erst deutsche Übersetzung der Instruktion der Kaiserin Katharina II. // *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte*. Berlin, 1911. Bd. II. H. 1. S. 1-10.

² *Stählin K.* Jakob von Stählin. Ein biographischer Versuch zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1920.

³ Вероятно, А. В. Флоровский отправил К. Штеллину свою первую пражскую статью: *Флоровский А. В.* Академия наук и законодательная комиссия 1767-1774 гг. // *Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге*. Прага, 1924. Т. 1. Вып. 2. С. 103-176.

⁴ *Slovanská knihovna v Praze. Trezor.* A.V. Florovskij. T-FLOR (Далее – SK. T-FLOR). Krab. XIII. № 257. Stählin, K., Berlin. № 1 [Письмо А. В. Флоровского к К. Штеллину от 22 марта 1926 г.] В архивной описи К. Штеллин неверно назван «Куртом».

ди скажем, что общение с К. Штеллиным не было продолжительным. Оно ограничилось парой писем и не имело конкретных научных результатов. Иной пример дают контакты А.В. Флоровского с Г. Закке, развивавшиеся на протяжении 1930-х гг., и уже ставшие предметом специального и обстоятельного изучения со стороны украинского историка Анатолия Мирончука¹.

Георг Закке (Georg Sacke; 1902-1945) родился в Кишиневе в латышско-немецкой семье. После революции 1917 г. он эмигрировал в Германию. В 1921 г. Г. Закке поступил в Лейпцигский университет, где изучал философию и политическую экономию. Затем он продолжил свое образование в Немецком Карловом университете в Праге и именно там начал специально заниматься восточноевропейской историей. В 1927 г. он получил должность младшего научного сотрудника в восточноевропейском отделе Института культуры и всеобщей истории (Institut für Kultur- und Universalgeschichte), основанного в 1909 г. знаменитым Карлом Лампрехтом. Его начальником и научным наставником стал Фридрих (Федор Александрович) Браун (Friedrich Braun; 1862-1942), русский немец, воспитанник Санкт-Петербургского университета и его бывший профессор, уехавший после революции на родину предков. На рубеже 1920-1930-х гг. научные интересы Г. Закке были сфокусированы вокруг истории российского абсолютизма, в особенности его интересовала эпоха Екатерины II. Он начал писать диссертацию об Уложенной комиссии 1767-1768 гг., и именно эта работа свела его с А.В. Флоровским. Не известно, были ли они знакомы, пусть даже бегло, по Праге 1920-х гг., где Г. Закке бывал. В сохранившихся письмах немецкого историка к русскому профессору об этом не имеется никаких упоминаний. Увы, ответные послания А. В. Флоровского пока обнаружить не удалось; вопреки своей привычке, он не сохранил в своих бумагах черновых вариантов писем к Г. Закке. Это затрудняет анализ научного диалога между двумя учеными.

В апреле 1930 г. Г. Закке из Лейпцига впервые написал А.В. Флоровскому, интересуясь его суждениями по вопросу о представительском характере Уложенной комиссии². Он хорошо знал его дореволю-

¹ *Мирончук А. С.* Законодавча комісія 1767-1768 рр. в листах Г. Закке до А. Флоровського (із зібрання Архіву РАН). С. 1-33 [Електронний ресурс] // Інститут історії України Національної академії наук України [Офиц. сайт]. URL: <http://www.history.org.ua/?litera&id=9534&navStart=3> (дата обращения: 20.02.2015).

² Там же. С. 10-11.

ционные и отдельные эмигрантские работы, и ему явно импонировал его подход к изучению екатерининской Комиссии. Между тем, Г. Закке в своих изысканиях намеревался пойти дальше своего коллеги и его предшественников, желая поставить новый круг научных вопросов. Его интересовала связь Уложенной комиссии с другими политическими проектами эпохи, например с предложениями Н.И. Панина об ограничении самодержавия, которые в итоге были отклонены императрицей. Он видел в ее созыве исключительно политические мотивы и полагал, что законодательные функции были возложены на нее позднее. Г. Закке считал, что Комиссия была создана Екатериной II как ответ на аристократические претензии. Поэтому его интересовали оппозиционные настроения в среде ее членов. Он делал вывод, что императрица с опасением относилась к ним и на этом основании старалась подчинить работу Комиссии себе.

Мнение А.В. Флоровского было чрезвычайно важно для Г. Закке. В июле 1930 г. он писал русскому историку в Прагу: «Здесь в Германии страшно трудно работать, так как совершенно нет людей, с которыми можно было бы побеседовать по специальным вопросам русской истории»¹. Действительно, Г. Закке находился в определенном интеллектуальном вакууме, не имея рядом с собой коллег, которые интересовались бы теми же сюжетами, что и он. Молодой ученый не раз сетовал, что «совершенно лишен плодотворного обмена мнениями»². Тем ценнее было для него общение с русским профессором, хотя их взгляды на Уложенную комиссию и саму екатерининскую эпоху далеко не во всем совпадали.

Переписка двух историков пришлась на переломное и страшное время. В мае 1933 г. Г. Закке сообщал в Прагу: «...В виду происходящих здесь событий мне пришлось отказаться не только от моего ассистентства, но и от приват-доцентуры. Научные работники поставлены здесь в условия, при которых едва ли возможно заниматься научным трудом»³. Понимал ли А. В. Флоровский должным образом, что стоит за этими горькими словами? Услышал ли он в них крик отчаяния, немецкого интеллектуала, столкнувшегося с безжалостной нацистской машиной? Здесь следует сделать пояснение. Еще в конце 1920-х гг. Г. Закке заинтересовался марксизмом. Он с

¹ *Мирончук А. С.* Законодавча комісія 1767-1768 рр. в листах Г. Закке до А. Флоровського (із зібрання Архіву РАН). С. 17.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 22.

Георг Закке с супругой. 1943 г.

большой симпатией относился к СССР, сопереживал немецкому пролетариату, хотя сам никогда не состоял ни в каких политических партиях. Не удивительно, что нацизм вызывал у него отвращение, и он, не задумываясь, встал на путь борьбы с ним¹. Репрессии не заставили себя ждать. В апреле 1934 г. за свои марксистские убеждения Г. Закке был уволен из университета, а вскоре арестован как участник антинацистского Сопротивления и отправлен в концлагерь Заксенхаузен. Однако тогда ему повезло, и в 1935 г. он был оправдан. Ему разрешили вернуться к работе. Правда, дороги в Лейпциг для него не было. Г. Закке сумел по-

лучить скромную должность в Гамбургском международном экономическом институте (Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Institut), где должен был заниматься анализом советского народного хозяйства. Своих взглядов он не изменил и по-прежнему сотрудничал с антинацистским подпольем. Очевидно, что ввиду пережитых Г. Закке гонений его переписка с А.В. Флоровским в 1933 г. оборвалась на несколько лет.

Лишь в январе 1941 г. Г. Закке вновь написал русскому историку и сообщил ему о долгожданном выходе книги про Уложенную комиссию². Свое послание он закончил следующими словами: «Надеюсь, что события последних лет не отразились на Вашем положении»³. За этой лаконичной фразой скрывалась трагедия всей Европы, свидетелями и участниками ко-

¹ *Hölzer V.* Georg und Rosemarie Sacke: zwei Leipziger Intellektuelle und Antifaschisten. Leipzig, 2004.

² *Sacke G.* Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Rußland. Breslau, 1940.

³ *Мирончук А.* Указ. соч. С. 26.

торой стали оба ученых. А. В. Флоровский любезно ответил коллеге. И хотя их научные выводы во многом расходились, можно с полной уверенностью говорить о серьезном влиянии А.В. Флоровского на Г. Закке. В марте 1941 г. он признался в письме к русскому профессору: «Без Ваших исследований мне никогда не удалось бы написать своей работы. Я очень рад, что при Вашем содействии мне удалось использовать не только Ваши общеизвестные работы, но и статьи, опубликованные в различных зарубежных изданиях. Именно поэтому меня очень интересует Ваша оценка моей книги. Как лучший знаток исследуемого мною вопроса Вы не ограничитесь общей характеристикой моих взглядов, но и подвергнете детальной критике мою аргументацию»¹.

Увы, мы так и не знаем, смог ли А.В. Флоровский познакомиться с книгой Г. Закке, сумел ли прочесть ее. В августе 1941 г. в Прагу пришло новое письмо из Гамбурга. В нем немецкий историк интересовался работой Г.В. Вернадского о Государственной уставной грамоте Российской империи 1820 г. и жаловался на нехватку времени для исторических исследований. Г. Закке в это время задумывался над изучением русского дворянства XVIII-XIX вв. и политических идей в его среде. Он строил планы новых исследований, но судьба распорядилась иначе. Августовское письмо А.В. Флоровскому 1941 г. оказалось последним. 15 августа 1944 г. Г. Закке и его жена были арестованы. Их направили в концлагерь Фульсбюттель, а затем перевели в Нойенгамм. В самом конце войны всех заключенных решено было эвакуировать. Те, кто еще стоял на ногах, должны были двигаться пешком в Любек. Ослабевших и не способных больше идти заключенных эсэсовцы расстреливали по дороге. Во время этого «Марша смерти» 26 апреля 1945 г. Г. Закке был убит². Знал ли А.В. Флоровский о том, как сложилась судьба его коллеги? К несчастью, имеющиеся архивные документы ничего не говорят об этом.

По какой-то жестокой иронии, в годы Второй мировой войны, жертвой которой оказался талантливый немецкий славист, было положено начало тесному научному общению А.В. Флоровского с профессором

¹ МIRONЧУК А. Указ. соч. С. 27.

² Имеются и другие сведения о дате его трагической гибели – 25 или 27 апреля. См.: Geyer D. Georg Sacke // Deutsche Historiker. Göttingen, 1973. Bd. 3. S. 603; M. U. Kämpfte an der Seite der Arbeiter gegen Faschismus: Vor 40 Jahren starb der Antifaschist Dr. Georg Sacke an den Folgen unmenschlicher Haft // Karl-Marx-Universität. 1985. 3 Mai. S. 2.

Э. Винтер. 1940-е гг.

Э. Винтером, чей жизненный путь является полной противоположностью трагической судьбе Г. Закке, и чей моральный облик по сей день вызывает много вопросов.

Эдуард Винтер (Eduard Winter, 1896-1982) занимает видное место в немецкой историографии XX в. Он родился на севере Чехии в городе Гротау (ныне – Градек над Нисоу) в семье сапожника. Буквально со школьной скамьи Э. Винтер ушел добровольцем на Первую мировую войну. Но на фронте пробыл недолго, был демобилизован и вскоре поступил на богословский факультет университета Инсбрука. Там он в 1919 г.

принял сан католического священника. Свое образование Э. Винтер завершил уже в Немецком Карловом университете в Праге, получив в 1921 г. докторскую степень. С этим учебным заведением будет связана его работа на протяжении многих лет. После поездки в Рим в 1926-1927 гг. он вернулся в Чехословакию и получил там место профессора христианской философии. На 1930-е гг. пришелся перелом в мировоззрении Э. Винтера, связанный как с драматическими событиями в Европе, так и с собственными поисками смысла жизни. В результате пережитых разочарований историк охладел к религии. В 1940 г. он женился, и в его семье родился ребенок. Ученый подал прошение на освобождение от духовного сана. Разразился большой скандал, и Э. Винтер был отлучен от церкви. Тогда же произошел поворот и в его научных интересах: от богословия и философии в сторону европейской интеллектуальной истории. В частности, он заинтересовался иосифизмом, политикой австрийского императора Иосифа II, направленной на реформирование католической церкви и подчинение ее светским властям.

В годы Второй мировой войны Э. Винтер жил в Праге. Ему нужно было приспособливаться к новым политическим условиям. Вопрос о его членстве в НСДАП по сей день остается открытым. Но доподлинно известно, что он был членом Судето-немецкой партии (Sudetendeutsche

Partei). Правда, после Второй мировой войны ученый будет отрицать свое участие в каком-либо из политических объединений¹. Осенью 1941 г. Э. Винтер получил должность профессора европейской интеллектуальной истории на философском факультете университета. В своих научных трудах он все более усиливал критику Рима, а в политическом плане демонстрировал полную лояльность нацистам. Свидетельством конформизма является тот факт, что он принимал участие в работе Фонда Рейнхарда Гейдриха (Reinhard-Heydrich-Stiftung) и возглавлял в нем Отделение Восточно-Европейской интеллектуальной истории (Osteuropäische Geistesgeschichte). Этот фонд был основан 25 июля 1942 г. и назван в честь имперского протектора Богемии и Моравии Р. Гейдриха, убитого за 2 месяца до этого чешскими патриотами. Фонд ставил своей задачей изучение этнических, культурных, политических и экономических связей между Богемией и Моравией и народами Восточной и Юго-Восточной Европы. Фонд состоял из 8 отделений, каждое из которых имело свою научную тематику, и изначально находился под контролем со стороны СС². Есть косвенные указания на то, что сам Э. Винтер состоял в СС и одновременно работал на службу безопасности СД³.

Именно в годы Второй мировой войны началось общение между ним и А.В. Флоровским. Во всяком случае, первое послание немецкого ученого к русскому коллеге датируется 19 апреля 1940 г.⁴ Рискнем предположить, что Э. Винтера интересовали не только исследования самого А.В. Флоровского, который в тот момент занимался историей иезуитов в России, но и научным наследием Е. Ф. Шмурло, признанного знатока русско-итальянских связей, одного из первооткрывателей ватиканских архивов, скончавшегося в Чехословакии в 1934 г. Этот ученый был основателем Русского исторического общества в Праге и первым его главой. В 1937 г. эту научную организацию возглавил А.В. Флоровский; на правах

¹ *Němec J.* Eduard Winter v německém dějepisectví v protektorátu: Biografická studie o kariéře, přízpůsobení a politické podřízenosti historiografie. Disertační práce. Brno, 2007. S. 107.

² См.: *Wiedemann A.* Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag (1942-1945). Dresden, 2000.

³ *Waibel H.* Diener vieler Herren: Ehemalige NS-Funktionäre in der SBZ/DDR. Frankfurt am Main, 2011. S. 373

⁴ SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 1 [Письмо Э. Винтера к А. В. Флоровскому от 19 апреля 1940 г.]

председателя он получил ее архив, а вместе с ним – некоторые бумаги и книги покойного предшественника¹. В 1924 г. Е. Ф. Шмурло приехал в Прагу из Италии не с пустыми руками, а привез огромное количество копий архивных документов, а также выписок, рукописей и заметок. После смерти ученого часть его бумаг попала в Русский заграничный исторический архив, но вот другая часть оставалась в составе архива Русского исторического общества и, таким образом, попала в руки А. В. Флоровского. Могли ли эти материалы, содержащие важные сведения по истории католической церкви, привлечь внимание Э. Винтера? Хотя подтверждений этой гипотезе нет, но она кажется вполне вероятной. В начале 1940-х гг. немецкий профессор как раз завершал работу над книгой о борьбе католических и православных начал на Украине².

О жизни и деятельности самого А.В. Флоровского в период Второй мировой войны известно крайне мало. Сам он не любил вспоминать о нем, особенно после принятия в 1946 г. советского гражданства. Известно, что еще в 1940 г. А.В. Флоровский пытался получить работу в США при участии Толстовского фонда³. Однако ожидания успехом не увенчались, за океан выехать не удалось, и всю войну профессор вместе со своей женой провел в Праге. Во время войны А.В. Флоровский остался без постоянного места работы, поскольку власти протектората закрыли все чешские высшие школы, включая Карлов университет. Однако он по-прежнему продолжал получать установленное Министерством образования и народного просвещения пособие, которого, в принципе, хватало на все необходимые расходы.

Судя по имеющимся данным, притеснений со стороны властей протектората он не испытывал, но и симпатий нацистам не выказывал, в пропагандистских акциях, в отличие от немалого числа своих коллег, не участвовал. Порой складывается впечатление, что А. В. Флоровский не заметил Вторую мировую войну. В огромном архиве ученого невозможно найти ни одного его упоминания о переживаемых исторических событиях, ни одной их оценки, и даже косвенного намека на нее. Правда, нужно

¹ Ковалев М. В. Русское историческое общество в Праге (1925-1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 152; Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264 [Журнал заседания Правления Русского исторического общества 14 ноября 1940 г. в помещении «Русского очага»]. Л. 11.

² Winter E. Byzanz und Rom im Kampf um die Ukraine 955-1939. Leipzig, 1942.

³ См.: Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940-1950). М., 2010. С. 65, 67.

иметь в виду, что после Второй мировой войны историк мог нужным ему образом отсортировать свои бумаги и избавиться от всего, что могло хоть как-то его компрометировать. Приведем лишь один факт.

В январе 1936 г. на заседании Русской академической группы в Чехословакии А. В. Флоровский защищал докторскую диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.)». Его официальными оппонентами выступали П.Н. Милуков, В.А. Францев и чешский профессор Ярослав Бидло¹. Помимо них были назначены и два неофициальных оппонента – знаменитый чешский историк Йозеф Шуста и профессор Немецкого Карлова университета Йозеф Пфитцнер. Упоминание о последнем из ученых удалось обнаружить лишь в небольшой справке в личном деле А.В. Флоровского в Архиве Карлова университета². И если в бумагах русского историка, ныне хранящихся в Праге и Москве, имеется немало свидетельств о его общении с П.Н. Милуковым, В.А. Францевым, Я. Бидло и Й. Шустой³, то имя Й. Пфитцнера нельзя встретить нигде. Чтобы понять мотивы, по которым А.В. Флоровский имел все резоны забыть немецкого профессора, нужно обратиться к биографии этого ученого⁴.

Йозеф Пфитцнер (Josef Pfitzner, 1901-1945) родился в семье силезского сапожника. После окончания гимназии в Опаве, он поступил в Немецкий Карлов университет в Праге, где и начал свою научную карьеру.

¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228 [Удостоверение Русской академической группы в Чехословакии о присуждении ученой степени доктора русской истории, 4 января 1936 г.]. Л. 165. Л. 1-2; Archiv Univerzity Karlovy. F. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. Inv. č. 206 [Profesorskému sboru filosofické fakulty Univerzity Karlovy].

² Ibid [Návrh, aby Dr. Ant. Florovskij byl jmenován smluvním profesorem, 19. března 1936].

³ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 59 [Письмо А. В. Флоровского к П. Н. Милукову от 9 мая 1936 г.] Л. 1-4; Там же. Д. 313 [Письмо П. Н. Милукова к А. В. Флоровскому от 12 мая 1936 г.] Л. 1; Там же. Д. 137 [Письма Я. Бидло к А. В. Флоровскому, 1931-1936]. Л. 1-11; Там же. Д. 465 [Письма В. А. Францева к А. В. Флоровскому, 1927-1941]. Л. 1-23; Там же. Д. 495 [Письма Й. Шусты к А. В. Флоровскому, 1934-1939]. Л. 1-4; SK. T-FLOR. Krab. XVII. № 2. V. A. Florovská – J. Bidlovi. № 1 [Письмо В. А. Флоровской к Я. Бидло, январь 1936 г.]; Ibid. Krab. X. № 282. Šusta, Josef, Praha. № 1-3 [Переписка Й. Шусты с А. В. Флоровским, 1942]; Ibid. Krab. III. № 58. Francev, Vladimir Andrejevič, Praha. № 1 [Письмо В. А. Францева, 1927]; Ibid. Krab. VI. № 162. Miljukov, Pavel Nikolajevič, Praha. № 1 [Письмо П. Н. Милукова, 1936]; Ibid. Krab. XLII. Ruská historická společnost v Praze. Korespondence. № 18-19 [Письма А. В. Флоровского к П. Н. Милукову, 1938].

⁴ См. подробнее: *Mišková A. Prameny k životu a dílu sudetoněmeckého historika a politika. Praha, 2011.*

Йозеф Пфитцнер. 1940-е гг.

В 1930 г. он стал профессором кафедры восточноевропейской истории. Й. Пфитцнер поддерживал тесные связи с чешскими историками, особенно с Йозефом Пекаржем и Йозефом Шустой.

В середине 1930-х гг. в жизни ученого произошел резкий поворот: он вступил в Судетонемецкую партию (Sudetendeutsche Partei) Конрада Генлейна¹. Ему историк посвятил свою насквозь идеологизированную книгу о борьбе судетских немцев за общегерманское единство². С чешскими историками Й. Пфитцнер оконча-

тельно разошелся в январе 1937 г., когда в партийной газете он опубликовал статью, пытаясь в ней показать антисемитские убеждения и пронацистские взгляды Й. Пекаржа.

Впрочем, политическая карьера историка стремительно шла в гору. В 1938 г. он был избран членом Городского совета Праги (Zastupitelstvo hlavního města Prahy), а в марте 1939 г., уже после создания Протектората Богемии и Моравии и торжественного приезда А. Гитлера в его столицу, назначен заместителем мэра города. На этом посту он повел беспрецедентную борьбу с чешским и еврейским культурным наследием Праги, желая придать городу исключительно немецкий дух. Своими действиями Й. Пфитцнер снискал себе славу мракобеса и фанатичного нациста³.

¹ Klee E. Das Personenlexikon zum Dritten Reich. Wer war was vor und nach 1945. Frankfurt am Main, 2005. S. 459.

² Pfitzner J. Sudetendeutsche Einheitsbewegung : Werden und Erfüllung. Karlsbad, 1937.

³ Šustek V. Bemühungen um die Germanisierung Prags während der NS-Okkupation. Aus den Berichten des Stellvertretenden Primators Josef Pfitzner // Geteilt, besetzt, beherrscht. Die Tschechoslowakei 1938 – 1945: Reichsgau Sudetenland, Protektorat Böhmen und Mähren, Slowakei / Hrsg. M. Glettler. Essen, 2004. S. 53-66; Brandes D., Mišková A. Vom Osteuropa-Lehrstuhl ins Prager Rathaus: Josef Pfitzner 1901-1945. Praha, 2013.

В мае 1945 г. при попытке бегства он был арестован американцами и передан чешским полицейским. На допросах Й. Пфитцнер пытался всеми силами дистанцироваться от СС и уверял, что действовал исключительно по принуждению. Народный суд признал его военным преступником и приговорил к смертной казни. 6 сентября 1945 г. бывший профессор и одновременно штандартенфюрер СА был публично повешен на Судебной площади (ныне – Площадь Героев) в районе Панкрац при огромном стечении народа. Таким образом, у А.В. Флоровского могли быть все основания для того, чтобы после войны вымести всякие упоминания о своих контактах, пусть даже сугубо деловых и мимолетных, с Й. Пфитцнером.

Но вернемся к Э. Винтеру. Его переписка с А.В. Флоровским, действительно, позволяет немного приоткрыть неизвестные страницы жизни русского историка в годы войны. Немецкий профессор его работы хорошо знал и ценил. Вероятно, именно поэтому он обратился к нему с предложением о научном сотрудничестве. Э. Винтер, как уже говорилось, проявлял большой интерес к европейской истории XVIII в., то есть, к тому периоду, которым А. В. Флоровский занимался еще до революции. В 1943 г. под редакцией немецкого ученого в Брно начала выходить серия «Исследования и документы по истории идей и убеждений Центральной и Восточной Европы». В его планы, в частности, входило издание донесений немецких посланников при петербургском дворе в XVIII в. С предложением об участии в этом проекте он в декабре 1943 г. и обратился к А.В. Флоровскому. При этом Э. Винтер обещал историку оплату через фонд Р. Гейдриха в размере 200 рейхсмарок ежемесячно. А.В. Флоровский был тронут предложением: «Наша одновременная работа над одним и тем же материалом и одними и теми же вопросами естественно подсказывает соединение и согласование наших усилий для их исследований – и я нахожу своим научным долгом ради экономии нашего времени и нашей энергии предоставить себя в Ваше распоряжение для организации наиболее целесообразной совместной разработки интересующих нас материалов»¹. Однако от ежемесячной оплаты отказался, предложив получать гонорар по итогам конкретно выполненной работы: «И устно, и в письме к Вам я с полной ясностью подтверждаю, что я отнюдь не отказываюсь от сотрудничества с Вами и

¹ SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 6 [Письмо А.В. Флоровского к Э. Винтеру от 18 февраля 1944 г.].

рад ему, мой отказ касается лишь денег, которые я не считаю возможным принять. И это потому, что 1) я не считаю для себя возможным получать деньги иначе, как только за реальную работу, 2) до июня сего года я занят был иной работой <...> и в 3) я не мог пойти на получение ежемесячного оклада без опасения, что эта регулярность, соответствующая регулярной службе, могла бы угрожать лишением меня получаемого мною еще с 1939 г. содержания от Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения], которое между тем в основном обеспечивает мое нынешнее существование...»¹

Компромисс, видимо, был достигнут, и в конце июля 1944 г. А.В. Флоровский заявил, что готов с осени приступить к совместной работе². К сожалению, никаких свидетельств и практических результатов участия А.В. Флоровского в проекте немецкого профессора пока обнаружить не удалось. Архивные бумаги русского историка и в Праге, и в Москве хранят молчание. Однако сам Э. Винтер все же подготовил книгу об австро-венгерских посланниках в Санкт-Петербурге³. В конце 1944 г., согласно сохранившимся архивным документам, переписка А.В. Флоровского с Э. Винтером на долгие годы обрывается, чтобы возобновиться лишь в 1957 г.

Послевоенные годы стали переломными в судьбе Э. Винтера. В июле 1945 г. он был уволен из университета и выехал в Австрию, где работал в 1946-1947 гг. В это время Э. Винтер сделал резкий и неожиданный поворот в сторону социалистического интернационализма. Он вернулся в Германию, где в 1947 г. получил кафедру восточноевропейской истории в Университете Галле-Виттенберга. Уже на следующий год Э. Винтер был избран ректором и пробыл им до 1951 г. Затем он переехал в Берлин, где вплоть до выхода на пенсию в 1966 г. работал профессором в Университете имени А. Гумбольдта.

Э. Винтер активно поддерживал власти ГДР и довольно быстро сделал себе новую академическую карьеру. Причем уже никто не вспоминал о его сотрудничестве с нацистами в годы войны. Напротив, он стал примером перековки старых научных кадров на социалистический лад. В 1955 г. Э. Винтер был избран академиком Немецкой академии наук в Берлине

¹ SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 7 [Письмо А. В. Флоровского к Э. Винтеру от 18 июля 1944 г.].

² Ibid. № 9 [Письмо А. В. Флоровского к Э. Винтеру от 30 июля 1944 г.].

³ *Winter E. Der Panslawismus nach den Berichten der österreichisch-ungarischen Botschafter in St. Petersburg. Prag, 1944.*

(Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin), а на следующий год был удостоен Государственной премии ГДР (Nationalpreis der DDR). Ученый сосредоточил в своих руках различные академические должности и превратился в официального лидера исторической науки ГДР. В 1950-1960-е гг. он возглавлял Институт истории народов СССР (Institut für Geschichte der Völker der UdSSR), в 1955-1959 гг. – Отдел истории в Институте славистики, в 1956-1959 гг. – Отдел истории славянских народов в Институте истории (Institut für Geschichte). Именно Э. Винтер инициировал создание Отдела германо-славянских научных связей (Abteilung Geschichte der Wissenschaft und der Wissenschaftlichen Beziehungen – besonders der Deutsch -Slawischen; затем – Arbeitsstelle für Geschichte der Deutsch-Slawischen Wissenschaftsbeziehungen) и возглавлял его в 1961-1965 гг.

Послевоенные годы оказались поворотными и в судьбе А.В. Флоровского. В декабре 1946 г. он принял советское гражданство, оставшись, правда, жить в Праге. В июле 1948 г. он получил должность ординарного профессора Карлова университета¹. В 1955 г. по новым правилам аттестации научных кадров защитил диссертацию о чешско-русских торговых связях на соискание степени доктора исторических наук. В послевоенные годы А.В. Флоровский старался активно интегрироваться в мировую науку. Складывается впечатление, что он делал это даже с большим рвением и упорством, чем в 1920-1930-е гг. Например, он установил очень тесные контакты с советскими учеными (П.Н. Берков, С.С. Дмитриев, А.А. Зимин, Л.П. Лаптева, В.И. Малышев, В.Т. Пашуто, В.В. Похлебкин, Е.П. Подъяпольская и др.) и даже в 1960-е гг. посещал СССР, побывав в Минске, Москве и Ленинграде, публиковал там свои работы².

В послевоенные годы А.В. Флоровский открыл для себя новую научную тему, связанную с изучением эпохи Петра Великого и особенно с историей русско-австрийских отношений в первой четверти XVIII в. Этот научный поворот станет важным мотивом на пути возобновления и расши-

¹ Archiv Univerzity Karlovy. F. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. Inv. č. 206 [Osobní služební výkaz].

² См., например: *Ковалев М. В., Лаптева Т. Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...». Из переписки А. В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А. А. Зиминим и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66-87; *Галчева Т. Н., Ковалев М. В.* «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским (1956-1967) // Славянский альманах. 2014. Кн. 1-2. С. 84-99.

рения связей с немецкими учеными. Их исследования в огромной мере интересовали ученого. К историографии он всегда проявлял большой интерес, но в данной ситуации она была особенно важна для него в силу огромного числа работ по истории международных отношений и внешней политики, написанных в Германии. Помимо того, необходимо было ознакомиться с большим количеством источников на немецком языке.

Одним из способов интеграции в европейскую науку для А.В. Флоровского были публикации в международных изданиях. Значительная часть его писем к немецким коллегам как раз посвящена этому вопросу. Переписка с Э. Винтером не была здесь исключением. А.В. Флоровский прекрасно осознавал авторитет ученого и его обширные связи и поэтому обращался к нему с просьбой о печатании работ в ГДР, например в журнале «*Zeitschrift für Slawistik*»¹.

Интересно, что в 1950-1960-е гг. Э. Винтер, как и А.В. Флоровский, налаживал отношения с советскими учеными. Среди них было немало их общих знакомых. Так, в переписке часто появляются имена П. Н. Беркова, А.А. Зимина, Б.Б. Кафенгауза. В СССР Э. Винтера считали едва ли не ведущим историком ГДР, его работы переводятся на русский язык². При всех противоречиях своей личности, политических метаморфозах на протяжении всей жизни, Э. Винтер, бесспорно, был крупным ученым, который оставил после себя богатое научное наследие и воспитал немало учеников, с которыми А.В. Флоровский также контактировал.

Одним из них был Хуберт Мор (Hubert Mohr, 1914-2011), которого роднило с учителем католическое прошлое. Еще в молодости, в 1934 г., Х. Мор стал членом католического общества апостольской жизни, основанного Святым Викентием Паллотти (паллотинцы). В 1935-1941 гг. он изучал теологию в Университете Мюнстера. Оттуда в 1941 г. Х. Мор был призван в армию в качестве санитаря и отправлен на Восточный фронт. В 1944 г. он дезертировал и сдался в плен. В СССР он примкнул к Национальному комитету «Свободная Германия» (Nationalkomitee Freies Deutschland (NKFD)) и активно участвовал в его работе. В 1949 г. Х. Мор вернулся на Родину. Теперь уже

¹ SK. T-FLOR. Krb. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 21 [Письмо Э. Винтера к А. В. Флоровскому от 23 июня 1959 г.]; Ibid. № 26 [Письмо А. В. Флоровского к Э. Винтеру от 23 мая 1960 г.], и др.

² *Винтер Э.* Папство и царизм. М., 1964; *Он же.* Политика Ватикана в отношении СССР. 1917-1968. М., 1977.

в ГДР. В том же году он был отлучен от церкви. В 1950-1957 гг. Х. Мор работал научным сотрудником Центрального Немецкого педагогического института в Восточном Берлине (Deutschen Pädagogischen Zentralinstitut), кроме того, преподавал в Высшей педагогической школе Потсдама (Pädagogischen Hochschule Potsdam), с 1961 г. занимал там должность профессора. Х. Мор был членом Президиума Общества историков ГДР (Historiker-Gesellschaft der DDR). О его лояльности к властям ГДР свидетельствует то, что с 1959 г. он был секретным сотрудником Министерства государственной безопасности

Х. Мор. 1930-е гг.

ГДР – Штази (Ministerium für Staatssicherheit – Stasi)¹. Х. Мор выступал за активное сотрудничество с советскими учеными и, в частности, переводил на немецкий язык работы А. Я. Гуревича и И. Р. Григулевича. На протяжении всей жизни он занимался, преимущественно, средневековой историей и историей католической церкви.

Конрад Грау (Conrad Grau, 1932-2000) принадлежал к более младшему поколению учеников Э. Винтера. Он родился в Магдебурге, а детство провел в маленьких городках Лобурге и Цербсте. В 1952-1956 гг. К. Грау учился в университете имени А. Гумбольдта в Берлине и выбрал в качестве специализации историю русско-немецких научных связей в XVIII в. В 1960 г. он защитил кандидатскую диссертацию о биографии В.Н. Татищева, а уже через шесть лет получил степень доктора за работу о научной и культурной жизни петровской России в контексте развития русско-немецких связей². Его работы отличало привлечение широкого круга источников, в том числе архивных, доселе не известных исследователям. Начиная с 1970-х гг., научные интересы К. Грау простирались уже

¹ См.: *Mertens L.* Das Lexikon der DDR-Historiker. München, 2006. S. 432.

² *Shippan M.* Der Wissenschaftshistoriker Conrad Grau (1932-2000) // *Neues Osteuropa*. 2011. № 2. S. 26.

вплоть до XX в. В своих исследованиях он пытался понять особенности государственных и частных интересов в развитии научного знания. В 1972 г. Академия наук ГДР назначила К. Грау ответственным за подготовку «Истории Академии» в связи с ее грядущим 275-летьем¹. К. Грау старался наладить регулярное общение с коллегами из разных стран, в том числе из СССР. Благодаря этому, его известность выходила далеко за пределы и Германии, и Европы.

Почтовое общение А.В. Флоровского с Х. Мором и К. Грау не было интенсивным и имело место уже на закате жизни русского историка. Оно было связано с подготовкой учениками Э. Винтера юбилейного сборника в честь 70-летия своего учителя. К участию в нем они хотели пригласить ведущих мировых ученых. Живший в Праге русский профессор, по их мнению, непременно должен был быть в числе авторов². Приглашение А.В. Флоровского хорошо свидетельствует о том, какое уважение оказывали ему ученики Э. Винтера и немецкая наука в их лице.

Однако не стоит думать, что в 1950-1960-е гг. живший в социалистической Чехословакии А. В. Флоровский общался только с историками из ГДР. Его научные связи простирались далеко за пределы Восточного блока, и контакты с учеными из ФРГ также были для него чрезвычайно важны. В переписке с ганноверским историком Вальтером Медигером (Walther Mediger) он обсуждал мекленбургский вопрос XVIII в.³, общался с Музеем герцога Антона Ульриха в Брауншвейге (Herzog Anton Ulrich-Museum) по вопросу прижизненных портретов Петра Великого⁴, интересовался возможностью сотрудничества с мюнхенским издательством «Эйдос» (Eidos Verlag)⁵, спрашивал у работавшего в Западном Берлине

¹ Hoffmann P., Küttler W. Conrad Grau als Osteuropahistoriker // Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin. 2008. Bd. 9. S. 26-27.

² SK. T-FLOR. Krab. IV. № 68. Grau, Conrad, Berlin. № 2 [Письмо К. Грау к А. В. Флоровскому от 30 декабря 1964 г.]; Ibid. № 3 [Письмо К. Грау к А. В. Флоровскому от 26 января 1965 г.]; Ibid. Krab. XLVIII. Korespondence přijatá, adresovaná A.V. Florovskému: – instituce. № 7. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin [Письмо Х. Мора к А. В. Флоровскому, 1966 г.]; Ibid. Krab. XIII. № 52. Institut für Geschichte der Völker der UdSSR. № 1 [Письмо Х. Мора от 20 февраля 1967 г.].

³ Ibid. Krab. VII. № 173. Mediger, Walter, Hannover. № 1-6 [Переписка А. В. Флоровского и В. Медигера, 1962 – 1964].

⁴ Ibid. Krab. XII. № 40. Herzog Anton Ulrich-Museum, Braunschweig. № 1-3 [Переписка с Музеем герцога Антона Ульриха, 1963 г.].

⁵ Ibid. № 27. Eidos Verlag, Mnichov. № 1-4 [Переписка с издательством «Эйдос», 1964-1966 гг.].

Макса Фасмера про публикации в журнале «Zeitschrift für Slavische Philologie»¹ и т.д.

И вновь, как в переписке с ученым из ГДР, возникал вопрос о публикации новых научных работ. В этом плане можно обратить внимание на обращение А.В. Флоровского к Д. Герхардту, у которого он осведомлялся о подготовке юбилейного сборника в честь Д.И. Чижевского.

Дитрих Курт Герхардт (Dietrich Kurt Gerhardt, 1911-2011) родился в семье известного немецкого зоолога, видимо, поэтому интерес к науке проявился у него еще в детстве. Правда, в отличие от отца, он избрал для себя гуманитарную стезю. Д. Герхардт поступил в Университет Галле, где изучал германистику и сравнительное языкознание. Решающее значение для молодого ученого имело знакомство с русско-украинским философом и литературове-

Д. Герхардт. 2003 г.

дом Д.И. Чижевским, который в 1932 г. приступил к чтению лекций в Галлее. Под его руководством Д. Герхардт защитил в 1939 г. диссертацию о художественной специфике творчества Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. В 1946 г. он возглавил Славянский семинар в Эрлангене, а в 1948 г. получил должность профессора в Мюнстере. С 1959 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1976 г. он возглавлял кафедру славистики в Гамбургском университете. Д. Герхардт стал одним из инициаторов создания Института истории немецких евреев (Institut für die Geschichte der deutschen Juden). За свои научные заслуги он был избран членом Гамбургской академии наук (Akademie der Wissenschaften in Hamburg).

¹ SK. T-FLOR. Krab. X. № 301. Vasmer, Max, Berlin. № 1 [Письмо М. Фасмера к А. В. Флоровскому от 17 октября 1950 г.].

Фигура Дмитрия Ивановича Чижевского (1894-1977) связала Д. Герхардта и А.В. Флоровского. Оба эмигрантских ученых были выходцами с Украины, однако познакомились уже в Праге. Есть основания полагать, что пути их пересеклись в Русском историческом обществе в середине 1920-х гг.¹ В дальнейшем ученые переписывались, обсуждали научные проблемы, обменивались информацией². А.В. Флоровский с большим уважением относился к трудам своего коллеги, неоднократно цитировал их. Поэтому когда от своего брата Г.В. Флоровского он узнал о готовящемся под редакцией Д. Герхардта сборнике в честь 70-летия Д.И. Чижевского, то непременно решил стать одним из авторов. В июле 1963 г. А.В. Флоровский написал в Гамбург: «Я хотел бы принять участие в этом ученом подарке давнего моего знакомого. Поэтому решаюсь прямо послать Вам рукопись моей небольшой статьи. Был бы рад увидеть ее на страницах сборника»³. Он предложил интересную по сюжету статью о связях Петра Великого с Эфиопией, которая затем была опубликована⁴.

Обмен научной информацией был одним из важных побудительных мотивов обращения А.В. Флоровского к коллегам из Западной Германии. Примечательна в этом плане его переписка с геттингенским профессором Рейнхардом Виттрамом (Reinhard Wittram, 1902-1973), который был не менее сложной и противоречивой фигурой, чем уже упоминавшийся Э. Винтер.

Р. Виттрам, прибалтийский немец, родился в Риге, когда она еще была в составе Российской империи. Там же начал свою учебу, а затем завершил образование в Йене и Тюбингене. Защитив докторскую диссертацию под руководством Йоханнеса Галлера, он возвратился на Родину. С 1928 г. Р. Виттрам работал в Гердер-Институте в Риге (Das Herder-Institut Riga), высшей школе для немецкого национального меньшинства в Латвии. Он занимался изучением истории Прибалтики, преимущественно в

¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 484 [Письмо Д. И. Чижевского к А. В. Флоровскому от 17 октября 1925 г.]. Л. 1.

² Сохранились письма Д. И. Чижевского к А. В. Флоровскому, охватывающие 1925-1957 гг.: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 484 [Письма Д. И. Чижевского к А. В. Флоровскому, 17 октября 1925 – 16 июля 1957 гг.]. Л. 1-17. К сожалению, автор статьи пока лишен возможности изучить архив Д. И. Чижевского и выяснить, сохранились ли в нем письма от А. В. Флоровского.

³ SK. T-FLOR. Krab. IV. № 62. Gerhardt, Dietrich, Hamburg. № 1 [Письмо А. В. Флоровского к Д. Герхардту от 8 июля 1963 г.].

⁴ Флоровский А. В. Петр Великий и Эфиопия. Историческая справка // Orbis pictus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70 Geburtstag. München, 1966. S. 211-220.

Новое время, уделяя особое внимание прошлому немецкой диаспоры. Р. Виттрам опубликовал ряд научных трудов, которые получили благожелательный отклик среди коллег. Его авторитет рос, и в 1938 г. он был назначен профессором восточноевропейской истории.

Ученый восторженно встретил приход к власти в Германии нацистов, выражал им всяческую поддержку в своих выступлениях и статьях, говорил о необходимости перестройки исторической науки в национал-социалистическом духе. После присоединения Латвии к СССР Р. Виттрам покинул Ригу. В 1940-1941 гг. он работал в Университете Инсбрука, пока не получил новое назначение, безусловно связанное с его лояльностью нацистам. В 1941 г. Р. Виттрам был переведен профессором в только что открытый немецкий университет в польском городе Познань (Reichsuniversität Posen), переименованном новыми властями в Позен. Там он в июне 1941 г. вступил в ряды НСДАП. Р. Виттрам стал одним из главных проводников нацистской политики в области науки на оккупированных территориях¹.

В 1945 г., опасаясь расправы, он бежал в Геттинген, где уже на следующий год получил работу в университете. В 1955 г. Р. Виттрам возглавил кафедру восточноевропейской истории и проработал на ней вплоть до своей отставки в 1970 г. В отличие от многих коллег по науке, Р. Виттрам не скрывал своего прошлого. Напротив, он радикально переосмыслил его. Свое поведение в годы войны он считал «консервативным заблуждением», навеянным национально-идеалистическими взглядами и «ориентацией на миф об империи»². Профессор открыто говорил о вине и необходимости ответственности и покаяния.

Если в довоенный период научные интересы Р. Виттрама были связаны, преимущественно, с историей Прибалтики, то после 1945 г. он живо интересовался российской историей, чему в большой степени

¹ См.: Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten. Göttingen, 2000. S. 302; Bialkowski B. Reinhard Wittram an der «Reichsuniversität Posen». Die Illusion einer baltischen Variante des Nationalsozialismus // Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. M. Garleff. Köln, 2008. Bd. 2. S. 353-384; Eadem. Reichsstiftung für deutsche Ostforschung in Posen // Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen / Hrsg. I. Haar, M. Fahlbusch. München, 2008. S. 556-562.

² Laxy B. Reinhard Wittram // Biographisch-Bibliographische Kirchenlexikon. Nordhausen, 2005. Bd. 25. S. 1534-1535.

способствовало превосходное знание русского языка. Профессора занимало прошлое российско-немецких связей во время Отто фон Бисмарка, но особенно – петровская эпоха. Ей он посвятил большой цикл книг и статей. Именно эти работы привлекли внимание жившего в Праге А. В. Флоровского, и он решил установить контакты со своим геттингенским коллегой.

Отношения двух историков носили сугубо деловой характер, они не были регулярными, что хорошо показывает динамика переписки и малочисленность сохранившихся посланий вообще. Однако стремление А.В. Флоровского к общению с Р. Виттрамом показательно. Для него не существовало научной границы между ГДР и ФРГ, он в равной степени пытался наладить связи с коллегами из обеих Германий. Р. Виттрам был для него прежде всего автором высококвалифицированных работ о петровской эпохе, а его прошлое, равно как его нынешний статус, профессора не интересовали. Само обращение к коллеге из ФРГ и просьба прислать новейшие работы наглядно демонстрирует определенный информационный голод. А. В. Флоровский жаловался, что не может найти в чехословацких библиотеках нужные ему книги и статьи. Ограничения на покупку валюты, о чем историк прямо говорил в одном из писем, не давали ему возможности самостоятельно приобретать иностранные издания за пределами Чехословакии¹. Впрочем, они же так и не позволили ему выехать за пределы социалистического лагеря для работы в архивах и библиотеках, о чем историк безуспешно мечтал многие годы.

Показательно, что и в переписке с Э. Винтером А. В. Флоровский жаловался на вынужденные ограничения своей мобильности. Например, ему отказали в поездке в Берлин на международную конференцию «Немецко-русские научные связи во второй половине XVIII века» в мае 1960 г.: «Здесь государственные органы отказали мне в поездке в Берлин, несмотря на то, что у меня была виза, проставленная консульским отделом посольства ГДР, разрешающая выезд из Чехословацкой Республики. Я должен был подчиниться данному распоряжению, поскольку я не являюсь гражданином Чехословацкой Республики, и я не получил рекомендаций от Чехословацкой академии наук или от какого-либо научного

¹ SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 318. Wittram, Reinhard, Göttingen. № 1 [Письмо А. В. Флоровского к Р. Виттраму от 4 декабря 1959 г.].

института, так как я нахожусь на пенсии. Мое участие в научной конференции было моим личным желанием, которое было отклонено в силу данных обстоятельств»¹.

Тему научных путешествий А.В. Флоровский затрагивал в переписке с гейдельбергским профессором Гельмутом Нойбауэром (Helmut Neubauer; 1925-2001), который в 1964 г. возглавил Отдел восточноевропейской истории в университете (Arbeitsstelle für Osteuropäische Geschichte)². Они познакомились в Праге в октябре 1965 г., куда немецкий ученый приезжал в командировку. Тогда же он предложил своему русскому коллеге приехать в Гейдельберг в качестве приглашенного профессора. Он хотел, чтобы А.В. Флоровский в летнем семестре 1966 г. прочел месячный курс лекций (по два часа в неделю). В своем письме Г. Нойбауэр сообщал, что его идею с восторгом встретили профессора Георг Штадтмюллер (Georg Stadtmüller; 1909-1985) из Мюнхена и Дитрих Гейер (Dietrich Geyer; род. 1928) из Тюбингена³, которые выразили желание видеть А.В. Флоровского в качестве гостя и докладчика на своих семинарах⁴. Сам русский историк, несмотря на свой возраст и проблемы со здоровьем, тут же дал согласие: столь велико было его желание выехать за пределы Чехословакии. Казалось, что многолетняя мечта наконец-то осуществится: «Я готов совершить поездку в Зап[адную] Германию для прочтения нескольких лекций и у вас в Гейдельберге, и в иных университетах. Думаю, что наиболее подходящим временем для поездки была бы весна 1966 г., т.е. апрель – май месяцы. Буду ждать от Вас указаний и решений»⁵. В январе 1966 г. Г. Нойбауэр обговаривал в письме обстоятельства приезда А.В. Флоровского в Гейдельберг, а затем в Тюбинген и Мюнхен, и в качестве оптимальной даты называл вторую половину мая⁶.

¹ SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 26 [Письмо А. В. Флоровского к Э. Винтеру от 23 мая 1960 г.].

² Drüll D. Heidelberger Gelehrtenlexikon. 1933-1986. Heidelberg, 2009. S. 439.

³ Примечательно, что Д. Гейер был одним из первых биографов Г. Закке – того самого историка-антифашиста, с которым А. В. Флоровский переписывался в 1930-1940-е гг., и который трагически погиб в самом конце войны. См.: Geyer D. Georg Sacke // Deutsche Historiker. Göttingen, 1973. Bd. 3. S. 603-615.

⁴ SK. T-FLOR. Krab. VII. № 181. Neubauer, Helmut, Heidelberg. № 1 [Письмо Г. Нойбауэра к А. В. Флоровскому от 23 ноября 1965 г.].

⁵ Ibid. № 2 [Черновик письма А. В. Флоровского к Г. Нойбауэру от 23 ноября 1965 г.].

⁶ Ibid. № 3 [Письмо Г. Нойбауэра к А. В. Флоровскому от 20 января 1966 г.].

В апреле он просил русского историка подтвердить его приезд согласно ранее обговоренной программе¹. Однако обстоятельства складывались не в пользу задуманного: А.В. Флоровский ответил коллеге, что из-за внезапной болезни жены не сможет покинуть Прагу в мае, но что он готов перенести свой приезд на осенний семестр и побывать в Гейдельберге в сентябре-октябре².

Г. Нойбауэр был явно расстроен. Он согласился с идеей переноса лекций на осень, назвав оптимальной датой вторую половину ноября, и предложил вернуться к обсуждению деталей поездки в августе или сентябре³. Но писем больше не было. Сведений о дальнейших контактах А.В. Флоровского с Г. Нойбауэром в архивах обнаружить не удалось.

В Западную Германию русский профессор так и не поехал. Не думаю, что причина была лишь в стремительно слабеющем здоровье историка и его супруги. Да, ему было уже больше 80-ти лет, и он был уже не так энергичен и подвижен. Однако профессор в августе 1967 г. вместе с женой совершил путешествие в СССР на празднование 450-летия Франциска Скорины в Минске, а оттуда ездил в Ленинград. Поэтому я не склонен верить, что отказ от поездки в ФРГ, о которой А. В. Флоровский так много мечтал, мог быть связан исключительно с плохим самочувствием. Не исключено, что путешествие выглядело нежелательным в глазах чехословацких властей, и они всячески старались ему воспрепятствовать⁴. Впрочем, вопрос еще нуждается в тщательном прояснении.

А.В. Флоровский скончался 27 марта 1968 г. и был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге, ставшем последним приютом для многих его соотечественников. Архив ученого после его смерти по не выясненной до сих пор причине оказался разделен: часть его была отправлена в Москву в Архив АН СССР (ныне – Архив РАН), а другая поступила в Славян-

¹ SK. T-FLOR. Křab. VII. № 4 [Письмо Г. Нойбауэра к А. В. Флоровскому от 13 апреля 1966 г.].

² Ibid. № 5 [Черновик письма А. В. Флоровского к Г. Нойбауэру от 15 апреля 1966 г.].

³ Ibid. № 6 [Письмо Г. Нойбауэра к А. В. Флоровскому от 18 мая 1966 г.].

⁴ По свидетельству моих чешских коллег старшего поколения, отказ в обмене валюты под предлогом ее острой нехватки в банке часто служил для воспрепятствования поездки за границу неблагонадежных, с точки зрения властей, лиц. При этом официально такое путешествие никто не запрещал, но реально без валюты его невозможно было осуществить. Благодарю за эти сведения докторов Отокара Хулеца и Зденека Полачека.

скую библиотеку в Праге¹. Именно в этой, второй, части отложились наибольшие материалы о международных связях А.В. Флоровского, в том числе и с немецкими историками. Безусловно, они еще не раз привлекут внимание исследователей.

Публикуемые избранные фрагменты переписки А.В. Флоровского с немецкими учеными открывают новые страницы из прошлого российско-немецких интеллектуальных связей, исторической науки русской эмиграции, в том числе и биографии одного из ее ярчайших представителей. Полагаю, что они лишь наметят многие проблемы, которые предстоит решить в последующих специальных исследованиях. Фигура самого А.В. Флоровского, особенно его общественные взгляды, формы коммуникаций с коллегами, отношение к переживаемым историческим событиям и т.д., ставит для исследователей немало непростых вопросов. Достаточно обратить внимание на то, с какой легкостью он находил общий язык с носителями самых разных политических взглядов: от убежденного марксиста Г. Закке до фанатичного нациста Й. Пфитцнера. При этом ни в одном из писем мы не найдем даже малейшего намека на то, к какому лагерю принадлежал сам историк, каким силам он симпатизировал. Почему он, высланный из Советской России в 1922 г., сравнительно легко нашел свое место в межвоенной Праге, спокойно пережил немецкую оккупацию, беспрепятственно получил советское гражданство и затем вполне благополучно устроился в социалистической Чехословакии? Складывается впечатление, что для А.В. Флоровского текущей политики вообще не существовало. Но можно ли считать, что его общественный конформизм был не чем иным, как выбором в пользу чистой науки? В этом еще предстоит разобраться, и переписка ученого с его немецкими коллегами должна внести свой вклад. Впрочем, хватит пока вопросов.

Все публикуемые письма хранятся в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге в уже не раз упомянутом личном фонде А. В. Флоровского. Письма на немецком языке переведены на русский, при этом сделана попытка максимально сохранить их стилистику.

¹ Ковалев М. В. Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М., 2013. С. 131-138.

Э. Винтер – А. В. Флоровскому, 27.01.1944

17.12.1943.

III

Телефон 407-86

Брюккенгассе 15¹.

Проф[ессор] А. Флоровский
Прага

Многоуважаемый доктор Флоровский!

В разговоре в университетской библиотеке Вы вызвались помочь с изданием важнейших докладов посланников Германской империи в Петербурге и Москве за 1700-1800 годы, которые должны появиться в «Исследованиях и документах по истории идей и убеждений Центральной и Восточной Европы»².

Я обратился к руководству Фонда Рейнхарда Гейдриха, чтобы они предоставляли Вам с 15.12.1943 года ежемесячную плату за исследование в размере 200 рейхсмарок. Прошу Вас сообщить мне, когда Вы будете в Праге: 13 или 14.1[.1944], чтобы встретиться с Вами и обсудить подробности общего труда.

С наилучшими пожеланиями в выходные и в Новом году!

Ваш

профессор Э. Винтер

27.1.1944

Так как до сегодняшнего дня не последовало ответа на вышеупомянутое письмо, смею предположить, что Вы не получили письмо от 17.12.1943. Могу ли я просить Вас позже изложить Вашу позицию.

Ваш профессор Э. Винтер

<Подпись>

¹ Brückengasse – немецкое название пражской Мостецкой улицы (Mostecká ulice) на Малой Стране.

² Имеется в виду издание «Prager Studien und Dokumente zur Geistes- und Gesinnungsgeschichte Ostmitteleuropas», выходившее 1943-1945 гг. Всего было опубликовано три выпуска (два первых – в Брно, последний – в Лейпциге).

<Печать>¹

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 2.
Машинопись. Перевод с немецкого.

А.В. Флоровский – Э. Винтеру, 18.02.1944

В те несколько минут, что мы могли побеседовать с Вами 18.ІІ[.1944], я не успел сказать Вам всего того, что хотел, или выразился недостаточно ясно и законченно. Позволяю себе теперь изложить это письменно.

1. Я очень тронут Вашим вниманием ко мне и моей работе и Вашей заботой об ее облегчении и чувствую себя глубоко обязанным Вам.

2. Наша одновременная работа над одним и тем же материалом и одними и теми же вопросами естественно подсказывает соединение и согласование наших усилий для их исследований – и я нахожу своим научным долгом ради экономии нашего времени и нашей энергии предоставить себя в Ваше распоряжение для организации наиболее целесообразной <совместной>² разработки интересующих нас материалов.

3. Когда обстоятельства и время и Ваши соображения позволят мне войти более конкретно в рамки <Вашего науч[ного]>³ плана, можно будет урегулировать в той или иной форме материальную сторону дела. Ее я сейчас представлял бы себе в форме гонорирования отдельных частей моей работы по мере их завершения и сдачи. Получение ежемесячной помощи без соответствующей систематической обязательной работы для меня было бы неудобно и <по состоянию моего здоровья>⁴.

Простите великодушно за беспокойство.

<18.ІІ.[19]44>⁵

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 6.
Черновик. Машинопись с рукописными вставками.

¹ Круглая гербовая печать с надписью по кругу: «Семинар восточноевропейской истории Немецкого Карлова университета в Праге».

² Рукописная вставка.

³ Рукописная вставка.

⁴ Рукописная вставка.

⁵ Рукописная вставка.

Э. Винтер – А. В. Флоровскому, 23.06.1959

<НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Отделение истории науки и научных связей>¹

<23.6.[19]59>²

<БЕРЛИН В 8>³

Ляйпцигерштрассе⁴ 3-4

ТЕЛЕФОН: 22 04 41, КВ. 257

<ПОМЕТКА:>⁵ <Проф. др. Ви[нтер]/Г.>⁶

<В ответном письме указано>⁷

X<1047>⁸/59

Профессор А. В. Флоровский

<Прага XIX

Пр[оспект] югославских партизан 17>⁹

Многоуважаемый коллега!

Благодарю Вас за помощь в организационных делах в связи с уходом доктора Тетцнера¹⁰. Охотно Вам помогу, отправлю в печать Ваш бесспорно основополагающий труд о Петре Великом¹¹. Вы уже связались с про-

¹ Типографская печать на бланке.

² Штамп синими чернилами.

³ Типографская печать на бланке.

⁴ Leipziger Strasse – улица в берлинском районе Митте, существующая с конца XVII в. После разрушений во время Второй мировой войны была сильно перестроена.

⁵ Типографская печать на бланке.

⁶ Машинописная вставка.

⁷ Типографская печать на бланке.

⁸ Рукописная вставка.

⁹ Адрес написан по-чешски.

¹⁰ Тетцнер Иоахим (Tetzner Joachim) – немецкий историк, автор исследования о Г. В. Лудольфе, составителе первой грамматики русского языка (См.: Tetzner J. H. W. Ludolf und Rußland. Berlin, 1955).

¹¹ Речь идет о статье: Florovskij A. Zu einigen russischen Drucken in deutscher Sprache aus der Zeit Peters I // Zeitschrift für Slawistik. 1960. Bd. V. H. 1. S. 212-223.

фессором Кафенгаузом¹ (Москва, Волхонка, 14, Институт истории при Академии наук СССР)? Он большой любитель и превосходный знаток данной темы, насколько я могу представить себе широту его замыслов. Он Вам поможет.

Ваша статья в «Журнале славистики» будет оплачена, правда немного в меньшем размере, чем указано в постановлении.

С сердечным приветом

Ваш

<Э. Винтер>²

<Банковский счет: № 11 03 333
Немецкий эмиссионный банк³,
Берлин В8, Бехренштрассе⁴
Чековый счет при почтовом
отделении: Берлин 24 00>⁵

Адрес для телеграмм:
Академия наук в Берлине
Телетайп (телекс): 1486

Телефонист:
20 15 63
20 15 64

*SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 21.
Машинопись на официальном бланке. Перевод с немецкого.*

¹ Кафенгауз Бернгард Борисович (1894-1969) – советский историк. Выпускник Московского университета. Ученик М. М. Богословского и Ю. В. Готье. С 1936 г. работал в МГУ. Автор многочисленных работ по социально-экономической истории России XVIII в., истории общественной мысли, внешней и внутренней политики Петра Великого. В Праге сохранились материалы небольшой переписки А. В. Флоровского с Б. Б. Кафенгаузом. См.: SK. T-FLOR. Krab. V. № 103. Kafengauz, Berngard Borisovič, Moskva, 1959. № 1.

² Подпись.

³ Немецкий эмиссионный банк (Deutsche Notenbank) – единственный банк в ГДР, осуществлявший эмиссию наличных денег. Основан 20 июля 1948 г. Головной офис находился в Берлине. В январе 1968 г. переименован в Государственный банк ГДР (Staatsbank der DDR).

⁴ Behrenstrasse – улица в берлинском районе Митте, существующая с конца XVII в. Назван в честь архитектора Иоганна Генриха Бехра (Johann Heinrich Behr; 1647-1717), спланировавшего застройку района. Сильно пострадала во время Второй мировой войны.

⁵ Типографская печать на бланке.

А.В. Флоровский – Р. Виттраму, 4.12.1959 г.

Глубокоуважаемый коллега,

Обращаюсь к Вам по-русски в уверенности, что это Вас не затруднит.

И обращаюсь к Вам как к ученому, работающему в области истории России эпохи Петра Великого. Этой эпохой занимаюсь и я, в частности особенно изучаю русско-австрийские отношения при Петре I. Я знаю кое-какие Ваши статьи – именно в [«]Нахрихтен[»] Геттингенской Академии наук¹ и в [«]Ярбюхер фюр Гешихте Остейропас[»]². Однако мне совершенно недоступны иные Ваши публикации в здешних ученых библиотеках их нет, а купить их невозможно из-за валютных ограничений! Поэтому я обращаюсь к Вам с усердной просьбой – если окажется для Вас возможным – не отказать предоставить мне эти недостающие мне работы – Вашу книгу о Петре Великом³, Вашу статью о Петре I и Ливонии в сборнике в честь Ротфельса⁴ и др. Со своей стороны готов прислать Вам все, что Вас интересует из здешних изданий.

Работая в одной и той же области, мы естественно должны протянуть друг другу руки хотя бы и через все препоны расстояния!

Простите великодушно за беспокойство.

<С глубоким уважением
А[нтоний] Ф[лоровский]>⁵

<4.XII.1959>⁶

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 318. Wittram, Reinhard, Göttingen. № 1.

Машинопись с рукописными вставками.

¹ А. В. Флоровский имеет в виду серию статей Р. Виттрама на петровскую тематику: *Wittram R. Eine Göttinger Lobrede auf Peter den Grossen aus dem Jahre 1750 // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil.-hist. 1951. № 1. S. 1-6; Eadem. Patkul und der Ausbruch des Nordischen Krieges. Nebst einem Nachtrag zur Göttinger Lobrede auf Peter den Grossen // Ibid. 1952. № 9. S. 201-233; Eadem. Zur Beurteilung J. R. von Patkuls // Ibid. 1954. № 4. S. 99-122; Eadem. Peter der Grossen Interesse an Asien // Ibid. 1957. № 1. S. 1-25.*

² *Wittram R. Peter des Grossen erste Reise in den Westen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1955. Bd. 3. H. 4. S. 373-403.*

³ *Wittram R. Peter der Große. Der Eintritt Rußlands in die Neuzeit. Berlin 1954.*

⁴ Имеется в виду статья в юбилейном сборнике в честь национал-консервативного немецкого историка Ханса Ротфельса: *Wittram R. Peter der Große und Livland. Zur Kernfrage des Nordischen Krieges // Deutschland und Europa. Historische Studien zur Völker- und Staatenordnung des Abendlandes. Festschrift für Hans Rothfels / Hg. W. Conze. Düsseldorf, 1951. S. 233-269.*

⁵ Приписка от руки.

⁶ Приписка от руки.

Р. Виттрам – А. В. Флоровскому, 20.12.1959

<ДР. РЕЙНХАРД ВИТТРАМ

Профессор восточноевропейской
истории в Университете Гёттингена>⁴

<ГЁТТИНГЕН>¹ <20.XII.59>²

<Кеплерштрассе 11>³

<Проф. Др. Виттрам • Гёттинген • Кеплерштрассе 11>⁵

Многоуважаемый коллега.

Покорнейше благодарю Вас за Ваше любезное письмо (4.XII.[19]59). С удовольствием я читал Ваши статьи 1955 г.: «Из истории торговой политики Петра Великого»⁶ и «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого»⁷, которые обе у меня на руке. Охотно пошлю Вам на днях свои работы: «Петр Великий» (1954 г.) и «Отношение Петра Великого к религии и церкви»⁸. При этом покорнейше прошу Вас учесть, что мои исследования с тех пор как моя книга вышла, шли дальше, и что я сейчас, занятый новыми изысканиями по этим вопросам, дал бы многим страницам иной вид.

И я придерживаюсь Вашего убеждения, что нам необходимо насколько возможно делиться научными сведениями и таким образом помогать друг другу.

С искренним приветом и почтением.

Р. Виттрам⁹

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 318. Wittram, Reinhard, Göttingen. № 2.

Рукопись на именном бланке.

¹ Типографская печать на бланке.

² Приписка от руки.

³ Типографская печать на бланке.

⁴ Типографская печать на бланке.

⁵ Бумажная наклейка, текст напечатан типографским способом.

⁶ Флоровский А. В. Из истории торговой политики Петра Великого. Отзвуки распоряжений 1714 г. в Средней Европе // Pražská universita Moskevské universitě. Praha, 1955. S. 74-93.

⁷ Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.

⁸ Wittram R. Peters des Grossen Verhältnis zur Religion und den Kirchen: Glaube, Vernunft, Leidenschaft // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 173. S. 261-296.

⁹ Сам Р. Виттрам писал свою фамилию по-русски с одной буквой «т».

Э. Винтер – А. В. Флоровскому, 25.02.1960

<НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Отделение истории науки и научных связей>¹

<25.2.[19]60>²

<БЕРЛИН В 1

ЛЯЙПЦИГЕРШТРАССЕ 3-4

ТЕЛЕФОН: 22 04 41, КВ. 257

ПОМЕТКА:>³ <Проф. др. Ви[нтер]/Г.>⁴

<В ответном письме указано>⁵

<441>⁶</60>⁷

Профессор А.В. Флоровский

<Прага XIX

Пр[оспект] югославских партизан 17>⁸

Уважаемый коллега!

Благодарю за Ваше письмо от 12.2.1960 года⁹. Я готов выбрать одну работу для серии «Источники и исследования истории Восточной Евро-

¹ Типографская печать на бланке.

² Штамп синими чернилами.

³ Типографская печать на бланке.

⁴ Машинописная вставка.

⁵ Типографская печать на бланке.

⁶ Рукописная вставка.

⁷ Машинописная вставка.

⁸ Адрес написан по-чешски.

⁹ В архиве А. В. Флоровского сохранился черновик этого послания на чешском языке. Правда черновой характер письма не позволяет опубликовать его в полном объеме – слишком много в нем зачеркиваний, исправлений, сокращений. Но общее содержание послания, тем не менее, понятно. А. В. Флоровский предлагает Э. Винтеру свои статьи для публикации – «Русская миссия графа С. Кинского в 1721-1722 гг.» и «Проекты изменения торговли между Россией и Австрией в начала XVIII столетия». Он сообщает, что обе работы подготовлены на русском языке, но он готов перевести их на немецкий (SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 23 [Черновик письма А. В. Флоровского к Э. Винтеру от 12 февраля 1960 г.]).

пы»¹. Поэтому я бы охотно просмотрел эти работы. Однако я еще не знаю, можно ли будет ее отправить в печать уже в 1961 году, так как от нашего небольшого коллектива разрешается издавать только 4 работы в год. А также, по моим сведениям, уже несколько работ, имеющих, несомненно, положительный международный отклик, имеют все шансы на публикацию. Я все же попробую.

Как ранее оговаривалось, я высылаю Вам в приложении приглашение на нашу конференцию, которая состоится с 24 по 28 мая 1960 года

«Немецко-русские научные связи во второй половине XVIII века».

В приложенном циркулярном письме Вы найдете предполагаемую программу конференции.

Все тот же, преданный Вам

<Э. Винтер>²

(Академик Э. Винтер)

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 24.

Машинопись на официальном бланке. Перевод с немецкого.

А.В. Флоровский – Э. Винтеру, 23.05.1960

Прага, 23 мая 1960.

Многоуважаемый коллега!

До последнего дня надеялся, что мне удастся принять участие в Берлинской конференции, которая вызывала у меня большой интерес. В последний момент, появились обстоятельства, которые помешали моему участию, и которые от меня не зависели. Здешние государственные органы, отказали мне в поездке в Берлин, несмотря на то, что у меня была виза, предоставленная консульским отделом посольства ГДР, разрешающая выезд из Чехословацкой Республики. Я должен был подчиниться данному распоряжению, поскольку я не являюсь гражданином Чехословацкой Республики, и

¹ «Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas» – научная серия, издаваемая в Берлине.

² Подпись.

я не получил рекомендаций от Чехословацкой академии наук или от какого-либо научного института, так как я нахожусь на пенсии. Мое участие в научной конференции было моим личным желанием, которое было отклонено в силу данных обстоятельств. Думаю, ко мне отнесутся с пониманием.

Я буду Вам очень благодарен, если вы передадите дружеский привет и наилучшие пожелания нашим коллегам из СССР. В особенности П.Н. Беркову¹, Б.Б. Кафенгаузу и А.А. Зимину², с которыми я охотно хотел встретиться.

Желаю, чтобы конференция прошла успешно, а также желаю Вам личных успехов.

Преданный Вам

P.S.: Я уже прочитал корректуру своей статьи («Журнал славистики»³), жду ее скорой публикации⁴. Может ли моя статья «Петр Великий и чешская культура» быть интересна для данного журнала?

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 26.

Машинопись, без подписи. Перевод с немецкого.

¹ Берков Павел Наумович (1896-1969) – советский литературовед и историк литературы, член-корреспондент АН СССР. Выпускник Венского университета. С 1923 г. жил в СССР. В 1920-е гг. преподавал язык и литературу в школах, одновременно работал в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена и в Ленинградском государственном университете. С 1933 г. и до конца жизни работал в Институте русской литературы (Пушкинском Доме). В 1938-1939 гг. подвергался репрессиям. После Великой Отечественной войны стал ведущим специалистом по истории русской литературы XVIII в. См.: *Лихачев Д. С.* П. Н. Берков – ученый и человек // *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 3-20; Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове, 1896-1969: Из истории российской науки / Отв. ред. *Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина.* М., 2005. А. В. Флоровский был знаком с П. Н. Берковым. В его пражском архиве сохранилась обширная переписка с ленинградским коллегой (SK. T-FLOR. Krab. II. № 16. Berkov, Pavel Naumovič, Leningrad. 1958-1967. № 1-88).

² Зимин Александр Александрович (1920-1980) – выдающийся советский историк. Учился в МГУ в 1938-1941 гг. В эвакуации в годы войны окончил Среднеазиатский университет. С 1947 г. работал в Институте истории АН СССР и Московском государственном историко-архивном институте. Автор фундаментальных исследований по истории русского средневековья. А. А. Зимин и А. В. Флоровский активно переписывались в течение 10 лет (SK. T-FLOR. Krab. XI. № 327. Zimin, Aleksandr Aleksandrovič, Moskva, 1957-1967. № 1-31). См. также: *Ковалев М. В., Лантева Т. Н.* Указ. соч. С. 66-87.

³ Имеется в виду «Zeitschrift für Slawistik», основанный в 1956 г. как международный журнал славянских исследований.

⁴ Речь идет о статье: *Florovskij A.* Zu einigen russischen Drucken in deutscher Sprache aus der Zeit Peters I // *Zeitschrift für Slawistik.* 1960. Bd. V. H. 2. S. 212-223.

Э. Винтер – А. В. Флоровскому, 13.06.1960

**<НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

Отделение истории науки и научных связей
– в особенности немецко-славянских научных связей->¹

<13.6.[19]60>²

<БЕРЛИН В 1
ЛЯЙПЦИГЕРШТРАССЕ 3-4
ТЕЛЕФОН: 22 04 41, КВ. 257
ПОМЕТКА:>³ <Проф. др. Ви[нтер]/Г.>⁴
<В ответном письме указано>⁵
<1658>⁶/60>⁷

Профессор А. В. Флоровский

<Прага XIX

Пр[оспект] югославских партизан 17>⁸

Многоуважаемый коллега!

Очень жаль, что Вы не смогли приехать на нашу конференцию, Ваше присутствие было бы бесценно для нас. Мы получили Ваше письмо 1.6.[19]60, поэтому я не смог передать Ваш привет. Коллега Берков, к сожалению, не смог прийти.

Я охотно подал Вашу статью «Петр Великий и чешская культура» в «Журнал славистики». Но, не могу поручиться за то, что она будет одобрена для печати⁹.

Сердечный привет
Ваш <Э. Винтер>¹⁰

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 27.
Машинопись на официальном бланке. Перевод с немецкого.

¹ Типографская печать на бланке.

² Штамп синими чернилами.

³ Типографская печать на бланке.

⁴ Машинописная вставка.

⁵ Типографская печать на бланке.

⁶ Рукописная вставка.

⁷ Машинописная вставка.

⁸ Адрес написан по-чешски.

⁹ В конечном счете статья будет опубликована: *Florovskij A. Peter I. und die tschechische Kultur // Zeitschrift für Slawistik. 1962. Bd. VII. H. 4. S. 537-555.*

¹⁰ Подпись.

Р. Виттрам – А. В. Флоровскому, 12.07.1960

Проф[ессор] Др. Р. Виттрам

Гёттинген, 12.7.1960

Кеплерштрассе, 11^{>1}

Многоуважаемый коллега,

Ваше любезное письмо от 8 мая уже долго у меня на руках². Извините меня, что я Вам до сих пор не ответил. Лекции и всякого рода дела совершенно меня поглощали, к тому же я был нездоров. Сердечно благодарю Вас за пересылку Ваших интереснейших статей и заметок. К сожалению, я еще не успел в библиотеке отыскать тех книг, которые мне необходимы для выяснения Ваших вопросов. Пока могу только вкратце сказать, что по всей вероятности Манифест Петра 1704 г. в Лифляндии не вышел и отпечатан лишь за границей, едва ли по приказу Петра, в [«]Europäische Fama[»] 39 T[heil]. 1705, стр. 341³ – Права на место среди князей Св[ященной] Римской империи Петр обладанием Лифляндией не приобрел, потому что с 16 века Лифляндия не входила больше в состав империи. – Надеюсь, что в августе/сентябре я успею более подробно исследовать этот вопрос; годящиеся сведения, если натолкнусь на них, я охотно Вам сообщу.

С почтеннейшим приветом

Ваш Р. А. Виттрам

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 318. Wittram, Reinhard, Göttingen. № 4.

Рукопись с машинописной вставкой.

¹ Напечатано на пишущей машинке.

² Черновой вариант письма сохранился в архиве А. В. Флоровского (SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 318. Wittram, Reinhard, Göttingen. № 3 [Черновик письма А. В. Флоровского к Р. Виттраму от 8 мая 1960 г.]). Из него следует, что русский профессор интересуется у немецкого коллеги статусом Лифляндии в начале XVIII в. Предельно схематичный характер черновика не дает возможности опубликовать его в полном объеме.

³ «Europäische Fama» – одна из первых немецких газет, издававшаяся в 1702-1733 гг. в Лейпциге. Конкретно имеется в виду: Europäische Fama, welche den gegenwärtigen zustand... 1705. № 39.

А.В. Флоровский – Д. Герхардту, 8.07.1963

Уважаемый коллега!

От моего брата проф[ессора] Г. Флоровского¹ (Гарвард – Кембридж) и проф[ессора] И. Вашицы² я узнал, что под Вашим руководством собирается материал для сборника в честь проф[ессора] Д. И. Чижевского³ ко дню его семидесятилетия. Я хотел бы принять участие в этом ученом подарке давнего моего знакомого. Поэтому решаюсь прямо послать Вам рукопись моей небольшой статьи. Был бы рад увидеть ее на страницах сборника. Если бы это оказалось почему-либо невозможным, будьте добры рукопись мне вернуть.

Простите великодушно за беспокойство.

С глубоким уважением,

<8.VII.[19]63>⁴

SK. T-FLOR. Krab. IV. № 62. Gerhardt, Dietrich, Hamburg. № 1.

Машинопись с рукописной вставкой, без подписи.

¹ Флоровский Георгий Васильевич (1893-1979) – русский теолог, философ, брат А.В. Флоровского. Выпускник Императорского Новороссийского университета в Одессе. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Болгарии, затем перебрался в Чехословакию. Преподавал на Русском юридическом факультете в Праге. В Праге же защитил магистерскую диссертацию о философии А.И. Герцена. Был в числе основателей евразийского движения, но затем отошел от него. С 1926 г. жил в Париже, где преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте. В 1948 г. переехал в США. Преподавал в Свято-Владимирской духовной семинарии, в Гарвардском и Принстонском университетах.

² Вашица Йозеф (Josef Vašica; 1884-1968) – чешский теолог, историк литературы, библеист. Учился в университетах Оломоуца и Вены. В 1906 г. рукоположен в священники. В 1919-1937 гг. преподавал в Оломоуцком университете. В 1937 г. переехал в Прагу, где преподавал на богословском факультете Карлова университета. Был членом Пражского лингвистического кружка. Член Чешской академии наук и искусств (Česká akademie věd a umění). В 1950 г. на волне большевизации высшей школы был отправлен в отставку. Автор работа о старославянской письменности и литературе, чешской литературе эпохи барокко. См.: Profesor Josef Vašica: jeho život, vztahy k rodině a k rodnému kraji: sborník k 110. výročí jeho narození / Uspořádal V. Neuwirth. Olomouc, 1994.

³ Чижевский Дмитрий Иванович (1894-1977) – украинский и русский историк философии и общественной мысли. Учился в университетах Петербурга, Киева, Гейдельберга и Фрайбурга. Среди учителей были Н. О. Лосский, К. Ясперс, Э. Гуссерль. В 1924-1945 гг. жил в Праге, в 1945-1949 гг. – в Мюнхене. Преподавал в Гарварде в 1949-1956 гг. С 1956 г. и до конца жизни был профессором Гейдельбергского университета. Автор работ по истории философии, в том числе о Г. Гегеле и гегельянстве, культуре украинского барокко, русской литературе. См.: *Надъярных Н.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005; *Янцен В. В.* Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. М., 2008.

⁴ Приписка от руки.

Д. Герхардт – А. В. Флоровскому, 15.07.1963

Славянский семинар
(Профессор Д. Герхардт)

2 Гамбург 13, фон-Мелле-Парк V
15.VII.1963

Многоуважаемый коллега,

Мы чрезвычайно признательны Вашему брату и Вам – не менее, за то, что мы неожиданно получили спонтанную заявку на участие в нашем памятном издании. Также я очень благодарен Вам за рукопись, которую я и в самом деле получил сегодня, и которую следует незамедлительно перенаправить в Гейдельберг. Я уверен, что Ваш трактат отлично впишется в действительно универсальное памятное издание. Я и сам с огромным интересом прочитал о том, что Вы выяснили по поводу взаимоотношений Петра [Великого] с Эфиопией. Поскольку Клингенхебен¹ считается, пожалуй, единственным немецким экспертом узкой специализации в статусе почетного профессора нашего факультета в Гамбурге, он тем более сможет оценить результаты Вашего труда.

Откорректированный вариант Вы получите позже непосредственно из издательства. Еще раз благодарю Вас, с совершенным почтением
преданный Вам

<Герхардт>²

SK. T-FLOR. Krab. IV. № 62. Gerhardt, Dietrich, Hamburg. № 2.
Машинопись. Перевод с немецкого.

¹ Клингенхебен Август (August Klengenheben; 1886-1967) – крупнейший немецкий африканист. Учился в Тюбингене, Марбурге и Галле. Участник Первой мировой войны (Галиция, Малая Азия, Месопотамия). Научную карьеру начал в семинаре по колониальным языкам в Гамбургском колониальном институте (Hamburgische Kolonialinstitut) под руководством Карла Майнхофа. В 1924 г. защитил диссертацию, в которой доказал принадлежность языка фула к атлантической языковой семье. В 1930-1936 гг. был директором Института африканских языков при Лейпцигском университете (Institut für afrikanische Sprachen an der Universität Leipzig). В 1936 г. вернулся в Гамбург в качестве профессора африканистики. Был членом НСДАП, за что в 1945 г. был уволен. Возвращен к преподаванию в 1948 г. Проработал до пенсии в 1954 г., но и после этого продолжал активно заниматься наукой. См.: *Kalthoff H. August Klengenheben // Biographisch-Bibliographisches Kirchlexikon. Nordhausen, 2006. Bd. 26. S. 768-774.*

² Подпись.

Э. Винтер – А. В. Флоровскому, 23.12.1963

<НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ

Отдел истории немецко-славянских научных связей>¹

Профессор университета А. Флоровский

<Прага 6

Проспект югославских партизан 17>²

Проф[ессор] д[окто]р Ви[нтер]/Ге.
<2428/63>⁴

<23.12.63>³

Дорогой коллега!

Нам очень жаль, что Вы не смогли приехать на конференцию в Берлин. Она проходила в формате открытой научной беседы, поэтому подготовленные доклады и лекции по теме дискуссии зачитаны не были. Нам так не хватало Вашего конструктивного выступления.

Теперь что касается Вашей рукописи⁵. Ситуация на книжном рынке сейчас исключительно неблагоприятна. Мы сами поставляем на рынок максимум одну треть нашей продукции. В любом случае, только второй из упомянутых Вами вариантов имеет шансы быть сданным в печать: краткое резюме по результатам исследований с библиографическим списком источников и литературы. Но так как в названии труда упоминается Австрия, в первую очередь следовало бы заняться исследованиями в Вене. 28 февраля 1964 г. я буду выступать в Вене с докладом и хочу приобщить Вашу тему к своей. Разумеется, при условии, что я буду подробнейшим образом ссылаться на Ваш манускрипт. Конечно, я не знаю, пройдет ли все успешно. Как бы там

¹ Типографская печать на бланке.

² Адрес написан по-чешски.

³ Штамп синими чернилами.

⁴ Приписка от руки синими чернилами.

⁵ Трудно сказать, о какой конкретно рукописи идет речь. В начале 1960-х гг. А. В. Флоровский обращался к своим многочисленным коллегам в разных странах с просьбой о помощи в публикации работ. Но в данном контексте можно предположить, что речь идет о монографии, посвященной русско-австрийским связям в первой четверти XVIII в., которую историк планировал издать.

ни было, я рекомендую Вам закончить резюме, так как его легче напечатать, не упустив при этом из поля зрения и обширную ключевую часть труда, чтобы Вы так же смогли завершить его как можно скорее. Возможно, через какое-то время отправка в печать вновь упростится. Вам известно, насколько я заинтересован, как я поддерживаю Вас в Вашей работе.

С наилучшими пожеланиями в 1964 году

<Э. Винтер>¹

*SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlin. № 32.
Машинопись на официальном бланке. Перевод с немецкого.*

К. Грау – А. В. Флоровскому, 30.12.1964

**<НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ
ОТДЕЛ ИСТОРИИ НЕМЕЦКО-СЛАВЯНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ>²**

Профессор А. Флоровский

<Прага 6

Пр[оспект] Югославских партизан 17>³

Доктор Гр[ау]/Г. 30.12.1964
<2332/64>⁴

Многоуважаемый профессор!

Благодарю Вас за ваше письмо, которое Вы прислали 20 декабря, и за то, что Вы готовы написать статью в предстоящий юбилейный сборник в честь проф[ессора] Винтера⁵. В приложении к письму Вы можете уви-

¹ Подпись.

² Типографская печать на бланке.

³ Адрес написан по-чешски.

⁴ Приписка от руки.

⁵ См.: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag / Hrsg. W. Steinitz, P. N. Berkov, B. Suchodolski, J. Dolanský. Berlin, 1966.

деть, в какой форме должна быть написана статья. Мы были бы Вам признательны, если бы, несмотря на сжатые сроки, отправить статью до конца января 1965 года. А также сообщите в ответном письме, на каком языке Вы хотели бы опубликовать свою статью.

С совершенным почтением и наилучшими пожеланиями в 1965 году

<Конрад Грау>¹

SK. T-FLOR. Krab. IV. № 68. Grau, Conrad, Berlin. № 2.

Машинопись на официальном бланке. Перевод с немецкого.

Приложение к письму К. Грау от 30.12.1964

НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ

Берлин № 4,
ул. Линиенштрассе² 128/129
<Декабрь>³ 1964

Многоуважаемый коллега!

По случаю 70-летия профессора Эдуарда Винтера, действительного члена Академии наук в Берлине и члена-корреспондента Международной академии истории науки в Париже⁴, 16 сентября 1964 года юбиляру будет преподнесен юбилейный сборник. Его название будет звучать следующим образом:

«Очерки по истории общественной мысли и научных связей»

Сборник должен отражать все многообразие вклада, прослеживающегося в научных работах и трудах Эдуарда Винтера, которым он посвятил 40 лет своей жизни.

¹ Подпись.

² Linienstrasse – берлинская улица в районе Митте, существующая с 1705 г.

³ Машинописная вставка.

⁴ Académie Internationale d'Histoire des Sciences – международная организация историков науки, основанная в августе 1928 г.

В основе сборника будут лежать культурные и научные связи славянских народов с другими народами, особенно с немецким народом, а также религиозное мышление народа в прошлом и в настоящем.

Позвольте узнать, готовы ли Вы принять участие в предлагаемом сборнике, представив статью. В таком случае мы просим Вас дать свой положительный ответ и, по возможности, прислать оригинал не позднее 31 января 1965 года. Чтобы посодействовать работе редакции, и своевременно выпустить сборник в печать, необходимо беспрекословное соблюдение сроков.

Чтобы как можно больше человек смогли опубликовать свои статьи в юбилейном сборнике, каждая должна быть объемом не более 15 страниц, напечатанных с двойным интервалом. Каждый автор получит бесплатный экземпляр сборника и 25 оттисков, но авторский гонорар не может быть выплачен. Статьи могут быть написаны на немецком, русском, французском или английском языках.

Редакция поддерживает связь с Отделом истории немецко-славянских международных научных связей в Немецкой Академии наук и с институтом истории народов СССР при Университете имени А. Гумбольдта. За работу редакции отвечают доктор Х. Мор и доктор К. Грау (Берлин № 4, ул. Линиенштрассе 128/129). Свои письма, пожалуйста, направляйте им.

Ответственный редактор издания

Профессор, доктор В. Штайниц¹, действительный член Немецкой Академии наук в Берлине

¹ Штайниц Вольфганг (Steinitz Wolfgang; 1905-1967) – немецкий лингвист и фольклорист. В 1923-1928 гг. изучал финно-угорское языкознание в Бреслау и Берлине. В 1927 г. вступил в коммунистическую партию. Преподавал в Берлинском университете, посещал с научными целями Финляндию, Эстонию и СССР. В 1933 г. из-за своего еврейского происхождения был уволен из университета. В 1934 г. эмигрировал в СССР, получил должность профессора в Институте народов Севера в Ленинграде. В 1937 г. на волне репрессий был уволен, но получил разрешение на выезд в Швецию. В 1946 г. вернулся в Берлин и поступил на работу в Университет имени А. Гумбольдта. В 1954-1958 гг. был членом ЦК Социалистической единой партии Германии (Sozialistische Einheitspartei Deutschlands). В 1954-1963 гг. был вице-президентом Академии наук ГДР (Akademie der Wissenschaften der DDR). См.: *Leo A. Leben als Balance-Akt: Wolfgang Steinitz. Kommunist, Jude, Wissenschaftler*. Berlin, 2005,

Профессор, доктор П.Н. Берков, член-корреспондент Немецкой Академии наук в Берлине

Профессор, доктор Б. Суходольский¹, член-корреспондент Польской Академии наук

Профессор, доктор Я. Доланский², член-корреспондент Чехословацкой Академии наук

SK. T-FLOR. Krab. IV. № 68. Grau, Conrad, Berlin. № 2.

Типографская листовка с машинописной вставкой

К. Грау – А. В. Флоровскому, 26.01.1965

<НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ

Отдел истории немецко-славянских научных связей>³

Профессор университета А. Флоровский

<Прага 6

Пр[оспект] югославских партизан 17>⁴

¹ Суходольский Богдан (Bogdan Suchodolski; 1903-1992) – польский философ и историк науки, член Польской академии наук (Polska Akademia Nauk). Учился в Кракове, Варшаве, Париже и Берлине. До Второй мировой войны преподавал во Львовском университете. После войны был профессором Варшавского университета. В 1970-е гг. преподавал в Падуанском университете, затем вернулся в Польшу. В 1985-1992 гг. был старшим маршалом (Marszałek senior) Сейма.

² Доланский Юлиус (Julius Dolanský; 1903-1975) – чешский историк литературы и общественный деятель. Выпускник Масарикова университета в Брно. В 1926-1928 гг. преподавал в школе в Брно, затем в 1928-1940 гг. работал в университетах Белграда, Загреба и Любляны. В 1933-1939 гг. преподавал в Карловом университете в Праге. Был членом Общества культурных и экономических связей с СССР (Společnost pro kulturní a hospodářské styky s SSSR). После оккупации Чехословакии арестован, отправлен в тюрьму Панкрац. Поддержал коммунистический переворот 1948 г. Член Национального собрания Чехословакии (Národní shromáždění republiky Československé) в 1948-1954 гг. Вернулся к преподаванию в Карловом университете. В 1952-1963 гг. был директором Славянского института (Slovanský ústav).

³ Типографская печать на бланке.

⁴ Адрес написан по-чешски.

Др. Гр[ау]/Ха <26.1.65>¹
<198/65>²

Глубокоуважаемый профессор!

Хотелось бы выразить благодарность за Вашу статью для юбилейного сборника в честь Винтера. Мы пришлем Вам гранки необходимых страниц, как Вы просили. Сноски имеются во всех статьях на каждой странице под чертой. Прошу Вас еще раз мне сообщить на русском или на немецком языке Вы хотели бы видеть Вашу статью в печати.

Если на немецком языке, то мы сами сделаем перевод с русского на немецкий язык.

С совершенным почтением

<Подпись>

Д[окто]р Грау

<Глубокоуважаемый коллега,
Искренне благодарю Вас за сообщение
о принятии моей статьи для издания в
Сборнике в честь ак[адемика] Эд. Винтера.
Я бы предпочел видеть ее по-русски,
С наилучшими пожеланиями
А[нотоний] Ф[лоровский]>³

<Берлин № 4, Линиенштрассе 128/129
Телефон: 22 06 20 64 Адрес для телеграмм:
Научная академия славянских связей, Берлин>⁴

*SK. T-FLOR. Krab. IV. № 68. Grau, Conrad, Berlin. № 3.
Машинопись на официальном бланке с рукописными пометками.
Перевод с немецкого.*

¹ Штамп синими чернилами.

² Приписка от руки синими чернилами.

³ Приписка рукой А. В. Флоровского.

⁴ Типографская печать на бланке.

Х. Мор – А. В. Флоровскому, [1966]

НЕМЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В БЕРЛИНЕ

Проф[ессор] унив[ерситета]

д[окто]р А. Флоровский

104 Берлин,

ул. Линиенштрассе 128/129

Прага 6

Пр[оспект] Югославских партизан 17

Многоуважаемый коллега!

Издательство Академии отправило нам следующий план для верстки сборника к семидесятилетию профессора Винтера:

Верстка	14.3-4.6.[19]66
Подпись в печать в издательстве	20.6.1966
Предварительный экземпляр	10.8.1966
Сдача тиража	20.8.1966

Мы вышлем Вам экземпляр Вашей статьи экспресс-почтой для корректуры. Просим Вас воздержаться от содержательной и стилистической корректуры, а также от внесения дополнений, так как значительное изменение документа является неприемлемым. А также, мы должны Вас попросить о строгом соблюдении сроков выполнения корректуры, так как от этого зависит своевременный выпуск юбилейного сборника. Если Вы отсрочите отправку статьи из-за недостатка времени на выполнение данной работы, просим Вас прислать письмом имеющуюся на данный момент корректуру. Само собой разумеется, мы просмотрим статью и вышлем ее в издательство к указанному сроку. Если к этому моменту Вы не предоставите свой вариант корректуры, мы будем считать наш вариант удовлетворительным. Просим Вас выслать нам обратно лист со списком указаний для работников (в приложении).

С большим приветом и наилучшими пожеланиями для Вашей научной работы

<Подпись>

Профессор Х. Мор

*SK. T-FLOR. Krab. XLVIII. Korespondence přijatá,
adresovaná A.V. Florovskému: – instituce.
№ 7. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
Машинопись. Перевод с немецкого.*

Х. Мор – А. В. Флоровскому, 20.02.1967

<ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАРОДОВ СССР
Философский факультет
Отдел истории политики Ватикана
в Центральной и Восточной Европе¹

БЕРЛИН В8, 20 февраля 1967
ул. Унтер ден Линден 6
Телефон 22 01 41, кв. 377/378
Реквизиты банковского счета:
Немецкий эмиссионный банк
Номер счета 11 27 600/1²

Уважаемый профессор Флоровский!

Как редактор юбилейного сборника в честь Эдуарда Винтера «Восток и Запад в истории мысли и культурных связей» я благодарю Вас за Ваше сотрудничество³ от имени всех сотрудников профессора Винтера.

Как Вы, вероятно, уже знаете, во время памятного симпозиума, который состоялся 18 октября 1966 года, профессор Штайниц от имени редактора торжественно представил сборник и попросил директора издательства «Академия» доктора Бусслера вручить его в подарочном футляре.

Каждому из авторов⁴ вышлют экземпляр сборника, а также гонорар от книгоиздательства Академии. Прошу Вас сообщить о получении гонорара. Я прилагаю план тома на проверку и хотел бы Вас попросить отправить рецензию этого содержательного юбилейного сборника в журнал. Я

¹ Abtlg. Geschichte der Politik des Vatikans in Mittel- und Osteuropa.

² Типографская печать на бланке.

³ См.: *Флоровский А. В.* Московские навигаторы в Венеции в 1697-1698 гг. и римская церковь // *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag.* Berlin, 1966. S. 194-199.

⁴ Среди авторов сборника были крупнейшие ученые из разных стран: А. Ангял, Н. М. Дружинин, З. Калиста, Б. Б. Кафенгауз, Б. М. Кедров, А. Мазон, О. Одложиллик, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин и др.

был бы Вам признателен, чтобы Вы сообщили название этого журнала и предполагаемую дату выхода рецензии.

С сердечным приветом,

<Подпись>

Профессор Х. Мор

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 52.

Institut für Geschichte der Völker der UdSSR. № 1.

Машинопись на официальном бланке. Перевод с немецкого.

Р. Виттрам – А. В. Флоровскому, 22.07.1967

<Проф[ессор] Др. Гейнхард Виттрам 34 Гёттинген>¹ <22.7.1967>²
<Людвиг-Бек-Штрассе 3>³

Многоуважаемый коллега!

Сердечно благодарю Вас за Вашу замечательную, столь содержательную рецензию моей книги⁴ (Slov[anský] přehled 2/67)!

Вы меня обрадовали в особенности и Вашими поправками и указаниями на проблемы; стараюсь исправить ошибки во втором издании.

С приветом и почтением

Р. Виттрам

SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 318. Wittram, Reinhard, Göttingen. № 5.

Рукопись на типографском бланке.

¹ Типографская печать на бланке.

² Рукописная вставка.

³ Типографская печать на бланке.

⁴ К сожалению, из-за недоступности для автора статьи в настоящий момент упомянутого номера журнала «Slovanský přehled» невозможно с точностью сказать, какую именно книгу Р. Виттрама рецензировал А. В. Флоровский. Однако, зная библиографию работ немецкого историка, и отталкиваясь от научных интересов русского профессора, можно предположить, что речь идет о двухтомной биографии Петра Великого. См.: *Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. I-II. Göttingen, 1964.*

Павел Соби (Прага)

**«КРАСНЫЙ МОНАСТЫРЬ» НА ШПРЕЕ:
СОВЕТИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГДР
(НА ПРИМЕРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ В БЕРЛИНЕ)**

Настоящая статья посвящена первым годам существования Высшей школы экономики в Берлине – Карлсхорсте (*Hochschule für Ökonomie – HfÖ*) в контексте развития новых форм высшего образования советского типа. Задача работы состоит в то, чтобы определить, до какой степени открытие специализированных институтов в Германской Демократической Республике было вызвано практической необходимостью, и в чем именно они копи-ровали советские образцы. Кто был больше всего заинтересован в возникновении Высшей школы экономики? Обладала ли она в начале своего существования достаточным научным и педагогическим потенциалом, чтобы готовить квалифицированных экономистов для работы? Чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем идеологическое и практическое направление обучения, состав преподавательского коллектива, а также влияние советских консультантов. Не менее важно рассмотреть и международные связи берлинской школы с аналогичными учреждениями в других странах, например с Экономическим институтом в Праге.

Историческая картина будет воссоздана на широком круге немецких источников, в том числе неизданных, извлеченных из фондов Бундесархива в Берлине – Лихтерфельде, таких как делопроизводственная документация, воспоминания бывших студентов и преподавателей, автобиографий и др. Методологически статья основана на гипотезе социалистической трансформации. Поэтому возникновение HfÖ воспринимается как составная часть укрепления контроля Социалистической единой партии Германии (*Sozialistische Einheitspartei Deutschlands – SED*), которая старалась создать новую элиту путем позитивной селекции, над системой образования.

*От научно-исследовательского института
до высшего учебного заведения*

Процесс создания Высшей экономической школы относится к периоду 1950-1958 гг. Ее родоначальником, и одновременно первым высшим учебным заведением нового типа, можно считать Высшую школу плановой

экономики (*Hochschule für Planökonomie*), которая вела свое начало от Научно-исследовательского института экономического планирования при Министерстве планирования (*Planökonomisches Institut beim Ministerium für Planung*). Она возникла на основании решения правительства ГДР от 16 февраля 1950 г. и должна была готовить новых членов плановых комиссий и отделов на народно-хозяйственном и заводском уровнях¹. Несмотря на то, что школа должна была иметь характер высшего учебного заведения, уже во время обучения первых студентов государственный секретарь министерства планирования и председатель Государственной плановой комиссии (*Die Staatliche Plankommission*) Бруно Лейшнер (Bruno Max Leuschner) потребовал, чтобы она отличалась от классических университетов тем, что теоретические занятия должны были сочетаться с работой в каких-либо государственных плановых учреждениях. Одной из самых важных причин создания школы он назвал недостаток людей, «которые в настоящее время понимают, как планировать и руководить в новых масштабах, новых условиях народного хозяйства»².

Бруно Лейшнер

При подготовке к первому учебному 1950/1951 году для организации работы школы с факультета экономических наук Университета имени Гумбольдта (*Humboldt-Universität zu Berlin*) была переведена Эва Альтманн (Eva Altmann). Несмотря на то, что она работала в известном немецком университете, она не имела специального экономического образования и построила карьеру благодаря своему профсоюзному прошлому и многолетнему член-

¹ См.: Verordnung über die Bildung eines Planökonomischen Instituts beim Ministerium für Planung vom 16. Februar 1950 // Beiträge zur Geschichte der Hochschule für Ökonomie Bruno Leuschner. Berlin, 1989. Bd. 1, 1989. S. 116.

² Цит. по: Lämmerhirt G. Die Hochschule für Planökonomie – eine sozialistische Lehr- und Forschungsstätte // Beiträge zur Geschichte der Hochschule für Ökonomie Bruno Leuschner. S. 29.

Эва Альтманн

ству в коммунистической партии¹. Совместно с группой молодых ассистентов она переняла и переработала учебные планы из Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова, что отвечало интересам Советской контрольной комиссии в Германии (*Sowjetische Kontrollkommission*), которая вплоть до 1953 г. принимала большое участие в решениях правительства и оказывала влияние на систему образования в ГДР согласно советским нормативам². Данный факт, вкупе с самим назначением Эвы Альтманн, свидетельствует об определенном недоверии к экономистам старой выучки, которые, по мнению ортодоксальных коммунистов, не были достаточно верны партийному направлению и поэтому не могли участвовать в создании «первого немецкого государства рабочих»³.

Школа должна была разместиться в здании бывшей юношеской высшей реальной школы и женского лицея на Германн-Дункер-Штрассе на юго-востоке Берлина, в районе Карлсхорст. Хотя помещения не удовлетворяли необходимым требованиям, большую роль играл идеологический фактор – школа должна быть ориентирована на рабочий класс; а то, что она будет находиться в Берлине, естественным способом усилит позиции «рабоче-крестьянской власти» в разделенном городе⁴. В сравнительно не-

¹ Alisch S. Die Hochschule für Ökonomie Berlin-Karlshorst (HfÖ) – eine wirtschaftswissenschaftliche Kaderschmiede der SED. Berlin, 2010. S. 5.

² Kowalczyk I.-S. Geist im Dienste der Macht. Hochschulpolitik in der SBZ/DDR 1945 bis 1961. Berlin, 2004. S. 79-80.

³ См.: Alisch S. Widerspruch, Ideologisme Abweichungen und Disziplinarverfahren an der Hochschule für Ökonomie Berlin-Karlshorst // Unter Hammer und Zirkel. Repression, Opposition und Widerstand an den Hochschulen der SBZ/DDR / Hrsg. B. Schröder, J. Stadt. Frankfurt am Main, 2011. S. 259.

⁴ Kubatzki R. Die Geschichte unserer Hochschule im Lichte von Erbe und Tradition der sozialistischen Gesellschaft. Überlegungen zur historischen Einordnung der Gründung der Hochschul und ihrer Entwicklung in Traditionen // Beiträge zur Geschichte der Hochschule für Ökonomie Bruno Leuschner Berlin. S. 24.

большом здании была быстро проведена реконструкция, что позволило начать обучение 185 студентов, прошедших вступительное собеседование. Интересно, что только 138 из них должны были обучаться на первом курсе. Остальные 47 человек, пришедших из других высших школ, были зачислены сразу на третий курс. Условием приема было прохождение четырехнедельной практики на берлинских предприятиях до начала семестра. Дети из рабочих семей имели разительное преимущество. Они представляли собой 64,3% студентов¹.

Здание Высшей школы экономики в Карлсхорсте

Высшая школа плановой экономики начала работу 4 октября 1950 г. Ее главную задачу, как воспитателя новых кадров для планового хозяйства ГДР, подтвердил президент республики Вильгельм Пик в своем поздравительном письме, которое на следующий день после открытия было напечатано в большинстве восточногерманских газет². На торжественном открытии Эва Альтманн была назначена профессором и одновременно ректором. В тот мо-

¹ *Speatar H., Baar L., Seifert E.* Hochschule für Ökonomie Bruno Leuschner Berlin: 1950-1980. Berlin, 1980. S. 9-14. С 1950 г. действовали правила приема в высшие учебные заведения, которые строго определяли соотношение студентов по классовому происхождению. Причем предоставлялась возможность получить образование и лицам без оконченного среднего образования, если они были известными партийными деятелями или хорошими работниками. См.: *Kowalczyk I.-S.* Op. cit. S. 270.

² Präsident Wilhelm Pieck zur Eröffnung der Hochschule für Planökonomie // Neues Deutschland. 1950. 5 Okt. S. 6.

мент она была единственным профессором и имела в распоряжении коллектив всего из 12 ассистентов, большинство из которых были молодыми выпускниками университетов. Никому из них не было более 30 лет¹. Большинство этих людей останется в школе на долгие годы. Там они успешно построят свои карьеры, как, например, Ганс Фюлле, Альфред Гайнке, Урсула Ланге, Эберхард Лозе, Ганс Моттек, Герхарс Шмидт-Реннер, Ганс Шпетер и Йоганнес Ресслер. По словам Гарри Ника, одного из первых студентов нового высшего учебного заведения, который также останется в *alma mater* и проработает в ней до 1991 г., при имматрикуляции (торжественном приеме в студенческое братство) ректор Э. Альтманн пообещала своим воспитанникам, что они будут новыми директорами предприятий не только в ГДР, но «также на Рейне и в Рурской области»².

Одной из главных проблем оказалась неспособность преподавательского состава в первый год работы предоставить студентам полноценное образование. Они были вынуждены сосредоточиться на семинарской работе или подготовке лекций на следующие семестры. В первый год своего существования Высшая школа плановой экономики структурно состояла из шести факультетов и трех семинаров:

Факультеты	Семинары ³
1. Политическая экономия капитализма и социализма	1. Диалектический и исторический материализм
2. Планирование народного хозяйства ГДР	2. Экономическая история
3. Экономика государственных предприятий	3. Технология
4. Финансовое планирование	
5. Статистика	
6. Социалистическое планирование СССР и народных демократий	

Источник: *Speatar H., Baar L., Seifert E.* 1950-1980. Hochschule für Ökonomie Bruno Leuschner Berlin. Berlin, 1980. S. 14

¹ *Lämmerhirt G.* Op. cit. S. 48.

² *Nick H.* Gemeinwesen DDR. Erinnerungen und Überlegungen eines Politökonomen. Hamburg, 2013. S. 38.

³ С 1951/1952 академического года статус семинара был повышен до факультетского. См.: *Lämmerhirt G.* Op. cit. S. 36. Несмотря на статус факультета, факультет экономической истории, например, имел после своего создания всего два ассистента, помимо руководителя Ганса Моттека, обладавшим званием доцента (*Becker W.* Vom wirtschaftshistorischen Seminar zum Institut für Wirtschaftsgeschichte – die Etablierung einer wissenschaftlichen Schule in den 50er Jahren an der Hochschule für Planökonomie // Beiträge zur Geschichte der Hochschule für Ökonomie Bruno Leuschner. S. 56).

С целью восполнить отсутствующий персонал для обеспечения учебного процесса была использована возможность временного трудоустройства профессоров из других учебных заведений или НИИ, связанных напрямую с Центральным комитетом СЕПГ, например председателя Государственной плановой комиссии Генриха Рау, государственного секретаря той же комиссии Пауля Штрассенбергера, Гюнтера Кольмея, декана факультета экономических наук Германской академии государственного управления (*Deutsche Verwaltungsakademie*).

В.П. Дьяченко

Само собой разумеется, что в обучении принимали участие и советские профессора, например, в первые три года – Николай Иванович Виноградов (народно-хозяйственное планирование) и член-корреспондент АН СССР Василий Петрович Дьяченко (социалистическая ценовая и финансовая система). Студенты третьих и старших курсов принимались на работу руководителями семинаров. Для них была введена должность так называемых «вспомогательных ассистентов»¹.

Так как школа имела в своем распоряжении только одно здание, и поскольку остро не хватало места для проживания всех студентов, количество которых на втором году работы должно было увеличиться до 500, то руководство решило использовать проведение III Международного фестиваля молодежи и студентов в Берлине в августе 1951 г. для организации студенческих строительных бригад. Именно они должны были возвести новые здания общежитий. Студентам помогали как сотрудники школы, так и молодые польские рабочие, приехавшие на фестиваль из Варшавы. Недостаток жилья для студентов и преподавателей ощущался вплоть до конца 1950-х гг. Даже сам ректор в первые месяцы своего назначения должен был жить в студенческом общежитии, пока ему не предоставили собственную квартиру².

В 1952-1954 гг. начали постепенно организовываться кратковременные курсы для работников организаций по планированию на государственных предприятиях, а также в органах государственного и обществен-

¹ Lämmerhirt G. Op. cit. S. 40.

² Bundesarchiv (далее – Barch). SgY30/1470 [Memoiren von Alfred Lemnitz, Manuskript. S. 443].

Курт Хагер

ного управления. Одновременно было введено заочное и вечернее обучение. Высшая школа плановой экономики подчинялась как Министерству высшего образования, так и Государственной плановой комиссии, которая определяла количество студентов и специальности в отдельных учебных подразделениях. В конечном счете, решения об учебной политике принимал Отдел науки и пропаганды при ЦК СЕПГ, которым руководили Ганнес Герниг и, затем, Курт Хагер, главный партийный идеолог с 1952 г. и вплоть до падения Берлинской стены в 1989 г.¹

Значение, которое «своей» школе придавала Государственная плановая комиссия, четко вырисовывается из стремительного роста числа студентов всех категорий, а также из увеличения инвестиций, которые предоставлялись для дальнейшего развития учебного заведения. В 1955 г. в Карлсхорсте училось уже 4.500 студентов, причем только малая доля из них, 1.061 человек, были студентами дневной формы обучения. Это доказывает ориентацию на молодых людей с опытом работы, которые должны были дополнить свои теоретические знания. Учитывая рост числа семейных студенческих пар с детьми, в последующие периоды были открыты амбулатория и детские ясли, где регулярно находилось от 20 до 25 малышей².

С точки зрения научных исследований, интерес преподавателей школы был ориентирован на историю политической экономии в связи с развитием производственных отношений, на экономику социалистической промышленности, содержание и функцию финансового хозяйства в ГДР, а также на основы экономической истории, в частности, историю немецкого капитализма. Эти направления были определены в качестве приоритетных при выборе тем

¹ Ср.: Kowalczyk I.-S. Op. cit. S. 92.

² Barch. SgY30/1470 [Memoiren von Alfred Lemnitz, Manuskript. S. 457]. Пост числа студентов соотносился с быстрым ростом количества учащихся во всем восточно-германском образовании. Если в 1951 г. в ГДР училось 51.000 студентов, то в 1960 г. их было около 100.000. См.: Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur. Die ostdeutsche Hochschullehrerschaft in der Ulbricht-Ära. Göttingen, 1999. S. 43.

диссертационных работ аспирантами, которых к 1 января 1952 г. насчитывалось уже 52. Первая диссертация была защищена в июле 1954 г.¹

Строгий отбор студентов происходил на основе их идеологической подготовки. В 1950-х гг. все студенты были членами организации «Свободная немецкая молодежь» (*“Freie Deutsche Jugend”*), большинство из них активно участвовало в жизни СЕПГ². Школу в Карлсхорсте даже начали называть «красным монастырем» из-за специфических условий поступления и обязанности жить по правилам общего интерната. Такой подход полностью соответствовал так называемой «социалистической учебной концепции», которая, по словам восточно-германского педагога Герхарта Неунера, представляла собой «образование социалистических личностей, как социально-опосредуемый и социально организованный процесс, как процесс социалистического коллективного воспитания»³. Причем идея такого коллективного воспитания основывалась на работах известного советского педагога Антона Семеновича Макаренко. Несмотря на большие усилия руководства школы и его партийной организации, СЕПГ не удалось контролировать студенческую жизнь так, чтобы она оказалась полностью избавлена от «буржуазного мышления». Одна из выпускниц характеризовала твердую идеологическую линию следующими словами: «Когда студенты или студентки имели мнение, отличающееся от установленного, то после острой дискуссии их часто посылали на производство, как будто производство было лагерем для перевоспитания студентов»⁴. Однако твердая линия не помешала тому, что с 1 сентября 1953 г. и до 15 марта 1956 г. 15 студентов сбежало в Западную Германию. Но, в общем, 1953 и 1956 гг., с которыми были связаны волнения в ГДР и Венгрии, не вызвали в школе серьезных идеологических проблем. По доступным материалам известно, что единственным либеральным поветрием была расширенная дискуссия между преподавателями и студентами о результатах XX съезда КПСС в Москве⁵.

¹ Speatar H., Baar L., Seifert E. Op. cit. S. 19.

² Lämmerhirt G. Op. cit. S. 35.

³ Neuner G. Zur Theorie der sozialistischen Allgemeinbildung. Berlin, 1974. S. 38.

⁴ Цит. По: Kisker K. P. 41 Jahre Hochschule für Ökonomie Berlin – Eine Bilanz // Wirtschaftstheorie in zwei Gesellschaftssystemen Deutschlands. Erfahrungen – Defizite – Herausforderungen / Hrsg. G. Krause, C. Luft, K. Steinitz. Berlin, 2011. S. 86.

⁵ Alisch S. Op. cit. S. 266, 270.

В 1956 г. был основан научный журнал, который стал основным периодическим изданием школы вплоть до ее закрытия в 1990 г. Он имел короткое название «Wissenschaftliche Zeitschrift». Кроме того, Институт экономики развивающихся стран (*Institut für Ökonomie der Entwicklungsländer*) издавал на английском языке «Economic Quarterly». Оба журнала выходили ежеквартально. Помимо них, ежемесячно издавался обзор новой экономической литературы в ГДР – «Bibliographie Wirtschaftswissenschaften». На фоне активной издательской деятельности и роста количества студентов, в 1953/54 учебном году произошла реорганизация учебных специальностей. Теперь можно было изучать новые предметы: политическую экономию, планирование народного хозяйства и статистику, экономику промышленности, экономику сельского хозяйства, экономику внутренней торговли, экономику материального хозяйства и экономику финансов и кредита. Но организационное строительство не остановилось, и, спустя три года, учебное заведение сменило свое название. Теперь это была Высшая школа экономики и планирования (*Hochschule für Ökonomie und Planung*).

*Создание Высшей школы экономики
и изменения в высшем образовании во второй половине 1950-х гг.*

Высшее образование в ГДР в 1950-х гг. оказалось в затруднительном положении. Некоторые привычные для прежней немецкой академической жизни учебные заведения отсутствовали. Что касается старых университетов, то в Восточной Германии осталась лишь малая их часть. Новые власти начали спешно создавать новые высшие школы. Но уже очень скоро выявилась их неэффективность, неспособность решить проблему подготовки квалифицированных специалистов.

Высшая школа экономики и планирования должна была выпускать специалистов в сфере экономики транспорта, сельского хозяйства и внутренней торговли. Ректор Э. Альтманн решила усилить ее позиции путем концентрации всех экономических специальностей. Поэтому в 1956 г. было решено объединить Высшую школу экономики и планирования с Высшей школой финансового хозяйства (*Hochschule für Finanzwirtschaft*). Процесс слияния занял несколько месяцев. С января 1956 г. и до начала занятий в сентябре того же года в Карлсхорсте работали одновременно две экономические школы. Причем в данный период существовало и два самостоятельных руководства: ректорат Высшей школы экономики и планирования во главе с Э. Альтманн

и ректорат Высшей школы финансового хозяйства под начальством Альфреда Лемница. Именно он в сентябре 1956 г. стал главой объединенной Высшей школы экономики. Несмотря на свою предыдущую профессорскую деятельность в Университете Ростка, он никогда не получал настоящего академического образования, а звание доктора ему было присвоено лишь в 1947 г. после полугодовой работы преподавателем партийного института¹. В своих неопубликованных воспоминаниях А. Лемниц интересно описал свое назначение ректором, которое метко отражало искривления тогдашнего понятия академического мира в контексте советизации. Перед назначением А. Лемница министр финансов Вилли Румпф (Willy Rumpf) спросил его: «Каким подходящим было бы обращение к ректору в социалистическом государстве?» Тот, переборов неуверенность, ответил: «Товарищ магнификус (великолепный)»!² А. Лемниц воспринимал реорганизованную школу как важный шаг на пути усиления научной деятельности, а также подготовки научных кадров. Тем самым он прилагал усилия к тому, чтобы Высшая школа экономики имела, по сути, значение и статус университета. Когда подготавливалось изменение закона о высшем образовании, согласно которому звания профессора университета и профессора высшей школы должны были различаться, А. Лемниц решительно заявил, что, «по нашему мнению, университеты и высшие школы равны между собой»³.

Альфред Лемниц

Вилли Румпф

¹ *Jessen R. Diktatorischer Elitenwechsel und universitäre Milieus // Geschichte und Gesellschaft für historische Sozialwissenschaft. 1998. Bd. 24. H. 1. S. 48-49.*

² *Barch. SgY30/1470 [Memoiren von Alfred Lemnitz, Manuskript. S. 423-424].*

³ Цит. по: *Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur. S. 152.*

В 1958 г. в НfÖ была также включена Высшая школа внешней торговли. Ее присоединение проходило уже в более простой форме. Она почти не изменила своей структуры и стала одним из факультетов Высшей школы экономики. Благодаря объединению высших школ улучшилась кадровая ситуация. Среди преподавателей были такие известные экономисты, как Йоганн Ресслер (позже – ректор школы), Клаус Кремке, специалист из ЦК СЕПГ или Хельмут Козолек, который принимал участие в реализации «Новой экономической системы планирования и управления» (*Neues Ökonomisches System der Planung und Leitung* – NÖSPL). Процесс окончательного создания новой структуры школы завершило назначение ректора А. Лемница заместителем секретаря по высшему и специальному образованию осенью 1958 г., а позже, всего через несколько недель, – даже министром образования ГДР. Таким образом, по истечению всего двух лет, полномочия ректора окончились, и сенат должен был выбирать нового руководителя. Им стал проректор по учебной работе Йоганнес Ресслер.

В 1959 г. произошла принципиальная реорганизация системы обучения: классическое стационарное образование было дополнено элементами комбинированной подготовки. Недостаток марксистски подкованных экономистов привел к идее, что после двух лет получения теоретических знаний, студенты должны были бы следующие пять лет учиться так, чтобы одновременно полноценно работать на предприятиях или в государственных учреждениях, но при этом посещать семинары и лекции. Процесс обучения, таким образом, сильно растягивался¹. Другим серьезным изменением было введение обучения экономике для владельцев частных предприятий с государственным участием. Это учитывалось в процессе окончательной национализации частного предпринимательства в 1973 г. «Переученным» выпускникам НfÖ в первую очередь предлагались места директоров в их бывших фирмах.

На практическую ориентацию Высшей школы экономики указывает и практика проведения денежной реформы 1957 г., в ходе которой НfÖ действовала как один из пунктов обмена для местных жителей². Агитационное

¹ Данная комбинированная программа предназначалась, прежде всего, студентам специальности «Промышленная экономика» («Industrieökonomik»). См.: Barch. DE 1/860 [Entwurf über das kombinierte Studium an der Hochschule für Ökonomie, Berlin-Karlshorst, 23.5.1959. S. 2].

² Barch. SgY30/1470 [Memoiren von Alfred Lemnitz, Manuskript. S. 453].

значение школы проявилось в 1954 г., когда проходили выборы в сенат в Западном Берлине. Партийный комитет организовал массовую акцию поддержки западноберлинской СЕПГ – преподаватели и студенты посылались в отдельные районы города с агитационными плакатами и песнями¹.

Развитие международного сотрудничества

В конце 1950-х гг. НфÖ стала одним из скрупных восточногерманских высших учебных заведений. Свою позицию она могла усилить благодаря выпускникам, которые стали работать на ведущих должностях на государственных предприятиях и в партийном аппарате. Как единственная в своем роде специальная школа в ГДР, в этот период она начала налаживать контакты с аналогичными учебными заведениями в странах Восточного блока. Существенную роль в этом процессе играл Экономический институт в Праге. На это значительно повлияла дружба А. Лемница с профессорами Владимиром Седлаком и Феликсом Оливой². Благодаря этим контактам, в 1959 г. между НфÖ и Экономическим институтом было подписано соглашение об обмене студентами общим сроком на семь недель в год³. Контакты с Прагой были важны и для академического обмена. Еще до объединения с НфÖ в Высшей школе внешней торговли работал Йозеф Фиала, чешский профессор экономики предприятий и бухгалтерии предприятий факультета народного хозяйства⁴.

В Праге А. Лемниц также встречался с бывшим ректором Экономического института в Бухаресте. Контакты с венгерскими и болгарскими институтами развивались многообещающе. Значительное место принадлежало, конечно, и советским экономическим институтам, которые посылали в Берлин своих преподавателей на стажировки, в том числе на несколько лет.

¹ См. воспоминания преподавателя Ганса-Герхарда Тререпа: *Aktive kulturelle Bestätigung – fester Bestandteil des Lebens und Arbeitens an der Hochschule für Ökonomie in den 50er Jahren* // *Beiträge zur Geschichte der Hochschule für Ökonomie* Bruno Leuschner Berlin. S. 103-104.

² Ср.: *Stellner F., Szobi P.* K institucionálním a personálním okolnostem vzniku Vysoké školy ekonomické v Praze // *Politická ekonomie*. 2013. Roč. 61. Č. 4. S. 307-315.

³ *Last B.* Die Wissenschaftsbeziehungen der Hochschulen der ehemaligen DDR mit Osteuropa. Berlin, 1992. S. 27.

⁴ *Nitzsche U.* Von der Hochschule für Außenhandel zur Fakultät Außenhandel an der Hochschule für Ökonomie – Beginn einer Wissenschaftsdisziplin. 1954-1958 // *Beiträge zur Geschichte der Hochschule für Ökonomie* Bruno Leuschner. S. 74; Режим доступа: <http://dejiny.vse.cz/biografie/seznam/josef-fiala/> (дата обращения: 10.09.2013).

Влодзимеж Брус

Эдвард Липинский

**Занятия в Высшей школе экономики.
1962 г.**

Но на противоположной стороне находился Экономический институт в Варшаве. Берлинские экономисты, которые старались во всем копировать советскую политическую экономию, с ужасом наблюдали на одной из конференций, куда они были приглашены, следующую картину: «Представители марксизма были полностью вытеснены назад, а буржуазные теории были агрессивно направлены конкретно против марксизма-ленинизма»¹. Они яростно критиковали как Эдварда Липинского (Edward Lipiński) и его убежденный кейнсианский подход, так и «буржуазную» теорию молодого поль-

¹ Barch. SgY30/1470 [Memoiren von Alfred Lemnitz, Manuskript. S. 456].

ского экономиста Влодзимежа Бруса (Włodzimierz Brus). Поэтому в конце 1950-х гг. контакты с аналогичным польским институтом временно прекратились. Отношения с западно-европейскими экономическими институтами развивались гораздо слабее. В случае личной инициативы преподавателей в развитии таких контактов имела значение не только их профессиональная, но, в частности, идеологическая подготовка. По этой причине дорога на Запад для восточногерманского образования была закрыта на длительное время. В заграничные командировки из элитной Высшей школы экономики выезжали почти исключительно члены СЕПГ¹. Еще в 1980-х гг. восточногерманский лектор написала о своем пребывании в британском Университете Лидса: «Когда я представляюсь гражданкой ГДР, то меня принимают с большим удивлением, чем кого-то с острова Фиджи»².

Заключение

Конец 1940 гг. и начало 1950 гг. во всех странах Восточного блока выразился в копировании советской модели в политическом, экономическом, а также в образовательном направлении. Строительство новой специализированной высшей школы проходило в несколько этапов. Высшая школа экономики в Берлине полностью воплощала идею нового режима о том, что государственные предприятия с их обширными контрольными механизмами будут нуждаться в новой «кадровой поддержке». Новые специалисты будут работать эффективными менеджерами в условиях плановой экономики. При этом они должны быть не только технократами, но и убежденными коммунистами, которые будут целеустремленно принимать участие в строительстве нового утопического общества.

Хотя немецкая историография после 1990 г. занималась, в частности, крупными восточногерманскими университетами и их жизнью на основных этапах развития ГДР, специализированное высшее образование находилось на периферии интересов ученых. Причем этот пробел в случае с Высшей школой экономики в Берлине был также следствием ее быстрого закрытия в 1991 г. Ее ликвидация интерпретируется как естественный процесс: школа была пережитком социализма, в котором объединенная Германия не нуждалась.

¹ *Niederhut J.* Die Reisekader. Auswahl und Disziplinierung einer privilegierten Minderheit in der DDR. Leipzig, 2005. S. 45

² *Ibid.* S. 78.

Более глубокое понимание вопроса о значении и роли НфÖ, о том, какое место занимала она в восточногерманском высшем образовании следует искать в практической плоскости. В ГДР не существовало ни одного стратегически важного предприятия, министерства или иного государственного учреждения, где выпускники НфÖ не занимали бы значительных должностей. Таким был, например, Геральд Нестлер, который учился в школе в 1954-1958 гг., и позже работал в должности директора одного внешнеторгового учреждения и в дипломатической сфере. Оглядываясь назад, он оценивал свое обучение такими словами: «После 1990 г. мы быстро справились с недостатками, имевшимися по сравнению с капиталистическим хозяйством и западным договорным правом. Во время учебы мы научились анализировать экономические явления и мы упражнялись в этом, чтобы уметь их диалектически связывать»¹.

Занятия в Высшей школе экономики. 1960-е гг.

Во многих случаях личный опыт и дальнейшие практики трудоустройства выпускников Высшей школы экономики в Берлин совпадали с аналогичными явлениями в Экономическом институте в Праге². Для чеш-

¹ Цит. по: *Kisker K. P.* Op. cit. S. 105.

² Режим доступа: <http://absolventi.vse.cz/uplatneni-absolventu/vyznamni-absolventi/> (дата обращения: 13.09.2013).

ской историографии это является важной причиной необходимости расширения изучения высшего образования в социалистических странах на сравнительном уровне. Для нее было бы важно понять, чем отличались пражский и берлинский институты. Следует обратиться к вопросу о том, были ли способны высшие учебные заведения экономической направленности трансформироваться в современные высшие школы, которые готовили бы специалистов в условиях свободного рынка. На все эти вопросы можно будет ответить как на уровне отдельных организаций, так и на уровне общей образовательной политики и практики. Необходимость дальнейших исследований не вызывает сомнения, а опыт изучения Высшей школы экономики в Берлине может оказаться вполне полезным.

Оксана Сергеевна Нагорная (Челябинск)

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ПРЕДЕЛАХ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА: ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В СОВЕТСКИХ ВУЗАХ

В ситуации Холодной войны транснациональные научные и академические контакты превратились в неотъемлемую часть межблокового противостояния. В разных контекстах они использовались как средство имиджевой рекламы государства и системы в целом, а также как возможный канал идеологического и политического влияния. При наличии значительного количества междисциплинарных исследований академической и научной мобильности в Западном блоке, контакты внутри социалистического лагеря изучены достаточно слабо. Большинство зарубежных работ, предметом которых является образовательная политика в социалистическом лагере, посвящены изучению политики советизации восточноевропейских вузов¹, репрессивных мероприятий в адрес преподавателей и студенчества² или специфики научных контактов с Западом³. Однако не менее плодотворной представляется перспектива описания сферы советского образования и науки второй половины XX в., которая может рассматриваться как транснациональное социальное пространство⁴, где осуществлялся трансфер знаний и технологий, транслировались и усваивались определенные образцы толкования, возникла устойчивая коммуникация экспертного сообщества, часто на неформальном уровне и вне идеологических рамок.

Во второй половине XX столетия впервые российско-германская академическая мобильность поменяла свои масштабы и направление: вместо традиционного обучения российских граждан в считавшихся передо-

¹ См.: *Connelly J.* Stalinismus und Hochschulpolitik in Ostmitteleuropa nach 1945 // *Geschichte und Gesellschaft*. 1998. Bd. 24. S.6.

² См.: *Mueller M., Mueller E.-E.* «...Stürmt die Festung Wissenschaft!» Die Sowjetisierung der mitteldeutschen Universitäten seit 1945. Berlin, 1994; *Mertens L.* Rote Denkfabrik? Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Münster, 2004.

³ См.: *Niederhut J.* Wissenschaftsaustausch im Kalten Krieg. Die ostdeutschen Naturwissenschaftler und der Westen. Böhlau, 2007.

⁴ *Osterhammel J.* Transnationale Gesellschaftsgeschichte: Erweiterung oder Alternative // *Geschichte und Gesellschaft*. 2001. Bd. 27. S. 473; *Kaelble H.* Zur Entwicklung transnationaler Öffentlichkeit und Identitäten im 20. Jahrhundert. Eine Einleitung // *Transnationale Öffentlichkeit und Identitäten im 20. Jahrhundert*. Berlin, 2002. S. 9.

выми немецких вузах, студенты из ГДР в массовом порядке были направлены в советские университеты. В 1952 г. было заключено соглашение об обучении в СССР студентов и аспирантов из ГДР (гражданских специальностей), которое рассматривалось обеими сторонами как важная политическая задача по стабилизации молодой восточногерманской государственности и формированию научной и административной элиты. За сорок лет обучение в СССР прошли около 24 тыс. студентов и аспирантов из Восточной Германии¹. В условиях жестко ограниченного пространства академической мобильности пределами социалистического лагеря они рассматривали обучение в СССР в том числе как возможность выхода на мировой научный уровень, тем более, что диплом советского вуза давал в ГДР значительное карьерное преимущество. Несмотря на амбивалентность восприятия СССР и многочисленные конфликты, выпускники советских вузов стали самой большой группой восточногерманского общества, обладавшей опытом «социалистического сообщества» и намеренно или невольно транслировавшей его на родине. На материалах немецких и российских архивов, а также биографических интервью в статье будет представлено институциональное измерение академической и научной мобильности в пределах Восточного блока. Исследование этих аспектов позволит внести вклад в ведущиеся дискуссии о транснациональности культуры Холодной войны, сравнимости послевоенных диктатур и неформальном измерении социалистической интеграции².

*Ведомственное целеполагание и концепции обучения
за границей студентов из ГДР*

Согласно предписанию ЦК КПСС, обучение и воспитание студентов из стран народной демократии рассматривалось в качестве мероприятия, имеющего огромное политическое значение. Советским вузам вменялась в обязанность забота о подготовке высококвалифицированных, политически образованных и верных социализму специалистов для братских стран Восточной

¹ Bundesarchiv (далее – Barch). DR 3. Schicht 2. № 2329 [Studentenabteilung. 11.9.1987. Information über Studienjahr 1987/88].

² См., например: Passing through the Iron Curtain // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. № 4. P. 703-709; Boyer Chr. Ausblick // Vernetzte Improvisationen: Gesellschaftliche Subsysteme in Ostmitteleuropa und in der DDR / Hrsg. A. Schuhmann. Köln, 2008. S. 218; Gestwa K., Rohdewald S. Verflechtungsstudien. Naturwissenschaft und Technik im Kalten Krieg // Osteuropa. 2009. Vol. 59. № 10. S. 5-15.

Европы. При этом открыто признавалось, что наиболее важную роль играли именно политические соображения – прежде всего, заботы о постоянном расширении и интенсификации сотрудничества в социалистическом лагере. Идеологически-воспитательная работа с иностранными студентами рассматривалась как «одна из важнейших областей борьбы за победу коммунистической идеологии», ибо она должна была продемонстрировать капиталистическим и развивающимся странам солидарность социалистического лагеря¹.

Массовый исход ученых в Западную Германию и необходимость перестройки системы высшего образования по советскому образцу стимулировали руководство ГДР к отправке собственных студентов на обучение в СССР. Однако в сравнении с другими социалистическими странами организация первой делегации из ГДР затянулась, что было связано с общей политикой Советского Союза по германскому вопросу. Лишь отказ от планов создания «единой демократической» Германии и необходимость стабилизации восточногерманского государства привели к заключению официальных соглашений об обучении студентов и аспирантов из ГДР в Советском Союзе в мае 1952 г., хотя первые 172 студента к этому времени уже оканчивали свой второй семестр в советских вузах. С тех пор студенты превратились в самую многочисленную группу, отправляемую ежегодно в рамках академической и научной мобильности в Советский Союз. К 1970 г. они составляли 81% от общего числа отправленных, в то время как число восточногерманских ученых здесь не превышало 15%².

Следуя логике развития социалистической солидарности в Восточном блоке, СССР предоставлял в распоряжение студентов и ученых братских стран не только вузовскую инфраструктуру, но и результаты новейших научных разработок. Студенты и аспиранты проходили обучение и практику на закрытых предприятиях, получали возможность использования неопубликованных диссертаций для написания своих научных работ. Возникающие при этом конфликты с руководством библиотек, отделов диссертаций или предприятий решались преимущественно в пользу представителей социалистических стран³.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 483. Л. 11-15.

² Barch. DR3. Schicht 2. B 941/ b. [Aktivitäten der DDR im kulturellen und wissenschaftlichen Bereich, 1970].

³ РГАНИ. Ф.5. Оп.35. Д. 147 [ЦК КПСС. Секретно. 12.12.1960 г]. Л. 175-178.

Для восточногерманской стороны сотрудничество с СССР, в том числе в научной и образовательной сфере, являлось вопросом выживаемости государства. Научная коммуникация рассматривалась одним из средств борьбы и пропаганды, а уровень развития восточногерманской науки расценивался как важное доказательство превосходства социалистической системы. Статс-секретариат науки и техники предписывал и маститым, и молодым ученым: «на всех форумах следует представлять ГДР и ее политику в научном и политическом планах; противостоять активно и открыто направленным против ГДР и социалистических стран практикам Западной Германии, особенно попыткам превратить ФРГ в «страну международных конгрессов», а также вербовке ученых»¹. Сами представители научных учреждений, лишённые вследствие целенаправленной запретительной политики «Allied Travel Office» возможности интенсивных контактов с западными коллегами², оказались замкнуты на научных связях с социалистическими странами. Однако за фасадом официальной риторики о стимулировании подобных контактов, их реализация наталкивалась на сопротивление самой системы миграционного менеджмента в социалистическом лагере, в которой доминировало стремление ограничить частную коммуникацию и удержать научные контакты в официальных границах билатеральных соглашений, годовых планов и вузовских партнерств. В беседах с советскими представителями восточногерманские ученые отмечали, что они сталкиваются с «большими трудностями и ограниченными возможностями при организации поездок за границу и установлении личных научных контактов с советскими учеными и с поездками в СССР». Вина за подобное состояние дел возлагалась «на бюрократизм и волокиту соответствующих органов ГДР». Восточногерманские органы подчеркивали массовость подобных упреков и сложности даже при наличии тесных научных контактов с советскими учеными и попытках организовать поездку за свой счет³.

¹ Barch. DR3. Schicht 2. B 942/1 [Zum Stand der Erfüllung der Hauptaufgaben der Hauptabteilung Internationale Beziehungen. 27.9.1966].

² Barch. DR3. № 5923 [Senatskommission für Auslandsbeziehungen. 14.10.1963].

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9606. Оп. 2. Д. 139 [Запись беседы секретаря посольства СССР в ГДР с руководителем сектора международных связей Дрезденского технического университета М. Лангом. 11.7.1964 г.]. Л. 5-7.

Состав первых делегаций студентов отбирался из первокурсников восточногерманских университетов, либо выпускников рабоче-крестьянских факультетов, учащиеся которых наверстывали упущенные в годы войны возможности получения высшего образования и воспользовались проводимой новым правительством политикой образовательных льгот в адрес представителей небуржуазных социальных групп¹. Жесткий отбор по критериям социального происхождения, партийно-политической приверженности родителей и собственных идеологических представлений обеспечил отправку в числе первых студентов и аспирантов высоко мотивированных молодых людей, воспринимавших антифашистскую ГДР как собственный проект. При формировании позднейших делегаций значительный отсев кандидатов на этапе предварительного отбора заявок на обучение обуславливался не только кадровыми претензиями соответствующих органов, но и значительным количеством отказов самих выдвиженцев после детального знакомства с условиями обучения в СССР и предъявляемыми там требованиями².

В 1954 г. Секретариат СЕПГ принял правила обучения за границей. В качестве кандидатов рассматривались студенты рабоче-крестьянских факультетов, старшие школьники и начинающие студенты, подходившие по кадровым, общественно-политическим критериям и соответствующим знаниям. Основной же кузницей абитуриентов призван был стать рабоче-крестьянский факультет II (ABF II) при университете Галле, переименованный позже в Институт подготовки к обучению за границей и получивший почетное наименование «Вальтер Ульбрихт». Учащиеся института в Галле, отбравшиеся из лучших старшеклассников общеобразовательных и специализированных школ, углубленно изучали дисциплины трех направлений: естественных, общественных и медицинско-сельскохозяйственных наук, а также язык той социалистической страны, где планировалось их дальнейшее обучение³. Несмотря на доминирование в составе студенческих делегаций в СССР выпускников Института Галле, определенную квоту сохраняли специализированные школы с углубленной

¹ *Connelly J.* Creating the Socialist Elite. Communist Higher Education Policies in the Czech Land, East Germany and Poland 1945-1954. Harvard, 1994. P. 22.

² Barch. DY 30, № 7948 [Delegierung von Studenten und Nachwuchswissenschaftlern in die SU. 1.10.1970].

³ *Zech K.-A.* «...Nicht nur ein Foerderinstitut». Mit der Arbeiter-und-Bauern Fakultät II Halle wurde vor 50 Jahren eine kommunistische Kaderschmiede gegründet. Magdeburg, 2004. S. 6.

программой, а также выпускники школ, проходящие обязательную годовую «социалистическую практику» на предприятиях и готовящиеся к поступлению в вузы. При отправке на обучение в Советский Союз часть студентов уже имела специальные договоры с предприятиями и университетами о выплате специальных стипендий и дальнейшем трудоустройстве.

Взаимодействие СССР и ГДР по вопросам выстраивания системы обучения иностранных студентов подтверждает тезис Р. Стоуна об СССР как «слабом гегемоне»¹. Руководство ГДР обладало значительной самостоятельностью в расстановке приоритетов развития системы обучения за границей: именно восточногерманская сторона определяла направления обучения, соотношение специальностей, тематику дипломных и диссертационных работ. Количественная и качественная эволюция системы обучения за границей определялась исключительно практическими соображениями и потребностями народного хозяйства ГДР: если до 1958 г. основной упор делался на обучении специалистов общественных наук (60% студентов), которые должны были удовлетворить кадровый голод государственных организаций и университетской системы, то с конца 1950-х гг. произошел поворот к естественно-научным и техническим специальностям, что диктовалось тенденциями развития в ГДР технологичных отраслей производства². Отправляя студентов на обучение в социалистические страны статс-секретариат ГДР руководствовался уровнем развития и загруженности собственных образовательных учреждений, а также экономическими соображениями: к примеру, значительное число студентов отправлялось в советские вузы изучать нефтехимию из-за отсутствия возможности их обучения в собственных университетах, стоматологии – из-за нехватки мест на родине для обеспечения потребностей системы здравоохранения в квалифицированных специалистах; студентов гражданской авиации – невыгодностью введения столь дорогостоящей специальности в вузах ГДР³.

Направления обучения и соотношение полного срока и стажировок постоянно пересматривались и корректировались в зависимости от условий момента. К примеру, популяризация генетики в социалистическом ла-

¹ См.: Stone R. W. *Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade*. Princeton, 2002.

² Barch. DR3. № 1646 [Die Arbeit mit den deutschen Studenten im Ausland und den ausländischen Studenten in der DDR. 27.5.1958].

³ Barch. DY 30/ IV 2/9.04/620 [Zu Fragen des AS. 16.03.1960]; DR3. № 1347 [Abschrift. Abteilung Medizin. Sektor AS. 28.9.1962].

гере привела к увеличению числа студентов-биологов, причем упор делался именно на очной форме обучения с целью углубленного освоения новейших открытий в стремительно развивавшейся научной отрасли¹. В 1960-х гг. в связи с активизацией деятельности ГДР на международной арене увеличилось количество заявок на обучение восточногерманских студентов в МГИМО. При этом подчеркивалось, что «советская система образования может предложить студентам гораздо больше, чем наши собственные вузы»². Особенно это касалось специалистов по странам Южной и Восточной Азии, владеющих соответствующими языками³.

Реализация третьей реформы высшей школы в ГДР 1968 г. и существенное ограничение доступа к высшему образованию восточногерманской молодежи в целом привели к попытке очередного пересмотра концепции делегирования. Совет министров ГДР настаивал на сокращении числа молодых людей, направляемых на очное обучение за границы; их доля к этому моменту достигла 3% от общего числа первокурсников в вузах ГДР. Подчеркивая развитость собственной системы образования, руководство настаивало на увеличении количества студентов, принимаемых из социалистических и развивающихся стран. В качестве основной формы делегирования собственных граждан за границу отныне предполагалась стажировка⁴.

Стремление ГДР реализовать собственные интересы нередко приводило к противостоянию с советскими партнерами, которые полностью перенимали на себя расходы по обеспечению иностранных студентов, включая выплату стипендий⁵. В конце 1950-х гг., к примеру, советское министерство сетовало на нарушение соглашений: восточногерманская сторона не предоставляла именных списков абитуриентов в оговоренные сроки, не проводила экзаменов по требованиям советского министерства, что, по его

¹ Barch. DR3. № 5923 [Bericht über den Erfahrungsaustausch mit unseren Aspiranten in Moskau und Leningrad. 4.5.1959].

² Barch. DR3. № 2811 [Regierung der DDR an den Staatssekretär für das HUFW. 17.3.1960].

³ Barch. DR3. № 1734 [Leitungsvorlage. 19.8.1964].

⁴ Barch. DR3. B 1469/1a [Projekt Beschlusses des Präsidium des Ministerrates über die Konzeption für die Delegierung von Bürgern der DDR zur Aus- und Weiterbildung an Universitäten und Hochschulen der UdSSR und anderen sozialistischen Staaten in den Jahren 1973-74].

⁵ ГАРФ. Ф. 9606. Д. 1235 [Обучение иностранных граждан в учебных заведениях СССР, 1962 г.]. Л. 1-11.

мнению, приводило в дальнейшем к большому отсеву первокурсников¹. В 1960-х – начале 1970-х гг. советское руководство переориентировалось на развитие системы обучения студентов из развивающихся стран, в перспективе обещавших большой пропагандистский и экономический эффект. С этого момента переговоры о выделении требуемого количества мест превратились для ГДР в своеобразную торговлю: советская сторона жаловалась на перегруженность инфраструктуры и невозможность воспитывать в существующих условиях «сторонников и друзей» социалистического лагеря, указывала на высокий потенциал ГДР-овской системы образования и интересы других стран, которых Восточная Германия лишает квоты, оккупируя вслед за Вьетнамом максимальное количество мест в советских вузах². Трактуя риторику партнеров как призыв к «материальным отчислениям» с ее стороны, ГДР тем не менее продолжала настаивать на своих потребностях, соглашаясь на перевод студентов из столичных в менее реномированные провинциальные вузы³.

*Развитие делегации ГДР в советских вузах:
места и система обучения*

Опыт транснационального социалистического сообщества, приобретенный восточногерманскими студентами в СССР, во многом зависел от места обучения и фазы развития самой системы в целом. Первые две делегации концентрировались исключительно в столичных вузах, последующие помимо Москвы и Ленинграда распределялись в Днепропетровск, Харьков, Киев и Одессу⁴. В 1960-х гг. увеличение «землячества ГДР» и запрашиваемые специальности обусловили отправку студентов за пределы РСФСР и УССР (Азербайджан, Армению), а также в маленькие провинциальные вузы (Саратов, Волгоград, Воронеж, Ростов-на-Дону)⁵. Согласно

¹ РГАНИ.Ф. 5. Д. 58 [11.3.1957. ЦК КПСС. О состоянии работы среди студентов и аспирантов из стран народной демократии, обучающихся в вузах СССР]. Л. 9-16.

² Barch. DR3. Schicht 1. №180 [Studentenabteilung/ Auswertung der Delegation für das Studienjahr 1965/66]; Schicht 2. B 944a. [Niederschrift über eine Beratung im sowjetischen Hochschulministerium. 6.10.1970].

³ Barch. DR3. Schicht 2. B 944a. [Niederschrift über eine Beratung im sowjetischen Hochschulministerium vom 16.9.1969].

⁴ Barch. DR3. Schicht 2. B 941/b. [Entwicklung der Delegation der DDR-Studenten in der UdSSR].

⁵ Barch. DR3. № 2815 [Bericht über das Studienjahr 1963/64 von Botschaft der DDR in der UdSSR].

перспективным направлениям политики эмансипации в ГДР, в составе делегации постоянно повышалась доля девушек-студенток. Руководство страны настаивало на увеличении доли женщин с высшим образованием, особенно в сфере технических наук¹.

С одной стороны, обучение в рамках небольших групп соотечественников (от 1 до 10 студентов), а также удаленность от расположенных в Москве курирующих органов способствовали более плотной интеграции в языковую и культурную среду, возникновению значительных пространств свободного действия и, как следствие, большого количества конфликтов с курирующими организациями. С другой, радикальные отличия жизненного мира местного населения и неразвитость русскоговорящей среды приводили к частым конфликтам и просьбам партийных ячеек исключить из списка делегирования некоторые города².

В 1950-х гг. неотлаженность процедуры делегирования отражалась и на самой системе обучения. Студенты нередко становились жертвами ультимативности прагматических соображений восточногерманских делегирующих органов: желающие обучаться на определенных специальностях «уговаривались» поступать на другие. Неудивительно, что в процессе обучения большинство из них подавали заявления на смену специальности, часть же просто отчислялась. Однако, как свидетельствуют интервьюенты, возникали и обратные ситуации, когда настойчивость студентов приводила к уступкам со стороны восточногерманских органов³.

Несмотря на попытки организовать тщательный отбор будущих студентов и позиционирование обучения за границей как высокой чести и партийного задания, далеко не все студенты справлялись со сложностями вживания в чуждую среду, длительной оторванности от родных, а также с трудностями обучения. Так, отсеив из первых пяти делегаций был достаточно большим и колебался в пределах от 9 до 16%, большинство выбывало из-за слабой подготовки, часть – по дисциплинарным соображениям либо по здоровью⁴.

¹ Barch. DR3. № 6204 [Perspektivplan für die Ausbildung von Studenten und Nachwuchswissenschaftlern 1966-70. Gesamtes Ausland].

² Barch. DR3. № B 1186 [Information über Gespräche mit Studenten der DDR in der UdSSR. 9.5.1973].

³ Интервью с Ф. Гюнтером (15.07.2013).

⁴ Barch. DY 30, № 3734 [Bericht über das Studium der deutschen Studenten und Aspiranten in der UdSSR. 23.12.1953]; DY 30/IV 2/904/620 [Abschrift. Stand 1.12.1957]; DY

Основную сложность при обучении составлял русский язык, недостаточность знаний которого распространялась как на повседневную, так и на специализированную лексику. Из мемуаров в мемуары кочует воспоминание о первой лекции, из которой было записано только одно слово: череп – *Schaedel* – *Cranium*¹. По признанию советской стороны, студенты первой делегации достигли желаемого уровня языка только к окончанию второго курса². Ускорению интеграции способствовали дополнительные часы языковой подготовки, а также возможность досдавать специальные дисциплины по индивидуальному плану. Только с введением углубленной двухлетней подготовки в Институте Галле ситуация несколько улучшилась, тем не менее, полученного языкового уровня, особенно бытовой и профессиональной терминологии, не хватало даже выпускникам этого заведения. Помимо русского языка, основную трудность представляла математика, уровень преподавания которой в школах ГДР был, по признанию обеих сторон, значительно ниже³.

Значительная доля студентов воспринимали обучение в СССР как возможность выстраивания будущей карьеры в пределах ГДР и социалистического лагеря в целом. Многие уже во время обучения пытались выйти за пределы предлагаемой образовательной программы, посещая дополнительные лекции и сдавая дополнительные экзамены. Так, студенты ленинградских вузов сельскохозяйственных специальностей посещали дополнительные занятия по теории использования атомной энергии в своей отрасли, более половины студентов ЛГУ дополнительно изучали второй иностранный (английский) язык⁴.

30/IV 2/9.04/620 [Bericht ueber die Landsmannschaft in Moskau. 1957]; DY 30, № 7948 [Studentenabteilung Moskau. 5.10.1970. Abberufungen 1.Kurs].

¹ *Kaiser G.* Arbeit hat bittere Wurzel... aber süße Frucht. Reflexionen über die Anfänge des Auslandsstudiums deutscher Studenten in der UdSSR. Berlin, 2010. S. 88; *Lindenau K.-F.* Was geht mich die Russen an. Liebeserklärung an ein unverständenes Volk. Berlin, 2011. S. 73.

² Barch. DY 30, № 3734 [Bericht über das Studium der deutschen Studenten und Aspiranten in der UdSSR. 23.12.1953]; DR3. Schicht 2. B 942/1 [Studentenabteilung. 6.12.1966. Bericht über die fachlichen Ergebnisse im Frühjahrssemester 1966].

³ Barch. DR3 [Bericht über das Studienjahr 1963/64. Studenten- und Aspirantendelegation in der SU. Juni 1964]; B 944/b. [Delegierung von Studenten zum Auslandsstudium 1968/69].

⁴ Barch. DR3. Schicht 2. B 942/1 [Studentenabteilung. 6.12.1966. Bericht über die fachliche Arbeit der Studentendelegation der DDR in der UdSSR im Herbstsemester 1965/66].

Еще одной сферой студенческой активности стали научные кружки, к работе в которых молодые люди всячески мотивировались восточногерманскими курирующими органами. Студенты принимали участие в конференциях, выставках научных достижений, как в СССР, так и в Германии¹. При этом восточногерманская сторона рассматривала участие студентов в подобных форумах не только как фактор их собственного обучения, но и как средство обогащения научных дискуссий на симпозиумах, проводившихся в ГДР².

Студенческий отдел посольства ГДР в Москве часто привлекал своих подопечных к обслуживанию научных делегаций и выставок в СССР. Кроме того, поощрялись инициативы студентов по переводу научных книг с русского на немецкий язык в случае недостатка в ГДР учебников по определенным специальностям³. Однако лояльность курирующих органов в этой сфере заканчивалась, если студент действовал в обход официальных каналов, заключая индивидуальный договор с советской стороной на перевод, публикации или работу на радио⁴. Ненаказуемой подобная деятельность оставалась только в тех случаях, когда она не попадала в поле зрения официальных органов, как например, работа студентов из ГДР статистами на съемках киностудии «Ленфильм»⁵.

Помимо культурного шока, которым для многих стало знакомство с советской реальностью вне розовых очков восточногерманской пропаганды, студенты нередко были вынуждены конфронтировать с разницей научных школ и образовательного процесса в двух странах. Недопонимание студентов, которых курирующие органы настраивали на посещение всех лекций, вызывала сама система обучения с огромным количеством обязательных занятий и регулярными прогулами со стороны советских сокурсников без репрессий со стороны преподавателей⁶. Не все обучающиеся принимали универсальный характер получаемых знаний, к примеру,

¹ Barch. DR 3. № 2801 [Botschaft an das Staatssekretariat. 29.3.1961; Bericht über das Studienjahr 1963/64. Studenten- und Aspirantendelegation in der SU. Juni 1964].

² Barch. DR3. № 2811 [Ministerium für Landwirtschaft, Erfassung und Forstwirtschaft an das SHUFW. 2.3.1962].

³ Barch. DR3. № 2810 [Sektor AS. Übersetzung sowjetischer Lehrbücher auf dem Gebiet der Bohrtechnik und Erdöl/Erdgasgewinnung. 12.12.1961].

⁴ Barch. DR3. № 5098 [Aktenvermerk über eine Aussprache mit Zusatzstudenten am 6.1.1962].

⁵ Интервью с С. Гансом (06.08.2013); Интервью с Р. Кнудом (14.08.2013).

⁶ Barch. DR3. № 5936 [Stellungnahme der PL der PO Leningrad zu einigen Fragen der Parteiarbeit. 1956].

студенты-биологи высказывали сомнения в целесообразности изучения ими фауны тундры, отсутствующей в ГДР¹. Других возмущала слишком частая апелляция к авторитетам советской науки: студенты жаловались на лекторов, рассказывавших во время занятий только о достижениях русских и советских ученых, и даже шутили: «Если однажды в качестве примера не найдется русского ученого, то его определенно для этого выдумают»².

Особым сегментом обучения стала производственная практика, часть которой проходила на родине, часть – на советских предприятиях. Предприятия обязывались обеспечить практикантов бесплатным жильем в лучших общежитиях³, при этом в перечень мест прохождения подготовки отбирались исключительно образцовые заводы и учхозы. Сложности возникали при обучении специальностям, представляющим государственную тайну: ядерной физике, самолетостроению, машиностроению – или при нахождении базовых предприятий в закрытых для посещения иностранцев зонах. В этом случае руководители вузов были вынуждены вести длительную переписку с КГБ для получения специального разрешения⁴. Даже при отсутствии возражений со стороны КГБ следующей запрещающей инстанцией становилось Минобороны, включившее отдельные территории (например, Прибалтику) в число закрытых зон⁵.

Руководство вузов жаловалось на неоднозначность ситуации: им приходилось под всяческими предлогами отказывать студентам и стажерам в предоставлении информации, что ставило под угрозу выполнение индивидуальных планов и полноценную подготовку специалистов. В привычной внутриведомственной лексике вузы не только сигнализировали о выражении недовольства со стороны студентов и стажеров, но и о неблагоприятных тенденциях в развитии их политических настроений⁶.

¹ Barch. DR3. №157 [Protokoll des Kollegiums im Staatssekretariat. 15.1.1957].

² Barch. DY 30/ IV 2/9.04/626.

³ ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 30. Д. 966 [Секретно. Инструкция о порядке прохождения производственной практики студентами и подготовки диссертационных работ аспирантами – гражданами стран народной демократии, обучающимися в вузах СССР по оборонными специальностям. Согласовано с КГБ СССР. 2.10.1958 г.]. Л. 108-144.

⁴ ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 30. Д. 966 [Московская сельскохозяйственная академия им. Тимирязева. 5.3.1958]. Л. 44-45.

⁵ ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 30. Д. 966 [КГБ в МВО. 7.7.1959 г.]. Л. 176.

⁶ ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 30. Д. 1018 [Харьковский авиационный институт. 18.11.1959]. Л. 182; Д. 1019 [Московский химико-технологический институт – Заместителю министра Виссо РСФСР, 18.12.1959.]. Л. 18-19.

*Резюме: межпространственные биографии
и транснациональные карьеры*

По признанию К.-А. Цеха, выпускники советских вузов сделали по возвращению в ГДР «привлекательную, если не привилегированную карьеру»¹. Данное заявление требует некоторой корректировки. Рассчитывая на получение высококвалифицированных специалистов, руководство ГДР пыталось организовать их распределение задолго до выпуска. После возвращения оно пристально следило за их карьерным развитием: на выпускников советских вузов была заведена отдельная картотека, предприятия периодически запрашивались на предмет кадрового развития, учреждения образования и науки стимулировались более интенсивно привлекать специалистов с советским дипломом на руководящие должности. Нередко вновь формируемые научные учреждения либо отделы промышленных предприятий народной собственности комплектовались десятками специалистов одного выпуска прямо с советской университетской скамьи². Заранее распределялись выпускники МГИМО, после практик в зарубежных представительствах отправляемые на работу в Министерство иностранных дел ГДР³. Из 283 студентов, окончивших обучение в 1958 г., 74 сделали научную карьеру, 60 работали в партийном и государственном аппарате, 146 работали в сфере педагогики, в промышленности и сельском хозяйстве, СМИ, спорте, театре, кино. Из 20 аспирантов того же выпуска 9 избрали научную деятельность, 7 – партийный и госаппарат, 4 – практическую деятельность в экономическом и госаппарате⁴.

Специалистам с советским дипломом, работавшим на промышленных предприятиях, поручался перевод русскоязычной научной литературы, а также поддержание контактов с советскими партнерами⁵. Помимо институционально закрепленного сотрудничества между научными организациями ГДР и СССР по профилю исследований, выпускники поддерживали связи именно с теми вузами, в которых они учились. При этом речь шла не только о совместных конференциях, но и о научных и дидактических коллектив-

¹ Zech K.-A. Op. cit. S. 96.

² Barch. DR3. №2813 [Erweisungsprotokolle. 1961].

³ Barch. DR3. № 5909 [Regierung der DDR Kaderabteilung. 17.2.1959. Einsatz der Studenten des 6. Kurses des IMO in Moskau].

⁴ Barch. DY 30/ IV 2/9.04/623

⁵ Barch. DR3. № 5098 [VEB Eisen-und Hüttenwerke Thale. 6.4.1959. Beurteilung über den Kollegen O. Klaus].

ных проектах. Выпускники переводили на немецкий язык и редактировали публикации своих советских профессоров, вместе работали над написанием учебников и коллективных монографий¹. «Побочным эффектом» являлось вменение «пропагандистам германо-советской дружбы» многочисленных общественных и партийных обязанностей.

Из наиболее выдающихся выпускников, достигших профессиональных и карьерных высот, следует назвать министра металлургии К. Зингхубера, ректора Высшей школы экономики имени Бруно Лейшнера Р. Зибера, заместителя генерального директора VEB «Erdoel-Erdgas», замдиректора Центрального института оптики и спектроскопии Академии наук К. Тиссена, ректора Фрайбергской горной академии Д. Роттера, директора Академии педагогических наук Г. Нойнера, посла ГДР в Москве Г. Кенига². Разумеется, пространный список на этом не заканчивается. Часть бывших студентов сохранили транснациональный характер своей деятельности и работали в интеграционных структурах социалистического лагеря: комиссиях СЭВ, посольствах и торговых представительствах ГДР. По собственному признанию некоторых из них, это была вожденная работа, так как она давала возможность вновь на длительное время оказаться в Советском Союзе, вырвавшись из «провинциальной ГДР»³.

Следует подчеркнуть, однако, что успешная карьера в ГДР стала в основном уделом представителей старших поколений (и первых выпусков), для которых в становящейся ГДР было больше возможностей, чем в более позднюю и менее динамичную фазу развития восточногерманского государства. Тем не менее, значительная часть более поздних студентов, прошедших обучение в 1970-80-х гг. и не успевших сделать блистательную карьеру, сумели воспользоваться культурно-образовательным капиталом, прежде всего, знаниями языка, чтобы интегрироваться в новое общество и работать в сфере партнерства с Восточной Европой.

¹ К примеру, в центральном печатном органе ГДР сообщалось о написании проф. Х. Рихтером учебника по политической экономии, рецензентами и редакторами которого выступили его бывшие учителя – профессора из Советского Союза. См.: Neues Deutschland. 1973. 6 Okt. См. также: Barch. DR3. Schicht 2. № 2230 [Treffen von Absolventen sowjetischer Hochschulen aus Anlass des 70. Jahrestages der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. 23. 11. 1987].

² Barch. DR3. 2230 [Treffen von Absolventen sowjetischer Hochschulen aus Anlass des 70. Jahrestages der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. 23.11.1987 in Berlin].

³ Интервью с Э. Тигго (17.07.2013)

Алла Викторовна Пахомова (Саратов)

**DAS WAR EIN LAND:
ВОСПОМИНАНИЯ О НАУЧНОЙ СТАЖИРОВКЕ В ГДР
(1978/1979 гг.)**

Вспоминая о ГДР – Германской Демократической Республике, одном из двух германских государств, которые возникли на немецкой земле после Второй мировой войны, – представляются Лейпцигская ярмарка, Дрезденская Картинная галерея, Майсенский фарфор, оптика, выпускаемая цейсовскими заводами, кружева из Плауэна. Страна и ее люди, природные и культурные достопримечательности, индустриальные центры – все это постоянно всплывает в памяти, хотя прошло более 35 лет со времени научной стажировки в Высшей школе транспорта и связи «Фридрих Лист», город Дрезден.

В отличие от современных стажировок, подготовка к поездке в высшее учебное заведение социалистической страны – ГДР – заняла около двух лет: тщательный, многоэтапный отбор кандидатов, индивидуальные занятия с преподавателем немецкого языка, строгая медицинская комиссия, многочисленные анкеты и проверки и, наконец, завершающая стадия отбора – зональная комиссия в Волгоградском политехническом институте, куда направились кандидаты в стажеры из СПИ – Саратовского политехнического института, всего 2-3 доцента, кандидата наук, в том числе автор статьи, – для поездки в ГДР, а один из стажеров – в Чехословакию. Возглавлял нашу группу на комиссии в Волгограде начальник отдела кадров СПИ. Волнение потенциальных стажеров было неопишное: комиссия из более чем двадцати человек «тестировала» каждого из нас по различным вопросам: о стране, в которую мы направлялись, о языковой подготовке, цели стажировки, планах, ожидаемых результатах и путях их внедрения. Самым сложным было ответить на вопросы о программе стажировки: каких ученых ГДР, а особенно Высшей школы транспорта и связи, знаешь, из каких источников почерпнул информацию. В предметной области спрашивали о передовых германских автотранспортных предприятиях, о том, что известно о них по внутрипроизводственному хозрасчету (он был темой стажировки). Сейчас в Интернете, в имеющейся зарубежной литературе по отраслевой экономике можно найти, по сути, любую интересующую информацию. А в конце 70-х годов прошлого века это было пробле-

мой. Например, в отделе периодики библиотеки СПИ был только один журнал по автомобильному транспорту на немецком языке («Kraftverkehr»), который и послужил «отправной точкой» в изучении экономики транспорта в ГДР.

Итак, после заседания зональной комиссии, по возвращении в Саратов, мы ожидали результата еще несколько месяцев, пока шли многочисленные согласования Министерств высшего образования СССР и ГДР. И, наконец, после сложного, многоэтапного отбора пришло сообщение, что наши кандидатуры утвердили, вышел приказ по институту о длительной стажировке, и мы выехали в Москву. По завершении всех формальностей, группа стажеров из разных вузов городов союзных республик СССР (Украины, Молдавии, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана) поездом Москва-Берлин прибыла в столицу ГДР, где после напутственных слов в нашем посольстве на Унтер-ден-Линден направились по месту стажировки в вузы, научные центры, лаборатории и НИИ городов Дрезден, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт, Фрайберг, Магдебург и других.

В Дрездене в Высшей школе транспорта и связи были стажеры из Московского автодорожного института (МАДИ), Харьковского автомобильно-дорожного института (ХАДИ), а, кроме того, стажеры из других соцстран: из Польши, Чехословакии и особенно много из Вьетнама. Самая представительная группа стажеров из СССР и из других соцстран была в Дрезденском техническом университете, в который в настоящее время интегрировалась Высшая школа транспорта и связи на правах факультета.

Первая встреча наших стажеров с представителями Высшей школы транспорта и связи произошла в международном отделе, где нас дружески приветствовали и рассказали о порядке стажировки, о том, к какому факультету и кафедре мы будем прикреплены, в каком общежитии будем жить, какие будут социальные условия. На следующий день – знакомство с заведующим кафедрой экономики транспорта (WB), куратором (к каждому стажеру был прикреплен куратор, который помогал нам адаптироваться в новых для нас условиях, помогал решать бытовые вопросы, договаривался с руководителями автокомбинатов относительно профессиональных бесед по вопросам экономики автотранспорта и т.д.), коллегами, через несколько дней – с деканом, секретарем кафедры. Встретили приветливо, вежливо, высказали готовность оказывать всемерную помощь. Выделили на кафедре рабочее место, ознакомили с режимом работы кафедры.

Что представляла собой кафедра? Территориально она размещалась в главном здании, где были только управление вузом, кафедры, деканаты. Аудитории – в другом здании, так называемом корпусе для семинаров: здесь находятся аудитории, лаборатории, т.е. идет непосредственно учебный процесс. Сообщение с главным зданием – через переход на верхнем этаже. Хорошо это или плохо (раздельные здания) – вопрос неоднозначный: с одной стороны, хорошо, т.к. создана рабочая обстановка для творческой работы преподавателей (тишина, никакой суеты). Студент никогда не войдет в помещение кафедры, не постучавшись и не услышав ответ: «Да», «Войдите». Благоприятная рабочая обстановка создавалась и иными способами. Например, на нашей кафедре экономики транспорта в одном из помещений (а их было несколько: для преподавателей по экономике автомобильного транспорта, железнодорожного, воздушного), где мне было выделено рабочее место, площадью около 60 кв. м, размещалось четыре преподавателя, у каждого письменный стол, пишущая машинка «Оптим» (персональных компьютеров тогда еще не было), книжные шкафы, в которых много статистических сборников, периодика, учебники. Кстати, было приятной неожиданностью увидеть на одной из книжных полок кафедры учебники на русском языке (т.к. многие преподаватели кафедры неплохо владели им), написанные учеными нашего автомобильного факультета СПИ доцентом кафедры экономики автомобильного транспорта Алексеем Петровичем Анисимовым, в то время проректором и заведующим кафедрой экономики и организации автотранспорта, и Владимиром Петровичем Карташовым, доцентом кафедры эксплуатации автотранспорта. Немецкие коллеги были приятно удивлены, что это – преподаватели из СПИ, у которых мне довелось учиться. К тому же Алексей Петрович [Анисимов] был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Чувство гордости испытывали наши стажеры, в том числе и я, когда во время профессиональных дискуссий по вопросу экономики транспорта коллеги очень почтительно и уважительно отзывались о наших ученых-автотранспортниках, правда, лучше других они были знакомы со стажерами из МАДИ, ХАДИ, с которыми были установлены научные контакты. Саратов же они практически не знали: в то время это был город, закрытый для иностранных стажеров и студентов. Поэтому задавали необычные вопросы: Где этот город находится? Можно ли в Волге купаться? Есть ли в Волге рыба?

Стажировка проходила согласно плану, предварительно составленному и согласованному до поездки в Дрезден. Тем не менее, на заседании WB план уточнялся, например, относительно посещения автокомбинатов, встреч с работниками экономических служб крупных автопредприятий в других окружающих городах. Отступать от утвержденного плана было нежелательно, а по некоторым вопросам практически невозможно, т.к. велась предварительная договоренность с автокомбинатами: когда, в какое время будет возможна встреча с руководителями экономических служб предприятий, какие вопросы будут обсуждаться (в основном, в рамках темы стажировки).

Удалось побывать на автокомбинатах Дрездена, Франкфурта-на-Одере, Карл-Маркс-Штадта (ныне Хемниц). Беседы были посвящены системе планирования, материального стимулирования, организации внутрипроизводственного хозрасчета, оплате труда водителей и ремонтных рабочих. Сравнивали показатели работы автомобилей на автопредприятиях наших и в ГДР, методики расчета технико-эксплуатационных показателей работы автомобилей, планирования и распределения прибыли, организации перевозок, социальных условий работников автокомбинатов. Кстати сказать, во многом методики планирования показателей использования транспорта соответствовали нашим, это объяснялось взаимодействием стран – членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в области транспорта.

Ознакомление с опытом работы автокомбинатов было повседневной практикой кафедры экономики транспорта Высшей школы транспорта и связи. В частности, оно было реализовано в виде экскурсий студентов на автокомбинаты (как одно из учебных мероприятий). Согласно предварительной договоренности кафедры и автокомбината группа студентов с преподавателем на специально выделенном одним из предприятий Дрездена автобусе выезжала на комбинат. На одной из таких экскурсий мне удалось побывать.

Нас повезли на автокомбинат во Франкфурт-на-Одере. В начале экскурсии, согласно плану, директор по экономике прочел студентам лекцию об организации деятельности автокомбината, его структуре, показателях работы, системе премирования, социальном обеспечении работников предприятий, входящих в состав автокомбината. После ответов на вопросы, которые возникали у студентов, проводилась экскурсия по производственным и управленческим подразделениям. Особое внимание уделялось ознакомлению с вычислительным центром, с процессом подготовки плана

перевозок, путевой документации, применяемой вычислительной техники, программных продуктов. После обеда в столовой автокомбината – экскурсия по городу и возвращение в Дрезден. Такие экскурсии проводились раз в семестр для каждого курса, всегда на разные автокомбинаты.

Кстати, об особенностях автокомбинатов. В каждом округе ГДР был один автокомбинат, имевший сложную оргструктуру. В его состав входили автопредприятия – специализированные и смешанные, авторемонтные мастерские, станции технического обслуживания, в том числе, маленькие ремесленные предприятия частной формы собственности. Такая структура вполне оправдана: реализуются централизованная система обеспечения материальными ресурсами (автомобилями, запчастями), единые подходы к тарифной политике, социальной поддержке работников, повышению квалификации, исследованиям и разработкам, формированию системы планирования показателей.

Далее, об учебном процессе. Занятия – лекционные и семинарские – в больших ярусных аудиториях. Раздвижные доски. Запомнилось, что в каждой аудитории – раковина, кран с водой, полотенце (на доске писали тогда мелом). На кафедре в каждой комнате – также кран с водой и каждому сотруднику выделено персональное мыло и полотенце. Лабораторные работы проводились в специальных аудиториях с вычислительными машинками, имитационными моделями. Например, для экономистов железнодорожного транспорта при изучении инженерных дисциплин (выпускали, как и у нас в то время, инженеров-экономистов) – действующая модель железнодорожной станции, со стрелками, тепловозами, вагонами, СЦБ (сигнализация, централизация, блокировка). Для изучения экономики применялась интересная модель из сообщающихся стеклянных сосудов, имитирующих «перетекание» финансов. Технические средства обучения, в основном, кодоскопы, были в каждой аудитории. Учебные планы содержали (по родственной нам специальности – экономике автотранспорта) аналогичные дисциплины, правда, предусматривалось изучение русского языка, а также другого иностранного (английского, французского, испанского). Для изучения языка – специальные кабинеты, оборудованные микрофонами, наушниками. В таких кабинетах мы, как и стажеры из других стран, совершенствовались немецкий язык, по два часа практически каждый день.

Интересно проходил в Высшей школе госэкзамен по специальности, на котором мне разрешили присутствовать. Комиссия в составе 3-4 чело-

век, преподавателей кафедры, возглавляет заведующий кафедрой. Студент заходит в кабинет. Никаких билетов. Идет профессиональная беседа по задаваемой преподавателем теме, без предварительной подготовки, причем среди дополнительных вопросах может прозвучать такой: «Какой точки зрения Вы придерживаетесь в дискуссии на страницах журнала ... по поводу повышения эффективности использования производственной мощности на автотранспорте?» Оценка студенту выводится дифференцированная: по результату ответа на госэкзамене, среднему баллу за весь период обучения, знанию профессиональной литературы, причем для каждой из составляющих был установлен удельный вес. Такой подход к оценке знаний студентов на госэкзамене требовал от них регулярной, добросовестной, активной учебы и высокой трудовой дисциплины.

Удалось побывать и на защите диссертации. В принципе, порядок близок к нашим защитам, но присуждение степени происходит на совете, без утверждения Министерством образования. После защиты – поздравление новоявленному кандидату. Отмечаем в кафе без пышного застолья: боквурст и пиво, кофе.

Режим работы на кафедре с 8 до 17 часов. Обед и два небольших перерыва по 15 минут – чай или кофе. Угощают по очереди коллеги, но стоимость оплачивается каждым, на кафедре находится «коробочка» в виде копилки, куда надо бросить, например, 50 пфеннигов. У каждого свой бутерброд, в такой плоской алюминиевой коробочке, тонкие-тонкие кусочки хлеба, например, с сыром или колбасой. Хотела приобрести такую коробочку, но, к сожалению, как-то не удалось.

Столовая. Расположена в отдельном здании, в 300 м от учебных корпусов. Помещения для преподавателей и студентов – на разных этажах. Очереди не было. Преподавателям и студентам на обед профсоюзная организация выдавала на месяц талончики. Меню весьма скромное – из 2-3 блюд. Например, комплекс: тонкий вареный кусочек мяса, отварной картофель, капуста. Или густой суп с горошком, морковкой, картофелем. Или протертый горячий шпинат, сырое яйцо, клоза (такой «колобок» из манки). Или жареная селедка. Главное – в столовой не было хлеба. После такого обеда мы с коллегами направлялись на третий этаж, там кофе из автомата, 50 пфеннигов, можно несколько капель сливок и сахар. Никаких пирожных, пирожков. Результатом такого скромного питания, непривычного для нас, – похудела за три месяца на 12 кг (и когда приехала на рождествен-

ские каникулы в Саратов, меня не сразу узнавали). Но потом ничего, привыкли и к такому питанию. А в первый месяц после работы ездили на окраину Дрездена, в наш гарнизон – в ресторан, чтобы «поддержать» себя привычной пищей.

Перемещение по территории ГДР у нас было свободное, поэтому выходные дни мы старались посвятить турпоездам и турпоходам. Приобрели карту ГДР с достопримечательностями и намечали однодневный маршрут: автобусом, пригородным поездом. Но такие поездки – за свой счет. Нам платили ежемесячно стипендию как стажерам, и если «не шиковать», то хватало и на такие туры. Обычно в поездках объединялись в небольшие группы стажеры Технического университета и Высшей школы транспорта. Кроме того, были туристические маршруты, которые организовывала для нас кафедра, в рамках «Kulturprogramm». Такие поездки обязательно в сопровождении сотрудника кафедры, как правило, ассистентов, которые прилично владели русским языком, но общались мы с ними, в основном, на немецком языке, что, кстати, было хорошей языковой практикой.

Кратко поделюсь своими впечатлениями о некоторых поездках, в основном, в окружные центры, познавательных, интересных, с моей точки зрения, отдельными достопримечательностями.

Помнится, одна из первых турпоездок с группой наших стажеров состоялась буквально в первые выходные по приезду в город Лейпциг, поскольку практически все из нас знали о традиционной осенней ярмарке. Первое впечатление о городе несколько мрачное: возможно, от того, что была дождливая осенняя погода. Тем не менее, величие этого города определяется его историей: это – второй по величине город ГДР, в котором в течение 800 лет проводятся ярмарки: на осенних представлены лишь товары широкого потребления; на весенних демонстрируются технические изделия и товары широкого потребления.

Посетили некоторые павильоны выставки, дегустировали настоящий индийский чай, бразильский кофе (такого в те времена у нас в Саратове не было). Обратили на себя внимание сосредоточенные, интересующиеся буквально всем посетители из КНР. В Лейпциге был создан пользующийся мировой известностью хор мальчиков «Томанерхор», симфонический оркестр «Гевандхаусоркестер», которые продолжают богатые музыкальные традиции города, тесно связанные с именами композиторов Иоганна Себастьяна Баха, Рихарда Вагнера, Феликса Мендельсона Бартольди. Более

500 лет существует Лейпцигский университет. Лейпциг – крупный центр промышленности, книготорговли, важный железнодорожный узел.

Еще одно запоминающееся путешествие – в округ Шверин. Сопровождала меня ассистент кафедры Карин. Остановились в частной гостинице, по сути, это частный дом, в котором сдается отдельная комната, скромная, но уютная, тщательно прибранная. Хозяйка нас вежливо приветствовала и больше мы с ней не общались. На следующий день – поездки по городам округа. Строгая красота местности; красивейшие озера, с множеством лебединых семейств; интересные архитектурные сооружения, в частности, замок в Шверине; современный комплекс спортивных сооружений; крупные судовой верфи.

Из Шверина наше путешествие продолжалось в округ Росток – самый северный в ГДР. Первый город, который мы посетили в округе Росток, – Висмар. Это – морской порт, старый ганзейский город. Здесь вторая по величине верфь ГДР, где было построено первое в мире пассажирское судно с газотурбинным двигателем. Это – плавучий Дом отдыха Объединения Свободных немецких профсоюзов. Из Асница – порта железнодорожного морского парома – курсируют паромы Засниц-Треллеборг (Швеция), а из Варнемюнде – в Гедзер (Дания). На побережье Балтийского моря построены поселки для отдыхающих. Несмотря на то, что в ГДР мы видели много прекрасных мест для отдыха, отпускники сильнее всего стремятся отдохнуть на курортах именно Балтийского побережья, на островах Узедом, Рюген, расположенных вблизи побережья.

Округ Эрфурт. Одна из самых запоминающихся экскурсий в сопровождении ассистента нашей кафедры Дорис Шуберт. Дорис хорошо говорила по-русски, мы с ней несколько лет после завершения стажировки переписывались, причем письма она писала на весьма приличном русском языке. Первый город в этом округе – Эйзенах, идеальное место для туристических походов. Буковые леса, живописные долины. Главная цель походов – высоко возвышающийся над городом и далеко видный замок Вартбург. Экскурсия в замок и во двор замка, сохранившиеся простые постройки в романском стиле представила значительный интерес. Именно в этом замке в XVI в. веке христианский реформатор доктор Мартин Лютер перевел Новый Завет с греческого на немецкий язык и создал такими образом основу для единого немецкого литературного языка. Эйзенах – родина великого немецкого композитора и регента Лейпцигского хора мальчиков «Томанерхор» Иоганна Себастьяна Баха.

на Баха. В этом же городе выпускались легковые автомобили типа «Вартбург», которые в то время встречались на дорогах всех континентов (а сейчас это – «экзотика», как и пластмассовый автомобиль «Трабант»).

Следующий объект экскурсии – город Эрфурт, несколько столетий назад известный богатый торговый город. До 1816 г. здесь находился университет, бывший до XVI в. центром немецкого гуманизма. Сохранились изумительные строительные сооружения, среди них готический собор Эрфурта. Очаровательное впечатление оставило посещение международной выставки садоводства (IGA). Это была известная выставка мастерства и передачи опыта стран в области цветоводства и садового дизайна. Необыкновенное сочетание цветов, красивое, оригинальное оформление экспозиций привлекают многочисленных посетителей – специалистов и туристов, прибывающих на территорию бывшего замка Кириаксбург. Город Эрфурт известен не только как город цветов, но и как экспортер более чем в 80 стран стандартных пишущих машинок «Оптима», которые знаменовали переход с механики на электронику и долгое время «трудились» и на наших кафедрах, пока им на смену не пришли компьютеры.

Веймар. Город немецкой классической культуры. Увлекающиеся культурой и науками саксонско-веймарские князья привлекали одного за другим выдающихся представителей немецкой науки и культуры к своему двору. Наиболее значительные имена прошлого Веймара: художник Лукас Кранх Старший, композитор Иоганн Себастьян Бах, поэты Иоганн Вольфганг фон Гёте (кстати, на всех домах городов, где он останавливался, есть мемориальные таблички), Фридрих Шиллер, композитор Ференц Лист. Посещение музеев некоторых из перечисленных выдающихся личностей показывает, насколько трепетно, бережно сохранялась о них память.

Недалеко от Веймара – города с богатыми культурными традициями – на горе Эттерсберг, на территории бывшего фашистского концентрационного лагеря Бухенвальд находится памятник жертвам гитлеровского нацизма. Посещение этого памятника, посвященного тысячам узников из многих стран, начинается с показа документального фильма о концентрационном лагере. После просмотра этого фильма мы с Дорис долго молчали и не знали, что друг другу сказать. Что испытывала она в эти минуты – мне так и не удалось узнать.

Следующая поездка – в округ Котбус. Запомнилась посещением Сорбской Домовины. Это была собственная организация сорбов (лужиц-

ких сербов) – единственного национального меньшинства в ГДР. Сорбы – потомки славянского племени, занимавшего когда-то значительно более обширный район, они сохранили свою национальную самобытность, свой язык и культуру. Более чем в ста школах, в различных профессиональных училищах, средних специальных и высших учебных заведениях преподавание велось на сорбском языке, издавались книги и журналы на сорбском языке, имелась сорбская радиостанция, в театрах ставились в подлиннике спектакли из сорбского культурного наследия. Бросается в глаза то, что названия всех населенных пунктов и улиц даны на двух языках. Это ли не пример, как сейчас говорят, толерантности!

Ежемесячно все наши стажеры из Дрездена ездили на собрание в Консулат, расположенный в городе Карл-Маркс-Штадт. Поездка (однодневная) нам оплачивалась как командировка. Оформление командировки, равно как и отчет по командировке, были полностью на секретаре кафедры фрау Людвиг, неизменно корректной, аккуратной, доброй. Говорю ей, что мне нужно в такой-то день и час выехать на собрание. Она запишет все в блокнотик и через 1-2 часа приносит мне оформленную командировку. Аналогично и по отчету: сдаешь ей документы, и потом фрау Людвиг скажет, когда прийти в кассу, если перед отъездом командировочные я не получала. Так же она оформляла командировки и коллегам с кафедры – преподавателям. На собраниях в Консулате обсуждались организационные, воспитательные, учебные вопросы. В основном, это касалось студентов и стажеров из СССР, которые обучались в вузах ГДР. Успеваемость, посещаемость, участие в мероприятиях интернациональной дружбы. Мы были назначены кураторами групп студентов. Например, за мной были закреплены студенты из Прибалтики. В основном, они дисциплинированы, правда, студент из Эстонии, звали его Левальд, иногда пропускал занятия, и, к сожалению, мои воспитательные меры на него мало влияли. Он мне говорил, что по-русски понимает плохо, и мои доводы и увещевания доходят до него с трудом. Зато я неоднократно видела его бродящим в гордом одиночестве по берегу Эльбы, читающим книги на родном, эстонском языке. Организовывали со студентами, нашими стажерами, субботники, в них участвовали и работники предприятий, куда нас направляли. Например, на апрельском субботнике мы убрали металлолом на одном из предприятий Дрездена. Участвовали в нем стажеры из Высшей школы транспорта и связи и Технического университета. После субботника нас угостили кофе.

Округ Потсдам. Поездка была посвящена знаменитым сооружениям, среди которых Сан-Суси, дворец Цецилиенхоф и живописные окрестности как центры отдыха. Потсдам и Сан-Суси так же неразделимы, как Дрезден и Цвингер, Лейпциг и Лейпцигская ярмарка. Сан-Суси – бывший королевский загородный дворец, который был построен по приказу прусского короля Фридриха II. Расположен в самом центре огромного парка, в котором находятся чайные беседки, скульптуры, красивые фонтаны. Не случайно, дворец стал культурным центром, притягательным пунктом для многих туристов, в том числе из-за рубежа.

И, наконец, Саксонская Швейцария. Эльба с широкой речной долиной. Кёнигштайн, Бауцен, Дрезденский базар. Ставший нам уже родным город Дрезден. Сокровища культуры. Почти год мы имели возможность буквально впитывать культурные традиции этого уникального города на Эльбе. Неоднократное посещение Дрезденской картинной галереи. Цвингер. Зеленые своды – «Грюнес гевёльбе». Галерея Земпера. Музей гигиены. Большой сад и парки. Кирхи, в одной из которых, в центре Дрездена, шли торжественные службы, посвященные вступлению на престол нового Римского папы Иоанна Павла II. Позже, во время стажировки в Италию, у нас была экскурсия в Ватикан, и нам удалось в Соборе Святого Петра увидеть его во время мессы.

Из Дрездена мы с коллегой кафедры экономики транспорта Высшей школы Вероникой побывали на экскурсии в 1000-летнем Майсене. Замок Альбрехтсбург. Фарфоровая Майсенская мануфактура, основанная в 1710 году. Удалось ознакомиться с полным процессом – от гончарного круга до росписи вручную и обжига изделий – изготовления необыкновенного, всемирно известного фарфора, с фирменной эмблемой «голубые мечи», отличающегося особой глазурью поверхности изделий. Запечатлелся музей фарфора при мануфактуре: букеты цветов из фарфора, подобное есть в Эрмитаже, фигуры животных и птиц из белоснежного фарфора, фарфоровые миниатюры, правда, изделия очень дорогие.

Далее, была поездка в город Пирна. Это – окрестность Дрездена. Здесь побывали на выступлении на открытой сцене, на берегу Эльбы, знаменитого дрезденского хора мальчиков, «Кройцхор», с ангельскими голосами.

Величественный город Дрезден. Имеет мировую известность не только потому, что это город науки и современной промышленности. Это – ведущий научно-технический центр. Кроме Технического универси-

тета и Высшей школы транспорта и связи, Высшая музыкальная школа, Художественный институт, Медицинская академия, широко известное балетное училище Греты Палукки (в которое нас любезно пригласили на экскурсию, на одну из репетиций, вела ее сама Грет Палукка, в весьма преклонном возрасте, но необыкновенно энергичная, изящная, как и подобает знаменитой балерине).

Берлин. В основном, были в столице ГДР проездом: по приезде на стажировку и возвращении. От вокзала, если идти по Фридрихштрассе в южном направлении, то можно быстро дойти до известной берлинской магистрали Унтер-ден-Линден. На этой улице наше посольство, в котором мы были дважды. Экскурсии по городу: площадь Александерплац, знаменитые часы, показывающие время в разных столицах мира, Бранденбургские ворота – символ Берлина (не ближе 200 метров), Музейный остров. Огромное впечатление произвел тогда музей, в котором находится знаменитый Пергамский алтарь.

Это – эпизоды. Можно было бы еще многое рассказать о той стране, которой уже нет на карте мира. Вспоминается дружелюбное, внимательное отношение к нам, готовность помочь освоиться в новой, не самой простой для нас ситуации. Ведь мы столкнулись с языковым барьером. Кроме того, известные черты, свойственные нашим немецким коллегам: педантичность, собранность, и, я бы сказала, сконцентрированность на работе, вызывали необходимость работать над собой, прилагать определенные усилия, чтобы адаптироваться к среде. Мы наблюдали смену времен года в этой стране – приехали на стажировку осенью, а возвращались жарким летом.

Между тем, цели стажировки были достигнуты. Помимо научных задач, были и, как мы сейчас говорим, глобальные цели: укрепление интернациональной дружбы между народами СССР и ГДР. Прошло достаточно много лет с того периода. Мы каждодневно общались с жителями ГДР, с коллегами, со студентами и встречали практически всегда уважение, почтение к нам, представителям Великой, дружественной страны. Досадные мелочи, неприятности забылись. Очень грустно, что нельзя вернуться в страну, которой уже нет на карте. Но теплые воспоминания о ней, и о немецких коллегах остались.

**BINATIONALE LEHRERHANDREICHUNGEN –
WEGBEREITER ODER ALTERNATIVE
ZU EINEM GEMEINSAMEN GESCHICHTSSCHULBUCH?
DEUTSCH-POLNISCHE ERFAHRUNGEN**

In den 1990er Jahren war die Gemeinsame deutsch-polnische Schulbuchkommission mit zwei Desiderata konfrontiert. Zum einen waren die von ihr herausgegebenen «Schulbuchempfehlungen»¹ aus dem Jahr 1976 zum Teil anachronistisch geworden, denn diese waren noch zwischen der «alten» Bundesrepublik und der Volksrepublik Polen vereinbart worden und spiegelten insbesondere in etlichen Aussagen zum zwanzigsten Jahrhundert noch die Konfrontation der Gesellschaftssysteme in Ost und West wieder. Der Wunsch nach einer überarbeiteten Fassung dieser Empfehlungen wurde deswegen laut. Zum anderen erwies sich das Fehlen didaktischer Hinweise als ein offensichtlicher Schwachpunkt der Publikationstätigkeit der Kommission. Schon lange wünschten sich Lehrer eine konkretere Hilfestellung für die Behandlung deutsch-polnischer Geschichte im Unterricht².

Die Kommission beabsichtigte mit der Herausgabe einer Lehrerhandreichung beiden Wünschen gerecht zu werden. Diese sollte sich auf das zwanzigste Jahrhundert konzentrieren, da jener Geschichtszeitraum im Curriculum beider Länder eine zentrale Bedeutung inne hat und er historiographisch am revisionsbedürftigsten war. Nach einer etwa zweijährigen Bearbeitungszeit wurde im Jahr 2001 das Buch unter dem Titel «Deutschland und Polen im zwanzigsten Jahrhundert. Analysen, Quellen, didaktische Hinweise» der Öffentlichkeit vorgelegt³. Die polnische Ausgabe erschien parallel⁴. Die Gesamtauflage erreichte –

¹ Empfehlungen für Schulbücher der Geschichte und Geographie in der Bundesrepublik Deutschland und in der Volksrepublik Polen / Hrsg. Gemeinsame Deutsch-Polnische Schulbuchkommission. Braunschweig, 1977.

² Vgl.: Maier R. Deutsch-polnische Verständigung über Geschichte. Von den Schulbuchempfehlungen zur aktuellen Lehrerhandreichung // Vom Erinnern zum Verstehen. Pädagogische Perspektiven deutsch-polnischer Verständigung / Hrsg. W. Keim. Frankfurt/M., 2003.

³ Deutschland und Polen im zwanzigsten Jahrhundert. Analysen, Quellen, didaktische Hinweise / Hrsg. U. A. J. Becher., W. Borodziej, R. Maier. Hannover, 2001.

⁴ Polska i Niemcy w XX wieku. Wskazówki i materiały do nauczania historii / Ed. przez U. A. J. Becher., W. Borodziej, K. Ruchniewicz. Poznań, 2001.

schließt man die polnische Ausgabe mit ein – mehr als 32.000 Exemplare. Die deutsche Ausgabe umfasst 432 Seiten, die polnische 292.

Bei der Konzeption binationaler Lehrerhandreichungen gilt es eine Reihe von Grundsatzentscheidungen zu fällen. Die Umsetzung wirft in der Regel zudem nicht wenige Probleme auf. Es soll im Folgenden auf einige Fragen und Schwierigkeiten eingegangen werden, die das Projekt «Deutsch-polnische Lehrerhandreichung» begleitet haben. Dabei soll der Leser nicht gelangweilt werden mit jenen Widrigkeiten, die immer auftauchen, wenn ca. zwanzig Autoren aus zwei Ländern unter einen Hut gebracht werden müssen. Das zentrale Problem bestand in der Vorgabe, eine Auswahl und didaktische Bearbeitung von Unterrichtshilfen und Materialien in einem Entwurf synchron für den polnischen und deutschen Geschichtsunterricht anzubieten. Die von der Gemeinsamen deutsch-polnischen Schulbuchkommission verantwortete Lehrerhandreichung sollte selbstredend auf Deutsch und auf Polnisch erscheinen. Eine zweisprachige Ausgabe hätte sich bestenfalls für bilinguale Schulen angeboten, ist aber schon angesichts des großen Seitenumfangs und der weitgehend nationalen Rezeption keine Alternative gewesen.

In einer abschließenden Zusammenfassung soll die binationale Lehrerhandreichung gegenüber einem binationalen Schulbuch abgewogen und eingeordnet werden.

Präliminarien und Erfahrungen.

Thematischer oder chronologischer Aufbau?

Die Herausgeber der Lehrerhandreichung waren sich dessen bewusst, dass die Lehrer in den seltensten Fällen die Möglichkeit haben, ganze Unterrichtseinheiten über die Geschichte des Nachbarlandes zu gestalten und dass ihnen an einer bloßen Stoffvermehrung nicht gelegen sein kann. Man konnte davon ausgehen, dass für eine systematische Behandlung der deutsch-polnischen Beziehungsgeschichte oder (in Deutschland) gar der polnischen Geschichte an der Schule kaum Platz sein würde. Deswegen folgt die Lehrerhandreichung konzeptionell weniger einem chronologischen als einem flexibleren thematischen Aufbau. Ins Zentrum wurden Themen, Ereignisse und Entwicklungen gerückt, die Europa in diesem Jahrhundert den Stempel aufdrückten und die sich zugleich in einem deutsch-polnischen Miteinander bzw. Gegeneinander niederschlugen. Damit wurde zugleich ein europäischer Ansatz verbunden. Als Hauptpunkte erscheinen: I. Weltkriege und Grenzen,

II. Bevölkerungsprobleme, III. Strukturprobleme und IV. Politischer Rahmen. Die moderne Geschichtsdidaktik liefert zudem gute Gründe, von strengen Chronologien abzurücken. Die Chance, Deutsch-Polnisches im Unterricht zu verankern, besteht darin, dass zu behandelnde allgemeine Phänomene gegebenenfalls auch einmal am deutsch-polnischen Beispiel studiert werden. Auf diese Weise können Lehrer in ihrem Geschichtsunterricht quasi immer wieder «ein Fenster nach Polen (resp. nach Deutschland) aufmachen». Auf dem Lehrplan stehende Themen wie «Grenzen in Europa», «Erbfeindschaften», «Minderheiten», «Migration», «Vertreibungen», «kommunistische Herrschaft», «Geschlechterbeziehungen» usw. bieten dazu die Möglichkeit. Diese tauchen dementsprechend als Kapitel in der Handreichung auf.

*Wie vermeidet man nationale Einfärbung bei der Darstellung
der Themen?*

Alle Themen werden in der Handreichung durch kurze, dem heutigen Forschungsstand entsprechende Sachanalysen eingeführt und vorgestellt. Den deutschen und polnischen Nutzern sollte die Gewähr geboten werden, dass diese Darstellungen gesicherte, unpräntiöse Erkenntnisse übermitteln, die nationale Sichtweisen weitgehend vermeiden bzw. diese in fairer Weise austarieren. Angestrebt war eine Synthese der beiden nationalen Geschichtsschreibungen. Nur im Ausnahmefall, bei gänzlicher Unvereinbarkeit der Standpunkte, war die dezidierte Gegenüberstellung deutscher und polnischer Positionen angedacht. Idealer Weise werden solche Texte von einem binationalen Autorenpaar geschrieben. Im konkreten Fall erwiesen sich die Probleme der Textgenerierung als wesentlich geringer, als sie normalerweise bei einer Zusammenführung zweier nationaler Narrative sind, deren Gegensätzlichkeit ursprünglich geradezu programmatisch war. Der Grund lag darin, dass den Beteiligten der so entstehende Texttypus nicht mehr neu war. Bereits bei der Erstellung der eingangs erwähnten «Empfehlungen» von 1976 wurden entsprechende Syntheseverfahren ausprobiert und im Laufe von zwei Jahrzehnten verfeinert. Die lange Erfahrung sowie das entstandene gegenseitige Vertrauen führten dazu, dass die einzelnen Kapitel häufig lediglich von einem deutschen oder polnischen Wissenschaftler geschrieben wurden und nur im Einzelfall von einem gemischten Team. Beabsichtigt war dieses pragmatische und Zeit sparende Vorgehen nicht von vornherein. Es bot sich an, als sich herausstellte, dass die vorgelegten Entwürfe kaum der Korrektur des Tandempartners bedurften. Der

workflow sah zudem vor, dass die Texte von einem binationalen Redaktionsgremium¹ gegengelesen werden. Nach einer Besprechung wurde der Text – so notwendig – dem Autor mit Verbesserungsvorschlägen erneut vorgelegt. Der endgültige Text musste von beiden Seiten verantwortet und gebilligt werden. Das Verfahren sah vor, im extremen Fall – der jedoch nicht eintrat – mit einem anderen Autor einen neuen Versuch zu unternehmen, falls im Redaktionsgremium keine Einstimmigkeit erzielt werden konnte.

*Wie kann die didaktische Qualität
der Handreichung sichergestellt werden?*

Der Erfolg einer Lehrerhandreichung hängt wesentlich von ihrer Tauglichkeit für den Unterricht ab. Ursprünglich war geplant, dass die Fachwissenschaftler ihre Kapitel bereits mit didaktischen Überlegungen versehen. Es zeigte sich jedoch, dass die meisten damit überfordert waren. Eine reflektorische Rückbindung der geleisteten Sachanalysen an die Zielsetzungen des Schulfaches Geschichte und an die Möglichkeiten des Geschichtsunterrichts war jedoch unverzichtbar. Es sollte unter allen Umständen vermieden werden, dass Lehrer mit notwendigerweise stark abstrahierenden, zuweilen fast enzyklopädischen Artikeln allein gelassen werden. Da die Herausgeber nicht selbst in die Autorentexte mit eigenen didaktischen Gedanken eindringen wollten und konnten, änderten sie die Konzeption. Die Didaktisierung erfolgte nun separat durch Geschichtsdidaktiker². Sie waren es auch, die auf Vorgaben in den Curricula hinwiesen und so die Aufnahme des Themas «Frauenrollen, Frauenrechte, Frauenbewegungen» sowie einen Beitrag zum jüdischen Bevölkerungsteil veranlassten.

Der reizvolle Gedanke einer parallelen Umsetzung auf Doppelseiten (links: fachhistorische Analyse – rechts: didaktische Bearbeitung) musste wegen

¹ Das Redaktionsgremium wurde vom Präsidium der Schulbuchkommission eingesetzt. Es bestand aus sechs Personen, unter ihnen die beiden Kommissionsvorsitzenden. Neben den Herausgebern waren dies Fachleute aus dem Kreis der Kommission, auf deren Expertise man nicht verzichten wollte.

² Karl Pellens urteilt, dass auch diese Maßnahme das grundsätzliche Dilemma dieser deutsch-polnischen Lehrerhandreichung nicht mehr hat auflösen können. Dieses läge darin, dass Fachhistoriker zunächst ohne breite und intensive Heranziehung didaktischer Kompetenz das konzeptionelle Design des Werkes festgelegt hätten. Siehe seine Rezension in: Yearbook 2002 of the International Society for History Didactics. Schwalbach, 2002. S. 168-177. Tatsächlich war man im Redaktionsgremium der Lehrerhandreichung zunächst davon ausgegangen, dass die Ergänzungen von didaktischer Seite wenig umfangreich sein würden, so dass mit einer Broschüre mit einem Umfang von insgesamt 40 bis 60 Seiten zu rechnen sei.

Layout-Problemen verworfen werden. Die didaktischen Überlegungen wurden nach jedem Großkapitel eingefügt.

Nationale Zielgruppen einheitlich oder separat ansprechen?

Den didaktischen Hinweisen kommt die Aufgabe zu, das Potential an Erkenntnis und Einsicht sowie die Lernchancen, welche die angeführte Geschichte birgt, auf der schulischen Ebene zur Entfaltung zu bringen. Dabei werden Gegenwartsbezüge geschaffen, Perspektivwechsel vorgeschlagen, an vermutetes Vorwissen angeknüpft und durchaus auch unkonventionelle Wege der Vermittlung historischen Bewusstseins gegangen. In den Hinweisen wird erörtert, was das historisch Bedeutsame aus unserer heutigen Sicht jeweils ist und mit welcher Zielsetzung das Thema im Unterricht behandelt werden sollte. Es wird der Frage nachgegangen, was Schüler der dargebotenen Thematik abgewinnen können, was für sie besonders interessant sein könnte und wofür sie evtl. sensibilisierbar sind. Es werden Möglichkeiten des Unterrichtseinstiegs angeboten. Es wird zuweilen auch gesagt, was vermieden werden sollte. All dies ist zielgruppenabhängig. Deutsche und polnische Schüler unterscheiden sich in ihrem Vorwissen, ihren familiären Prägungen und in ihren Vorurteilsstrukturen. Um zielgerichtete, konkrete Lernprozesse zu ermöglichen, Redundanzen zu vermeiden und die Schülerzentriertheit zu erhöhen, schien es angebracht, vom Prinzip identischer Texte in der deutschen und polnischen Fassung abzuweichen. Die Ausarbeitung der didaktischen Hinweise wurde auf deutscher Seite von Wissenschaftlern des Georg-Eckert-Instituts vorgenommen, auf polnischer Seite durch einen Historiker und Geschichtsdidaktiker aus Breslau. Dies geschah durchaus im gegenseitigen Austausch, so dass die beiden Teams voneinander profitieren konnten. Geschockt waren die deutschen Bearbeiter dennoch, als der polnische Vorsitzende nach Lektüre ihres Entwurfs auf einer Redaktionssitzung einleitend feststellte: «Die von deutscher Seite vorgelegten didaktischen Bemerkungen halte ich für gut, allerdings sind 90 Prozent davon im polnischen Unterricht nicht anwendbar». Am Ende der Sitzung stand nach intensiven Erörterungen allerdings dann doch eine günstigere Prognose. Als Leitlinie der Weiterarbeit wurde festgehalten, dass aus der deutschen didaktischen Bearbeitung möglichst große Bestände an Überlegungen und Anregungen in eine adaptierte polnische Fassung übernommen werden sollten. Ein willkommener Effekt einer binationalen Zusammenarbeit ist es, den Horizont der nationalen Lernkulturen zu weiten und geschichtsdidaktische Innovationen

auszutauschen bzw. auszulösen¹. So kann die in einem Land eventuell etwas unkonventionelle Annäherung an die Geschichte für das andere zwar leicht irritierend, aber vielleicht gerade deshalb anregend sein. Sie kann zu einem geschichtsdidaktisch erweiterten Quellenbegriff führen oder dazu, der Sozial-, Gender- und Alltagsgeschichte prominentere Plätze zuzuweisen². Dadurch werden Angleichungsprozesse initiiert, welche die Grundlage für zukünftige Kooperation verbessern.

Generell wird man sagen können, dass die Notwendigkeit einer Differenzierung nach nationalen Zielgruppen von der Unterschiedlichkeit der Lernkulturen und dem Konkretisierungsgrad der Ausarbeitung abhängt. Ein fertig ausgearbeitetes Unterrichtsmodell birgt die größte Gefahr, auf Rezeptionshindernisse in einem der beiden Länder zu stoßen. Aus diesem Grunde verzichtete die deutsch-polnische Lehrerhandreichung auf elaborierte Unterrichtsentwürfe und bietet in erster Linie Rohstoff für Lernzielplanung, Bearbeitung, Strukturierung, Kürzung und Zuspitzung.

Die Quellenausstattung – Ergänzung oder konstitutiver Bestandteil der Handreichung?

Schon zu einem frühen Stadium war ersichtlich, dass die Lehrer mit den wohl gemeinten Ratschlägen, Hinweisen, Lernzielen, vorgeschlagenen Perspektivwechseln und Fokussierungen ohne ein breites Materialangebot relativ wenig würden anfangen können. Die Geschichte anderer Nationen ist einem Lehrer in der Regel – wenn nicht zentrale europäische Geschichtsphänomene tangiert sind – nur in Übersichtsdarstellungen zugänglich. Die übliche Vorgehensweise, sich individuell gezielt Quellen zusammenzusuchen, scheitert meist an der Sprachbarriere. Also wurde damit begonnen, dem Band unterrichtstaugliche Materialien beizufügen: amtliche Dokumente, Zeitzeugenberichte, Deutungen von Historikern, selbstverständlich auch Karten, Fotos, Bilder, Karikaturen und Pla-

¹ Jerzy Maternicki hat die deutsche und polnische Geschichtsdidaktik in ihrem Aufeinanderwirken betrachtet und die prinzipielle Offenheit der polnischen Didaktik für «Inspirationen von Außen» betont. Dabei handle es sich aber niemals «um die mechanische, kritiklose Übertragung fremder Muster, sondern um eine kreative Anpassung». Zitiert in: Nowe drogi w nauczaniu historii. Współczesna dydaktyka historii / Ed. przez J. Centkowski, J. Maternicki, K. Pellens, H. Süßmuth. Rzeszów, 1999. S. 9.

² Dass von der Lehrerhandreichung gerade in dieser Beziehung positive Impulse ausgehen dürften, betont Joanna Wojdon in ihrer Rezension des Buches. Siehe: Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobotka». 2002. № 1. S. 111-113.

kate. Die Herausgeber hegen die Hoffnung, dass diese Materialien an sich bereits Schüler zum Lesen und Betrachten verleiten können. Die detaillierten Hinweise auf Internet-Adressen, audiovisuelle Medien, Jugendliteratur sowie vorhandene Unterrichtsmaterialien erweitern die Informations- und Handlungsmöglichkeiten von Lehrern und Schülern beträchtlich. Auf diese Weise gerierte der Quellenteil der Lehrerhandreichung zum eigentlichen «Kern» des Werkes, was sich auch in den quantitativen Proportionen niederschlägt. In der deutschen Ausgabe beansprucht er drei Viertel des Umfangs.

Der gewählte didaktische Zugriff ist eng verknüpft mit dem Prinzip des quellenorientierten Lernens. Anhand der Quellen kann nach diesem Konzept historisches Wissen selbständig erarbeitet werden, Erfahrungen überliefert, Interpretationen gewonnen sowie Standpunkte eingenommen und kritisiert werden. Gerade dieses Angebot soll die Verwendbarkeit des Lehrerhandbuchs im Geschichtsunterricht erhöhen. Ursprünglich war geplant, die Quellen in die didaktischen Überlegungen einzuflechten. Es zeigte sich allerdings, dass diese Quellen den Text zu sehr «zerzissen». Sie wurden deshalb in einem Anhang nachgestellt. Vom Komprimierungsdruck befreit, konnten nun auch Quellen in weniger stark gekürzter Fassung offeriert werden. Nachträgliche Längenadjustierungen stellen für Lehrer kein Problem dar. Die moderne Geschichtsdidaktik bedient sich legitimer- und sinnvoller Weise auch solcher Materialien, denen die historische Forschung nur einen Quellencharakter im weiteren Sinne zubilligt. Von daher ist der Terminus Quelle im weitesten Sinne zu verstehen: Dazu zählen auch literarische Zeugnisse, Gedichte, Gemälde, Witze, Graffiti, Briefmarken etc. Es versteht sich von selbst, dass es umfangreiche Materialien gibt, deren Abdruck aus Gründen des Umfangs nicht sinnvoll oder nicht möglich ist. In diesen Fällen beließen es die Herausgeber bei einem bibliographischen Verweis. Entsprechend wurden auch Hinweise auf Filme sowie Internet-Angebote gegeben. Der Materialienanhang weist in der deutschen Ausgabe 205 und in der polnischen 94 Quellen auf.

Gleicher oder unterschiedlicher Quellenkorpus?

Obgleich die Bearbeiter sich bei der Quellensuche auf Mitwirkung aus dem Partnerland stützen konnten und sich Mühe gaben, den gesamten Adressatenkreis, also deutsche und polnische Schüler, im Auge zu behalten, ertappten sie sich beständig dabei, dass sie sich unwillkürlich vermehrt der „eigenen“ Seite zuwandten. Die Pädagogen hatten ihre „eigenen“ Schüler vor Augen, deren Sozialisation, Interessen, mentalen Voraussetzungen ihnen einfach geläufiger waren. Bei der

Auswahl der Materialien durch die deutschen Bearbeiter drohten solche polnischen Ursprungs zu überwiegen, denn diese schienen aus deutscher Sicht interessant. Für polnische Schüler wären diese Materialien aber mitunter banal gewesen. Diese wiederum wollen etwas über Deutschland erfahren, unter Umständen Begebenheiten, die deutschen Schülern allgemein geläufig sind und die deshalb nicht in einer spezifischen Lehrerhandreichung wiederholt werden mussten. Man einigte sich darauf, dass in Bezug auf die Karten und beziehungsgeschichtlichen Quellen ein weitgehend identischer Quellenblock Aufnahme finden sollte. Für das polnische Publikum sollten zusätzliche Materialien über Deutschland aufgenommen werden. Viele Quellen zu Polen, die in die deutsche Fassung Eingang fanden, konnten in der polnischen wegfallen. Dass im Endergebnis die deutsche Ausgabe die polnische um über hundert Seiten überwog, hing damit zusammen, dass die deutsche Fassung in der Endphase ihrer Erstellung eine starke Expansion des Quellenteils erfuhr. Diese konnte von polnischer Seite nicht mehr in dieser Form nachvollzogen werden, da eingestellte personelle und finanzielle Ressourcen auf einen geringeren Umfang hin berechnet waren. Andererseits legt die asymmetrische gegenseitige Wahrnehmung in den deutsch-polnischen Beziehungen eine umfassendere Information der deutschen Adressaten nahe, da dort die größeren Informationsdefizite herrschen¹. Dem nicht nur von der Gemeinsamen deutsch-polnischen Schulbuchkommission häufig beklagten Ungleichgewicht in der gegenseitigen Wahrnehmung konnte so entgegengewirkt werden.

Wie kann ein flexibler Einsatz im Unterricht gewährleistet werden?

Es sind drei Ebenen, die der Lehrerhandreichung ihre Struktur verleihen: Sachanalysen – didaktische Überlegungen – Materialien. Diese drei Elemente stehen aber keineswegs additiv nebeneinander, sondern sie kommunizieren miteinander. Diese Kommunikation lebendig zu realisieren, war eine der großen Herausforderungen bei der Schaffung dieses Bandes. Zusätzliche interessante Quellenfunde führten z.B. zu neuen didaktischen Überlegungen, die wiederum

¹ Die «Asymmetrie des Wissens» voneinander (W. Chrzanowski) rührt vornehmlich daher, dass die Rezeption polnischsprachiger Literatur in Deutschland selbst in Fachkreisen lange Zeit als verzichtbar galt. Dies war eine Folge der Geringachtung polnischer Geschichte, die sich auch auf die Schulbücher negativ niederschlug. Vgl.: Zernack K. «Zwanzig Jahre danach». Vorwort der Neuauflage der Empfehlungen für die Schulbücher der Geschichte und Geographie in der Bundesrepublik Deutschland und in der Volksrepublik Polen (= Bd. 22/XV der Schriftenreihe des Georg-Eckert-Instituts für internationale Schulbuchforschung). Braunschweig, 1995. S. 8.

dazu zwingen, die Sachanalysen zu erweitern. So wurde der methodisch zunächst eingeschlagene, von den Sachanalysen ausgehende Weg auch in der Gegenrichtung begangen, und dies nicht nur einmal.

Das Gerüst des Bandes erlaubt es den Lehrern, durch entsprechendes „Klettern“ auf diesen Ebenen die Handreichung sehr flexibel und effektiv zu nutzen. Der in deutsch-polnischer Geschichte kenntnisreiche Pädagoge wird sich ohne Umschweife die Quellen- und Materialangebote zunutze machen und sie in seinen Unterricht integrieren. Der weniger erfahrene Lehrer wird sich von den didaktischen Überlegungen anregen lassen. Der fachlich unsichere Lehrer kann sich mittels der kurzen und prägnanten Sachanalysen schnell und gezielt informieren. Erst wenn ein solcher Lehrer das Gefühl hat, kompetent zu sein, wird er entsprechende Themen in den Unterricht aufnehmen. Man darf davon ausgehen, dass deutsche Lehrer in ihrer Ausbildung in der Regel kaum mit der polnischen Geschichte in Berührung gekommen und polnischen Lehrern viele Aspekte der deutschen Geschichte des zwanzigsten Jahrhunderts ebenfalls nicht geläufig sind. Bei der Informationsgewinnung aus einer in bilateraler Kooperation entstandenen Lehrerhandreichung können die Pädagogen sicher sein, dass sich das Problem nationaler Einseitigkeit nicht stellt. Abgerundet wird das Angebot noch durch eine im Anhang beigefügte Zeittafel, ein Glossar, Aussprachehinweise, Hinweise auf Literatur, Internet-Adressen und audiovisuelle Medien.

Konflikte um Relationen und Wertigkeiten?

Bei binationalen Werken wird mit Recht darauf geachtet, dass die beiderseitigen Beiträge in einer Balance stehen, dass keine Seite dominiert und dass Bedeutungshierarchien, die jede Seite mit den ausgewählten Themen verbindet, berücksichtigt werden. Bei der Erstellung der Lehrerhandreichung wurden als Autoren der Sachanalysen strikt paritätisch neun deutsche und neun polnische Autoren beauftragt. Als Herausgeber fungierte ein deutsch-polnisches Gespann, das lediglich mit dem jeweils für den Materialenteil Verantwortlichen zu einem Trio erweitert wurde. Die Autorenschaft für Vorwort, didaktische Einführung und Einleitung wurden fair zwischen Deutschen und Polen aufgeteilt. Bis hin zur Präsenz von polnischen und deutschen Bezügen auf dem Coverbild wurde das Prinzip der Ausgewogenheit gewahrt. Weil sich die Handreichung in ihrem Materialenteil aber durchaus als eine Art «Steinbruch» anbietet, entfiel die Notwendigkeit, Relationen und Wertigkeiten der dort angeschnittenen Themen untereinander sowie im Bezug auf nicht aufgegriffene Themen streng zu kon-

trollieren und in einer Form zu reglementieren, wie dies in einem Schulbuch aus guten Gründen üblich ist. So ergab sich nie die Situation, in der Deutsche und Polen auf Redaktionstreffen nach Proporz Themen aushandeln oder unter Protektion stellen mussten. Mit Sympathie verfolgte die polnische Seite, dass in der deutschen Ausgabe besonders viele Quellen zu Polen Aufnahme fanden. Vieles wurde unter dem Gesichtspunkt der Pragmatik betrachtet. Die relativ geringe Dichte von Materialien zum Holocaust ist z.B. nicht als Zurückstufung der Bedeutung des Themas zu werten, sondern trägt schlicht dem Umstand Rechnung, dass dergleichen Materialien im Rahmen anderen Unterrichtsmaterials in Polen wie in Deutschland leicht verfügbar sind.

Sensible Themen?

Es ist in einer bilateralen Lehrerhandreichung durchaus legitim, Themen auszusparen, soweit dadurch keine «schiefen» Geschichtsbilder entstehen. Aus pädagogisch-didaktischen Gründen kann dies sogar geboten sein. Zwischen Deutschen und Polen im Redaktionsgremium gab es z.B. zunächst unterschiedliche Auffassungen bezüglich der Behandlung des Themas «polnischer Antisemitismus». Die polnische Seite sah wenig Sinn darin, Dokumente zu diesem Komplex in der Handreichung abzu drucken. Man sah keinen sachlichen Zusammenhang zur deutsch-polnischen Beziehungsgeschichte, befürchtete überdies, antipolnische Ressentiments zu stärken und damit die Intention der Handreichung zu konterkarieren. In einer intensiven Diskussion wurden didaktische und pädagogische Argumente ventiliert. Von deutscher Seite wurde vorgetragen, dass das auch in Deutschland kolportierte Stereotyp des «polnischen Antisemiten» sich in der Vorurteilsstruktur von Schülern finden könne und eine rationale Beschäftigung damit unabweisbar sei. Nachdem man sich im Redaktionsgremium über die Befürchtungen und Absichten, die sich mit dem Thema verbinden, verständigt hatte, fiel es leicht, entsprechende Quellen festzulegen. Deren didaktische Kommentierung bestand im Wesentlichen eben darin, die angesprochenen Vorbehalte und Intentionen namhaft zu machen.

Ein zweites Beispiel verbindet sich mit den Ereignissen in Bromberg kurz nach Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Es ist ein Kapitel der deutsch-polnischen Geschichte, über das deutsche und polnische Historiker relativ wenig Gemeinsamkeit in ihren Interpretationen erzielen konnten, das sogar bezüglich der Faktengrundlagen sehr umstritten geblieben ist. Das Thema ist für Verlauf und Wertung des Zweiten Weltkriegs nicht von Bedeutung und wird

aus diesem Grunde in deutschen Schulbüchern schon lange nicht mehr erwähnt. Die Schulbuchkommission hat sich niemals damit befasst. Man hätte es also in der binationalen Lehrerhandreichung getrost aussparen können. Als konträr aufgeladener deutsch-polnischer Gedächtnisort ist «Bromberg» andererseits präsent, um ihn ranken sich Mythen, er wurde verfälscht und instrumentalisiert, seine Untersuchung führt methodologisch an die Grenzen der «oral history» und verweist auf grundlegende Probleme bei der Suche nach der «historischen Wahrheit». In deutschen rechtsnationalistischen Kreisen werden unter dem Begriff des «Bromberger Blutsonntags» antipolnische Ressentiments gepflegt und dabei vielsagend darauf hingewiesen, dass Schulbücher die damaligen Ereignisse verschweigen würden¹. Eine filmische Dokumentation der Bromberger Ereignisse in einer deutsch-polnischen Koproduktion² hat dank ihrer behutsamen und facettenreichen Darstellung die Herausgeber ermutigt und in die Lage versetzt, sogar diese historische Begebenheit in die deutsche Fassung der Handreichung aufzunehmen.

In demokratischen Ländern übernimmt die Historiographie in der Regel die Funktion einer kritisch reflektierenden Begleitung der Erinnerungskultur. Von daher kann es nicht verwundern, wenn Autoren aus solchen Ländern Texte über die eigene Geschichte bewusst kritisch verfassen bzw. auswählen. Der Blick auf die Geschichte des Nachbarn kann – so zeigt die Erfahrung – durchaus milder ausfallen, da die o.g. Funktion nicht so vordringlich wahrgenommen wird. Es kann zum Problem werden, wenn Länder mit diesbezüglich unterschiedlichen historiographischen Traditionen zusammenkommen. In Zeiten nationaler Verfeindung galt nämlich das Herausstellen eigener Verfehlungen im Inland als «Nestbeschmutzung» und wurde vom feindlichen Ausland ausgeschlachtet und triumphierend als Beleg für die eigene moralische Überlegenheit genutzt. Dem Gegner wurde unterstellt, dass seine Verbrechen so groß sind, dass er sie gar nicht mehr bemänteln kann. Eine fruchtbare binationale Zusammenarbeit ist darauf angewiesen, dass der selbstkritische Umgang mit der eigenen Geschichte zumindest tendenziell von beiden Seiten praktiziert

¹ Krämer M. Keine Forschung im Störgebiet. Bromberger Blutsonntag. Deutsche Historiker machen um die Pogrome gegen Volksdeutsche im September 1939 einen großen Bogen // Junge Freiheit. 2009. № 37. Zugänglich über: <http://www.jf-archiv.de/archiv09/200937090455.htm> (4. Februar 2014)

² «Der Bromberger Blutsonntag». Film von Ute Bönnen und Gerald Endres. Erstaussstrahlung 1996. Manuskript des Films zugänglich über: <http://www.snafu.de/~endres/bromberg.htm> (4. Februar 2014)

wird. Es muss das Vertrauen bestehen, dass Offenheit im eigenen Umgang mit der Geschichte und das Ansprechen sensibler Themen nicht missbraucht wird, sondern durch Verständnis honoriert wird. Zuweilen erfordert dies den Mut, auch einmal in Vorlage zu gehen. Ein solches Vorgehen erweist sich in der Regel als sehr vertrauensbildend. Es unterstreicht aber erneut die Voraussetzung, dass sich die an einem bilateralen Vorhaben beteiligten Wissenschaftler dialogwillig und dialogfähig sind.

Das Problem der sprachlichen Übersetzung

Bilateral entstehende Werke sind in der Regel mit einem hohen Bedarf an Übersetzungsarbeit verbunden. Da unter den Bearbeitern vornehmlich Spezialisten für die gemeinsame Beziehungsgeschichte zu finden sind, mögen die vorhandenen Fremdsprachenkenntnisse die Möglichkeit eröffnen, die Diskussionen im Redaktionsgremium und in den Autorentams aus praktischen Gründen in einer Sprache zu führen. Dies war bei der deutsch-polnischen Lehrerhandreichung der Fall, wo sich die polnische Seite auf die deutsche Sprache einlassen konnte. Man sollte dies aber niemals als selbstverständlich betrachten. Bei der Übersetzung der Sachanalysen und der Quellen müssen hohe professionelle Standards vorausgesetzt werden, denn in Unterrichtsmaterialien sind Fehler, zumal grobe, nicht zu dulden. Die Vielfalt der Quellengattungen – man denke an Gedichte – verweist auf die hohen Anforderungen. Bei allem sind Übertragungen in eine andere Sprache immer auch Interpretationen, die Spielräume bieten, etwas zuzuspitzen, abzumildern, zu kaschieren oder zu verschärfen. Termini weisen in verschiedenen Sprachen manchmal selbst dann eine unterschiedliche Semantik auf, wenn sie – etwa wegen des gleichen etymologischen Ursprungs – ähnlich klingen. Eine Vollkommenheit der Übersetzung wird sich kaum herstellen lassen, allerdings ist Sorge zu tragen, dass die Übersetzung nicht instrumentalisiert wird, um Sachverhalte aus nationaler Sicht gesehen günstiger zu gestalten. Geregelte Kontrollverfahren bieten sich an, um dies zu verhindern. Das Projekt der deutsch-polnischen Lehrerhandreichung profitierte diesbezüglich von dem über Jahre gewachsenen engen Vertrauensverhältnis der Beteiligten, das Verletzungen der Fairness geradezu ausschloss. Zudem konnte man im Bereich der Terminologie auf früher entwickelte tragfähige Lösungen zurückgreifen. Eine Situation wie sie bei der Formulierung der «Empfehlungen» von 1976 noch auftrat, als z.B. ein Bestehen auf dem Terminus «Vertreibung» fast zum Abbruch des ganzen Unternehmens geführt hätte, war nicht mehr denkbar.

Fragen der Finanzierung

Binationale Unternehmungen im Bereich der Bildung sind zum Scheitern verurteilt, wenn sich die beiden Partner nicht auf gleicher Augenhöhe begegnen. Letzteres wird nur der Fall sein, wenn die Finanzierung paritätisch geregelt ist. Dies muss nicht bedeuten, dass das beidseitig zur Verfügung gestellte Budget gleich ist, denn Leistungen werden in Ländern oft unterschiedlich taxiert. Man wird auch generell die wirtschaftliche Leistungsfähigkeit eines Landes berücksichtigen müssen. Ein zweiter Aspekt ist, dass einem gemeinsamen Werk, in das man nicht selbst materiell investiert hat, eben durch diese Zurückhaltung automatisch ein geringerer Wert zugemessen wird. Gerade in den zwischenstaatlichen Beziehungen wird dem generösen Gönner mit Misstrauen begegnet. Für den Implementierungserfolg ist dies eine fatale Voraussetzung. Umgekehrt wird ein Land, das in eine Maßnahme investiert, darum bemüht sein, dass sie auch Wirkung zeitigt. Die Erstellung der deutsch-polnischen Lehrerhandreichung erfolgte im Rahmen der gemeinsamen Schulbuchkommission, deren Finanzierung nach den üblichen Regeln gleichberechtigter bilateraler Zusammenarbeit erfolgte. Ihnen gemäß bezahlt bei Zusammenkünften das gastgebende Land Unterkunft und Verpflegung, während die andere Seite ihre Fahrtkosten trägt. Druck und Publikationskosten übernahm jede Seite für sich. Honorare wurden nicht fällig, da alle beteiligten Autoren ehrenamtlich tätig waren.

Politische Rückendeckung

Die staatliche Bildungspolitik ist gut beraten, eine binationale Lehrerhandreichung nicht in Eigenregie herauszugeben. Staatliche Behörden fühlen sich an die «Staatsraison» gebunden und besitzen nicht den Spielraum, der auf dem Feld der Pädagogik unverzichtbar ist. Texte hätten unter diesen Umständen eher den Charakter diplomatischer Kommuniqués denn anregender, mitunter auch provokativer Beiträge. Das wissenschaftliche Urteil wäre als finales Kriterium für die Akzeptabilität von Texten ausgehebelt. Sinnvoller Weise werden Politiker ein solches Projekt einer NGO oder anderen Akteuren der Zivilgesellschaft überlassen, die sich ihrerseits an unabhängige Fachleute wenden. Eine wohlwollende Haltung der Politik gegenüber einem solchen Projekt erleichtert die Arbeit jedoch ungemein. Es wird unter diesen Umständen leichter sein, renommierte Fachleute für eine Mitarbeit zu gewinnen, da sie prestigeträchtiger ist. Ein Bildungsministerium kann durch entsprechende Empfehlung der Auf-

nahme der Schrift in den Schulen den Weg ebnen. Umgekehrt kann es bei Missliebigkeit die Verbreitung willentlich behindern. In einer funktionierenden Demokratie ist regierungsamtliches Wohlwollen keine Voraussetzung für den Erfolg eines pädagogischen Projektes. Es kann auch mit Unterstützung der parlamentarischen Opposition ihre Ziele erreichen. Die deutsch-polnische Lehrerhandreichung hat in beiden Ländern ausschließlich politischen Zuspruch erfahren. Bei der öffentlichen Vorstellung des Buches waren der Niedersächsische Landtagspräsident und der polnische Botschafter in der Bundesrepublik zugegen. Bei der Ehrung der Gemeinsamen Deutsch-Polnischen Schulbuchkommission durch die Außenminister der beiden Länder im Jahr darauf wurde die Lehrerhandreichung erwähnt und den Lehrern *expressis verbis* ans Herz gelegt.

Varianten der Distribution

In Polen wurde die Lehrerhandreichung im Auftrag des Bildungsministeriums in einer Auflage von 3.000 Exemplaren gedruckt und an die Schulen verteilt. Aufgrund der starken Nachfrage wurden kurz darauf noch einmal 3.000 Bücher nachgedruckt. Im Buchhandel war diese Ausgabe nicht erhältlich, was von Seiten der interessierten Öffentlichkeit moniert wurde¹. In Deutschland stellte das Georg-Eckert-Institut den Band in seine Schriftenreihe ein und sicherte durch diese Verlagspublikation (Auflage 2.200) die Verfügbarkeit in den Buchhandlungen. Die Bundeszentrale für politische Bildung übernahm das Buch als Sonderausgabe in ihr Programm und druckte es in einer Auflage von insgesamt 22.400 mehrfach bis zum Jahr 2007 nach. Auch fünf Landeszentralen für politische Bildung ließen kleinere Auflagen drucken. Sie gaben den Band vornehmlich an Lehrer kostenlos ab. Das polnische Bildungsministerium und bundesdeutsche Kultusministerien sprachen die Empfehlung an die Lehrerschaft aus, mit dem Band zu arbeiten.

Während der Entstehung der Handreichung kam durchaus der Gedanke auf, die Lehrerhandreichung in einer Internet-Edition frei zugänglich zu machen. Er wurde jedoch schnell verworfen, da die technischen Voraussetzungen zu dieser Zeit noch nicht hinreichend verfügbar erschienen, die Copyright-Fragen als sehr kompliziert eingeschätzt wurden und die Ursprungsplanungen einfach schon zu weit fortgeschritten waren.

¹ So in der Rezension von Joanna Wojdon in: *Śląski Kwartalnik Historyczny* «Sobotka». 2002. № 1. S. 111-113.

Aufschlussreich ist, dass die Auflagenzahlen bei den Nachdrucken stetig erhöht wurden. Die beteiligten Institutionen hatten offensichtlich zunächst nicht mit einer derart starken Nachfrage gerechnet. Diese baute sich sukzessiv auf. Ihre Dynamik legt nahe, dass der große Zuspruch, den das Buch erfuhr, primär durch «Mundpropaganda» unter Lehrern ausgelöst wurde. Lehrer sind eine zentrale Adressatengruppe der Zentralen für politische Bildung, welche die Distribution in Deutschland vornehmlich übernahmen. Die polnische Ausgabe ging per se ausschließlich an Lehrer. Man darf also vermuten, dass die Lehrer in beiden Ländern dieses Buch als ein überaus hilfreiches Unterrichtsmedium ansahen. Rezensionen hatten uni sono auf diese vermutete Eigenschaft des Bandes hingewiesen¹. Eine systematische Untersuchung zur Rezeption des Bandes durch Lehrer liegt allerdings nicht vor.

Der Geschichtsdidaktiker Karl Pellens machte noch auf eine andere Zielgruppe aufmerksam, als er in seiner Besprechung schrieb: «Ich bin sicher, dass viele Schulbuchautoren die Materialfülle wie einen gewaltigen Steinbruch ausnutzen werden»². Tatsächlich wanderten Quellen in reguläre Schulbücher ein³; ein Politikschulbuch übernahm das Cover-Bild der Lehrerhandreichung als Auftaktseite eines Kapitels⁴.

Die Lehrerhandreichung erlangte wegen ihres binationalen Charakters und als Bestandteil eines Modells von Konfliktbewältigung und Verständigung zwischen zwei Nationen internationale Aufmerksamkeit. Dies ging so weit, dass die Handreichung vollständig ins Koreanische übersetzt wurde⁵. Sie dient in Südko-

¹ Vgl. Rezensionen in: Amtsblatt des Hessischen Kultusministeriums. 2001. № 8. S. 539 (http://www.hessisches-amtsblatt.de/download/pdf_2001/alle_user/08_2001.pdf); Nord-Report. 2001. September. № 152. S. 7; Das Parlament. 2001. № 37-38. S. 6; Informationen zur politischen Bildung. 2001. № 273; Nowy Biuletyn Szkolny. 2001. № 8. S. 48; Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobotka». 2002. № 1. S. 111-113; Das Ostpreußenblatt. 2001. 28. Juli. S. 6; Zeitschrift für Geschichtsdidaktik Jahresband. Jahresband 2005. S. 290-293; «Auf nach Polen. Vorbereitung einer deutsch-polnischen Jugendbewegung» (= Schriftenreihe «Deutsch-polnische Werkstatt» 1) / Hrsg. vom Deutsch-Polnischen Jugendwerk. Berlin, 2003. S. 5.

² Rezension in: Yearbook 2002 of the International Society for History Didactics. S. 169.

³ Das Schulbuch «Europa im 20. Jahrhundert» (Cornelsen Verlag 2004) übernahm für sein Kapitel 8 zum Beispiel eine Karikatur.

⁴ Politik 2 – Ein Arbeitsbuch für den Politikunterricht / Hrsg. F. J. Floren. Paderborn, 2003. S. 269.

⁵ Erschienen in Seoul im Jahr 2002.

rea als Studienobjekt und als Muster für etwaige Übertragungen im ostasiatischen Raum. Der japanische Fernsehsender Nippon News Network-STV war bei der Buchvorstellung zugegen und strahlte schon am folgenden Tag einen Bericht über diesen neuen Markstein der deutsch-polnischen Schulbucharbeit aus. Zuvor hatte NNN-STV sogar den technischen Vorgang der Drucklegung aufgenommen. Die mit 10 Mio. Auflage zu den größten japanischen Tageszeitungen zählende Yomiuri Shimbun brachte am 28. Juni 2001 einen längeren illustrierten Bericht zum Erscheinen der Handreichung.

Unterschiede zu Lehrerhandreichungen nationaler Provenienz

Binationale Lehrerhandreichungen treten durchaus in Konkurrenz zu Produkten, die ebenfalls Beziehungsgeschichten bearbeiten, allerdings nicht aus einer bilateralen Zusammenarbeit heraus entstanden sind. Vergleicht man die bilateralen Handreichungen mit jenen nationaler Provenienz, so fallen mehrere Unterschiede ins Auge. Die Stärke des unilateralen Bandes besteht in seiner zielgenauen Anpassung an curriculare Vorgaben, Schulformen und Zielgruppen. Die didaktisch-methodische Bearbeitung erfolgt präzise entsprechend der definierten Lernziele und mündet in oftmals anspruchsvolle Unterrichtseinheiten, deren Angebote u.U. bis hin zum Tafelbild aufbereitet sind. Das Bemühen um eine nachbarschaftliche Verständigung soll diesen Projekten keineswegs abgesprochen werden. Stellt man sich allerdings gedanklich vor, wie ein solches Unterrichtsangebot von Schülern des anderen Landes aufgenommen würde, dann erkennt man sehr schnell die beschränkte Reichweite und die Enge des Konzepts. Dies kommt oft schon in der Gliederung zum Ausdruck. Nimmt man etwa die thematisch nahestehende Lehrerhandreichung des Staatsinstituts für Schulpädagogik und Bildungsforschung München zur Hand¹, dann sieht man die deutsch-polnische Beziehungsgeschichte in sechs Themen abgehandelt, die sich folgendermaßen ausweisen: nationale Gegensätze und Grenzstreit, Volkstumskampf und Revisionspolitik, Beziehungen im Zeichen der NS-Ideologie, Danzig als Konfliktherd, NS-Besatzungspolitik sowie Flucht und Vertreibung. Die Fixierung auf die Konfliktgeschichte ist eklatant. Ohne Dialog mit dem polnischen Gegenüber fällt es offensichtlich schwer, sich von alten Themen zu verabschieden, sich neuen zuzuwenden und Gemeinsamkeiten sowie Zukunftsthemen zu

¹ Ein Jahrtausend Partnerschaft und Konflikt. Teilband II. Deutsche und Polen 1918-1945/46. Lehrerhandreichung / Hrsg. Staatsinstitut für Schulpädagogik und Bildungsforschung München. Donauwörth, 2000.

finden. Man kann den deutsch-polnischen «Kampf um Danzig» sicherlich auch heute noch zum Thema des politisch-historischen Unterrichts machen. Dies sollte dann aber eher im Zusammenhang mit der Erörterung internationaler Problemlösungsstrategien geschehen, die sich z.B. nationalen Konflikten um Jerusalem oder Triest zuwenden, und nicht in einer Einfühlung in die nationale Befindlichkeit deutscher Urgroßeltern, zu der viele Schüler schon Aufgrund ihres Migrationshintergrunds keinen Bezug haben.

Es erweist sich auch, dass die Möglichkeiten, multiperspektivische Darstellungen und Deutungen zu präsentieren, im binationalen Austausch wesentlich einfacher sind. Dies gilt für die Beschaffung von Texten und Quellen, aber auch für die Überwindung eigener Denkblockaden. Die im Deutschen Polen-Institut herausgebrachten «Darstellungen und Materialien für den Geschichtsunterricht» zu Polen¹ hatten mit diesem Handicap nicht zu kämpfen, da sie von «Grenzgängern» zwischen Deutschland und Polen gemacht wurde. Sie erreichten in der Frage der Multiperspektivität die Qualität eines binationalen Werkes, mussten allerdings der Grundsatzentscheidung der Herausgeber Tribut zollen, Polen nur dort zu thematisieren, wo es curricular eine traditionelle Anbindung hat. Indem Polen auf diese Weise nur zum Gegenstand wird, wo es in die deutsche Nationalgeschichte hineinragt, hat es sich selbst die Chance verbaut, Einsicht und Spezifika des polnischen historischen Gedächtnisses gleichberechtigt zur Geltung zu bringen.

Zusammenfassung und Ausblick

Einer in der Nationalgeschichte verankerten Geschichtsbetrachtung, deren Merkmale die Behauptung einer vollkommenen Homogenität der eigenen Gesellschaft und eine latent feindselige Abgrenzung nach außen sind, kann im Rahmen einer binationalen Lehrerhandreichung der Boden entzogen werden. Auch wenn die didaktischen Reflexionen und die Materialien separat für die beiden nationalen Adressaten entwickelt werden, weisen sie aufgrund ihrer Entstehung im anregenden binationalen Dialog einen hohen Grad an Multiperspektivität auf, die für scheinbare nationale Selbstgewissheiten und einseitig evozierte Emotionen kaum Raum lässt. In der Überwindung von Abgrenzung, der Ausrichtung auf ähnliche Bewertungsmaßstäbe bei der Geschichtsinterpretation und

¹ Kneip M., Mack M. Polnische Geschichte und deutsch-polnische Beziehungen. Berlin, 2007.

der Zugrundelegung universeller Werte kann man eine Investition in eine gemeinsame europäische Zukunftsgestaltung sehen.

Indem die deutsch-polnische Schulbuchkommission mit ihrer Handreichung Lehrern in beiden Ländern nicht nur Hintergrundinformationen und historiographisches Material an die Hand gibt, sondern auch unmittelbare Angebote zur Umsetzung im Unterricht, geht sie weit über das hinaus, was sie bisher getan hat. Die Grenzen eines solchen Verfahrens waren den Beteiligten bewusst. Die Zielgruppen unterscheiden sich in Bezug auf ihren kulturellen Hintergrund sowie die traditionellen Unterrichts- und Lerngewohnheiten erheblich¹. Insofern kommt man generell nicht umhin, didaktische Erläuterungen und Quellenangebote auf das jeweilige Publikum auszurichten. Dem trug die Lehrerhandreichung Rechnung. Andererseits präsentiert sie in ihrer deutschen und polnischen Ausgabe einen beträchtlichen Fundus an Gemeinsamkeiten. Man darf davon ausgehen, dass dieser Fundus anwachsen wird, denn mit jedem Tag vermehrt sich unter den Auspizien der europäischen Einigung die Geschichte, die nicht nur faktisch, sondern willentlich als gemeinsame anzusprechen ist.

Die Vorstellung, dass Jugendliche in ehemals verfeindeten Ländern aus einem gemeinsamen Geschichtsbuch lernen, besitzt eine hohe Anziehungskraft und enorme politische Symbolik. Es gibt mehrere Gründe, dass ein solcher Gedanke im Falle Polens und Deutschlands prinzipiell realisierbar geworden ist und mittlerweile auch praktisch angegangen wird. Erstens befinden sich beide Länder in der gleichen politischen Bündniskonstellation, teilen die gleichen Werte und haben ihre Zukunftsgestaltung im Rahmen der EU in synchroner Weise ausgerichtet. Da Vergangenheitsdeutung immer auch gegenwartsverhaftet und zukunftsgeleitet ist, wirken diese Faktoren mächtig auf die überlieferten Geschichtsbilder ein und unterziehen sie einem steten Wandel. Zum Zweiten kommt hinzu, dass Deutschland und Polen mit der Gemeinsamen deutsch-polnischen Schulbuchkommission über eine Einrichtung verfügt, die über den Zeitraum von fast vier Jahrzehnten die Beziehungsgeschichte einer systematischen Revision unterzogen hat. Dabei befreiten sich die beiden Historikergemeinden von ihren konfrontativen Ausgangspositionen und Zweckbestimmungen, warfen Feindbilder über Bord, überprüften Vorurteile, differenzierten ihre Sichtweisen und stimulierten die Erforschung jener Bereiche der Beziehungsge-

¹ Vgl. dazu die entsprechenden Länderbeiträge in: *Historical Culture – Historical Communication. International Bibliography* / Hrsg. K. Pellens, S. Quandt, H. Süßmuth. Frankfurt/M., 1994. S. 183-222, 295-305.

schichte, die über die antagonistischen Aspekte hinauswiesen. Drittens lockerte sich auch in der Schulbuchhistoriographie das nationalstaatliche Paradigma, indem europäische Motive und transnationale Blickachsen in der Geschichtsbeachtung an Bedeutung gewannen. Viertens veränderte sich im Rahmen einer allseitigen Orientierung an internationalen didaktischen Standards sowie der Annäherung der Unterrichtskulturen das Format des Schulbuchs. Ein Arbeitsbuch, das sich essentiell durch kontrastierende Quellen, Multiperspektivität, Schülerorientierung und pluralistische Interpretationsangebote auszeichnet, kann von Binationalität wesentlich leichter durchdrungen werden als ein Leitfaden, der einem geschlossenen Narrativ folgt.

Die deutsch-polnische Lehrerhandreichung kann man ex post als eine Etappe auf dem Weg zu einem gemeinsamen regulären binationalen Schulbuch begreifen, denn es stärkte das Fundament der Zusammenarbeit, auf das ein solches Schulbuch angewiesen ist. Faktisch ist die Lehrerhandreichung entstanden, ohne dass ein reguläres gemeinsames Schulbuch auch nur am Horizont aufgeschieden hätte. Sie war ein eigenständiges Unternehmen und ein sich selbst genügendes Ziel. Sie weist eine Reihe von Vorteilen auf, die ihr selbst im Vergleich mit einem regulären Buch einen unverzichtbaren Platz im Medienangebot für eine geschichtliche Bildung mit transnationalem Anspruch zuweist.

Sie kann sich fast ausschließlich auf die Beziehungsgeschichte beziehen, während etwa ein Schulbuch das gesamte Curriculum abdecken muss. Die Geschichte des anderen Landes wird in ihr eher zusammenhängend als Kontinuum erkennbar. Sie unterliegt Seitenrestriktionen in geringerem Maße und muss Quellen auch nicht extrem verkürzen. Das «Aushandeln» des Raumes für Themen nach Proportz entfällt. Sie kann im Materialteil und in den didaktischen Hinweisen zielgerichtet auf die unterschiedlichen Adressaten ausgerichtet werden. Im Unterricht ist sie selektiv und thematisch flexibel einsetzbar. Der Lehrer kann mit ihr ein Thema intensiv oder weniger intensiv behandeln. Sie fügt sich in einen modernen Unterrichtsstil ein, der sich auf Quellenarbeit stützt. Sie unterstützt den Lehrer bei der Generierung eines individuellen Unterrichtsangebots, ist innovations- und experimentierfreudig und tut sich leicht, Themen interdisziplinär und fächerübergreifend darzustellen. Schließlich kann sie als «Lesebuch» die Selbsttätigkeit des Schülers anregen oder auch die Grundlagen für ein Referat liefern. Durch ihre methodisch strikt komparative Anlage animiert zur vergleichenden Betrachtung. Ihre Realisierung ist mit relativ geringem Aufwand möglich. Da sie sich keinen Zulassungsverfahren stellen muss, entfallen

bürokratische Hindernisse, die nur mit Hilfe aufwendiger Kontroll- und Leitungsgremien überwunden werden können. Ihre Entstehung ist nur mit einem geringen finanziellen Risiko verbunden, da die Kosten unvergleichbar geringer sind als für ein reguläres Schulbuch.

Diese Vorteile lassen eine bilaterale Lehrerhandreichung durchaus als eine Alternative zu einem bilateralen Schulbuch erscheinen. Es sind Umstände und Konstellationen denkbar, in denen die Handreichung deutlich vorzuziehen ist. Sie ist optimal kompatibel zu Konzepten des e-learning. In einer on-line-Präsentation kann das oben erwähnte «Klettern» auf verschiedenen Ebenen vorzüglich realisiert werden, links sind besser zu platzieren, audiovisuelle Quellen sind einfügbar, Textquellen sind ausdrückbar und müssen nicht kopiert werden. Die Verschränkung der beiden Sprachfassungen wäre problemlos möglich und würde im bilingualen Kontext gewiss begrüßt werden. Im Zusammenhang mit Ländern, die keine gesicherte demokratische Kultur aufweisen, die immer wieder in autoritäre und xenophobe Verhaltensweisen zurückfallen, die Zulassungen bürokratisch und restriktiv handhaben und Geschichtsunterricht primär zur Herstellung patriotischer Gesinnung missbrauchen, kann eine e-basierte Lehrerhandreichung sogar die wirkungsvollste Variante sein.

An die hohe politische Symbolkraft eines binationalen Schulbuches kann eine Lehrerhandreichung freilich niemals heranreichen. Die Reichweite, die ein zugelassenes Schulbuch aufgrund seiner hohen Auflage hat, wird sie bestenfalls via Internet erzielen und der Gefahr, im Ghetto der Bilateralität zu verharren, wird sie keineswegs so einfach entgehen wie das reguläre Schulbuch, das schon aus curricularen Gründen europäisch und global ausgerichtet sein muss.

Галина Ивановна Тимашова (Саратов)

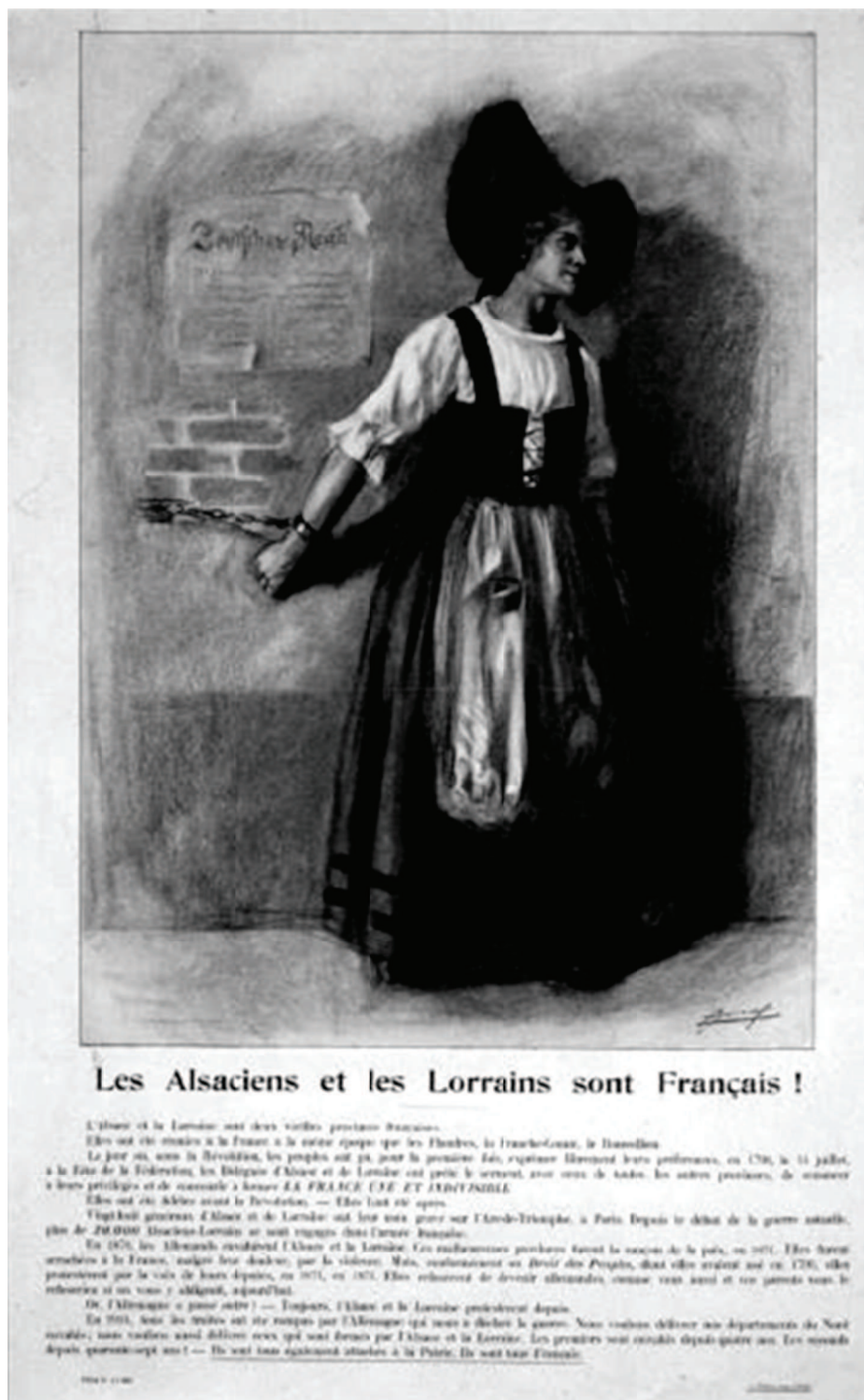
ФРАНКО-НЕМЕЦКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ЭЛЬЗАСЕ И ЛОТАРИНГИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Проблемы межэтнического взаимодействия в районах культурного пограничья приобрели необычайную злободневность на рубеже XX-XXI вв. Несмотря на процессы глобализации, в современном мире по-прежнему сохраняются острые этнические проблемы, наблюдается подъем национального самосознания и, как следствие, нередко происходит рост сепаратистских движений и дробление государств. Не обошли эти процессы стороной и Европу. Достаточно вспомнить о ситуации в республиках бывшей Югославии, особенно в Косово, бельгийских Фландрии и Валлонии, Северной Ирландии и Шотландии, Каталонии и Стране Басков, Восточной Украине и Крыме. Но даже в относительно спокойных и благополучных регионах проблемы сохранения этнической и культурной идентичности дают о себе знать.

Эльзас и Лотарингия являются как раз тем регионом, где национальный вопрос достаточно актуален. Своеобразный этнический облик этих областей, занимающих пограничное положение между Францией и Германией, порожден сложностью их исторического прошлого. На протяжении веков они были яблоком раздора между двумя величайшими европейскими державами, переходя из рук в руки¹. Земли Франкского королевства, перешедшие под власть Священной Римской империи, в XVII в. были захвачены французами, в XIX в. отвоеваны немцами. В 1871 г. по итогам Франко-прусской войны Эльзас и большая часть Лотарингии оказались присоединены к только что созданной Германской империи. Побежденная держава и ее народ были крайне раздосадованы утратой своих территорий, и их возвращение на долгие годы стало одной из первоочередных задач французской внешней политики, а затем – одной из основных целей Франции в Первой мировой войне. Приведенный здесь плакат, выпущенный в 1914 г. в Париже, олицетворял германскую оккупацию в образе эльзасской

¹ *Western J. Neighbors or Strangers? Binational and Transnational Identities in Strasbourg // Annals of the Association of American Geographers. 2007. Vol. 97. № 1. P. 158.*

женщины, рука которой прикована цепью к кирпичной стене. Его заголовок, набранный жирным шрифтом, гласил: «Эльзасцы и лотарингцы являются французами». Текст плаката настолько примечателен, что заслуживает воспроизведения полностью:

«Эльзасцы и лотарингцы являются французами!»
Плакат 1914 г.

«Эльзас и Лотарингия – две старейшие французские провинции.

Они были присоединены к Франции в ту же эпоху, что и Фландрия, Франш-Конте и Руссильон.

Во время Революции, в день, когда люди впервые смогли свободно выразить свои взгляды, на празднике Федерации 14 июля 1790 года, делегаты от Эльзаса и Лотарингии торжественно поклялись вместе со всеми другими провинциями отказаться от своих привилегий и способствовать формированию ЕДИНОЙ И НЕДЕЛИМОЙ ФРАНЦИИ (выделено в оригинале – *Г.Т.*).

Они были верными перед Революцией. Они были такими и после.

Около 28 имен эльзасцев и лотарингцев были выгравированы на Триумфальной арке в Париже. Впоследствии, в начале недавней войны более 20 тысяч эльзасо-лотарингцев были приняты на службу во Французскую армию.

В 1870 году немцы оккупировали Эльзас и Лотарингию. Эти несчастнейшие провинции стали расплатой за мир в 1871 году. Они были насильно вырваны у Франции, невзирая на их страдания. Но, в соответствии с правом наций на самоопределение¹, которым они воспользовались в 1790 году, они выражали протест голосами своих депутатов в 1871 и 1874 годах. Они отказывались становиться немцами, как вы сами и ваши родители отказались бы от этого, если бы вас заставили сегодня.

Однако Германия с этим не считалась! Но, несмотря на это, Эльзас и Лотарингия все равно протестовали².

В 1914 году все соглашения были разорваны Германией, которая нам объявила войну. Мы хотели освободить наши захваченные северные департаменты; мы хотели также освободить все земли Эльзаса и Лотарингии. Первые были оккупированы в течение четырех лет. Вторые – в

¹ Жители Эльзаса и Лотарингии были одними из первых, удостоившихся этого права в результате Великой Французской революции. Тому способствовал Филипп-Антуан Мерлен (Philippe-Antoine Merlin; 1754-1838) – видный юрист и политический деятель в годы революции, известный под именем Мерлен из Дуэ (Merlin de Douai). Он полагал, что единственным законным основанием для каких-либо претензий на суверенитет является свободное согласие людей.

² Это подтверждается тем фактом, что в Первую мировую войну эльзасцы и лотарингцы отказывались воевать в немецкой армии; их девизом было лаконичное выражение: «Без нас!».

течение 47 лет! Они все в равной степени привязаны к Родине. Они все Французы»¹.

Автором плаката был Люсьен Жона (1880-1947), официальный французский военный художник, много ездивший по фронту, и создавший тысячи рисунков карандашом и углем, картин маслом, эскизов и набросков, изображающих всеевропейский военный конфликт. Как и другие французы, он был убежден, что Эльзас и Лотарингия, юридически принадлежавшие в тот момент Германии, были захвачены ею незаконно, что они являются исконно французскими территориями, лишь временно оккупированными врагом, и что они должны обязательно вернуться в лоно Отчизны.

По итогам Версальского мирного договора, как известно, Германия была вынуждена уступить Эльзас и Лотарингию Франции. Затем, в годы Второй мировой войны, Третий Рейх вновь захватит эти территории. И лишь в 1945 г. Париж вернет себе власть над ними.

Все эти исторические потрясения и политические перипетии естественным образом отражались на местном населении, в том числе влияли на специфику самоидентификации и самовосприятия. Современные исследователи рассматривают идентичность как изменчивое и динамичное явление, в котором сочетаются относительно стабильные и непредсказуемые элементы, точнее преемственность и новации. Она представляет собой ментальную структуру, выстроенную из реальных и придуманных образов². Говоря о проблемах самоидентификации, необходимо отметить, что язык всегда был одним из главных маркеров коллективной идентичности. Конечно, идентичность человека не исчерпывается им одним. Но не будем забывать, что именно язык формирует наши мысли, что он служит для видимых и невидимых связей между людьми. Еще знаменитый Жюль Мишле отмечал, что язык является точным представлением гения народа, выражением его характера, а Мартин Хайдеггер именовал его «домом бытия». Согласно авторитетному мнению Питера Бёрка, «говорить на том же языке или диалекте, что и окружающие тебя люди, – простой и эффективный способ проявить солидарность; говорить на другом языке или диалекте – столь же эффективный способ про-

¹ «Les Alsaciens et les Lorrains sont Français!» (Paris: J. Cussac, 1914). Плакат. Цветная литография 74 x 45 см. Художник: Люсьен Жона.

² Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов, 2012. С. 241.

тивопоставить себя другим личностям или группам»¹. Что же представляет собой франко-немецкое языковое пограничье в Эльзасе и Лотарингии? Под влиянием каких факторов оно формировалось? И в чем состоит его специфика сегодня?

Древнейшую этническую основу эльзасцев и лотарингцев составили кельтские племена. К V в. местное население было покорено германским племенем алеманов и подверглось языковой ассимиляции. В эпоху раннего Средневековья немецкоговорящие Эльзас и северная часть Лотарингии стали частью Восточно-Франкского королевства, а затем – Священной Римской империи германской нации. Особый характер языка Эльзаса отмечался еще в первой четверти IX в., однако окончательно этот язык оформился в XII-XIV вв. В этот период впервые появились понятия «alsacien» и «elsasser sprog», обозначающие особый диалект, на котором говорили эльзасцы. Постепенно латинский язык в документах вытеснялся французским (Лотарингия) и немецким (Эльзас). Однако официальный язык резко отличался от разговорного. Так, основная масса эльзасского населения пользовалась в повседневной жизни местным диалектом немецкого языка. Причем школы служили его мощным форпостом. Распространение немецкого языка было связано с Реформацией. Например, в 1524 г. в Страсбурге было введено богослужение на немецком языке. Французский же язык активно распространялся в Эльзасе и Лотарингии после эмиграции туда гугенотов. Его стали преподавать в некоторых школах Страсбурга; появились французские книги. Однако большинство населения продолжало говорить на местных диалектах.

Активное внедрение немецкого языка в регионе происходило уже после Франко-прусской войны. Согласно статистике, в начале XX в. население «Reichsland Elsaß-Lothringen», именно так официально именовали тогда Эльзас и Лотарингию, было преимущественно немецкоязычным. По данным переписи, в 1900 г. там насчитывался 1.492.347 жителей (86,8%), говоривших на немецком языке и его диалектах, и 198.318 жителей (11,5%), пользовавшихся в обиходе французским. Говорить по-французски и официально заявлять об этом в тот момент означало де-

¹ Бёрк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени // Новое литературное обозрение. 1999. Т. 36. № 2. С. 6.

монстрацию своих профранцузских взглядов и одновременно подчеркивание принадлежности к буржуазии¹.

Картина резко меняется после Второй мировой войны. В Эльзасе и Лотарингии начинается официальная борьба за господство французского языка. Он становится единственным языком государственного управления и школы. Немецкий язык в школах запрещается государственным вердиктом; он не преподается даже как иностранный².

Правительство республики стимулирует интенсивную иммиграция в Эльзас из других частей Франции, и особенно из ее колоний, с целью изменить этническую картину. «Во Франции нет места региональным языкам», – это заявление президента Жоржа Помпиду, сделанное в 1972 г., звучало как приговор и выглядело как оправдание языковой политики, проводимой во Франции. Напомним, что уже с 1539 г. французский язык становится официальным в правовых актах. На протяжении нескольких веков после каждого нового территориального завоевания французский язык сразу же принимал статус официального, лишая тем самым юридической легитимности существование местных языковых практик. Так, например, это произошло в 1683 г. во Фландрии³. Один из языковых диалектов заменил все остальные. Он стал общенациональным в противовес множеству других языков и наречий, бытовавших во Франции. Если в соседней Швейцарии государственная жизнь была построена на принципе един-

«Говорить на французском шикарно».
Карикатура, отражающая
подавление немецкого языка
после Второй мировой войны

¹ Режим доступа: <http://www.verwaltungsgeschichte.de/elsasslothringen.html#bevoelkerung/> (дата обращения: 15.01.2015).

² Ungerer T. Mon Alsace. Strasbourg, 1997. P. 62.

³ Lienhard M. Histoire et aléas de l'identité alsacienne. Strasbourg, 2011. P. 98.

ства в многообразии¹, то Франция увидела объединение в однородности, несмотря на то, что она исторически является страной большого лингвистического разнообразия. Она ввела понятие уникальности языка и руководствовалась концепцией создания единства путем строительства общей языковой идентичности. Это, в конечном счете, создало определенные проблемы для этнических меньшинств во Франции².

Лишь в 1972 г. был снят запрет на преподавание немецкого языка как иностранного в школах Эльзаса и Лотарингии. Но при этом преподавание немецкого как родного не допускалось. В 1976 г. положение несколько изменилось: в сфере употребления родного языка появились некоторые послабления. Однако особая идентичность эльзасо-лотарингцев к этому времени уже была сильно разрушена. В среде среднего и старшего поколения употребление эльзасского диалекта и литературного немецкого языка еще широко распространено. Но лишь часть молодежи теперь говорит на нем. Только в начале 1990-х гг. были открыты двуязычные школы. В настоящее время в них учится 13.000 детей.

Разговорным языком большинства эльзасцев сегодня является местный диалект немецкого языка «Elsässerdeutsch». Профессор Иген Филлипс сказал, что он воплощает собой «душу эльзасца». Диалект возник из смешения различных говоров (явление, очень характерное для стран немецкого языка). По имеющимся данным, на нем говорит сегодня 600.000 человек, хотя этнических эльзасцев – два миллиона. Существуют организации, борющиеся за свою лингвистическую самобытность, они всеми силами хотят сохранить эльзасский диалект. Вновь возникают некогда запрещенные раньше театральные и музыкальные группы, есть поэты и писатели, пишущие на диалекте.

Исключительно на немецком языке и его диалектах в Эльзасе сегодня изъясняется 32% жителей. Остальная часть населения, кроме диалекта и немецкого языка, пользуется и французским. Большинство журналов и газет, в том числе все политические, издается в Эльзасе на немецком языке, лишь некоторые справочные журналы – на французском и немецком. Тираж немецких журналов и газет составляет 350 тыс., французских – око-

¹ См.: Клоков В. Т. Французский язык в Швейцарии. Саратов, 2009. С. 25-48.

² Thogmartin C. Belgium, Switzerland, and Luxembourg: How French Fits In // The French Review. 2008. Vol. 81. № 6. P. 1119.

ло 65 тыс. Французские авторы считают, что эти цифры довольно точно отражают соотношение немецкого и французского языков в Эльзасе¹.

Несмотря на это, в 1992 г. правительству республики удалось «закрепить» французское одноязычие. Несмотря на упоминание в официальных документах региональных языков, принципиально для них ничего не изменилось².

В противоречивой вековой борьбе посредством языка за эльзасо-лотарингскую идентичность ясно видится, конечно, серьезное немецкое влияние. И если на приведенном в начале статьи плакате обосновывался исконно французский характер региона, то немецкое общественное мнение было настроено диаметрально противоположно. В сохранении лингвистических традиций виделась «своя» борьба за территории. Некоторые немецкоязычные жители Эльзаса отмечали: «Мы были немцами 700 лет. После аннексии Францией в 1648 году она пыталась, но не смогла, по-настоящему “офранцузить” нас за 250 лет»³.

Шестидесятилетие присоединения Эльзаса к Франции широко отмечалось на государственном уровне. В Париже праздник именовали Днем Освобождения. Но официальные патриотические чувства и радостный настрой разделяли в тот момент далеко не все эльзасцы, в том числе и те, кто не хотел бы возвращения провинции в сферу немецкоязычного мира. И это не удивительно, поскольку долгие годы после Второй мировой войны они были свидетелями жесткой политики ассимиляции и подавления эльзасского национального самосознания⁴.

Невероятно сложная конструкция идентичности эльзасцев и лотарингцев по-своему трактовалась немецкими и французскими авторами. Это не случайно. Эльзасско-Лотарингский вопрос исторически обременен мифами, во многом порожденными, а затем искусственно подогреваемыми пропагандой. Эти представления постепенно оформились в официальные и непримиримые друг к другу точки зрения. В вековой немецко-французской борьбе за право владеть желанной территорией, не учитывались интересы обычных жителей, ставших, по сути, жертвами

¹ *Bister-Broosen H.* French-German Bilingual Education in Alsace University of North Carolina, Department of Germanic Languages. Chapel Hill, 2011. P. 5

² *Klein P.* Comment peut-on être Alsacien? Essai sur l'identité française. Strasbourg, 2012. P. 75.

³ *Western J.* Op. cit. P. 161.

⁴ *Klein P.* Op. cit. P. 45.

борьбы между двумя государствами. Они стремились сохранить, но в итоге теряли собственное «Я» среди политических противоречий.

Сегодня исторический эльзасский диалект бережно сохраняется старшим поколением жителей региона как самое дорогое культурное достояние, в то время как современное молодое поколение стремится к бинациональному, билингвистическому единству немецкого и французского языков. Территориальная борьба закончилась, но продолжается борьба внутренняя – психологическая и культурная – за право быть не немцем или французом, а сохранить собственную идентичность. И все же нам следует говорить о перекрестных идентичностях населения региона, о смешении в них разных элементов, в том числе лингвистических.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Плеве И. Р.</i> Предисловие	3
<i>Слесаренко А. Н.</i> От Эльбы до Енисея: судьба немецких наемников в армии Карла XII	5
<i>Stellner F.</i> Mitteleuropäer und die Entstehung der Akademie der Wis- sensschaften in St. Petersburg	18
<i>Абакумов О. Ю.</i> Против мятежей и революций (немецкий актер и русский император)	37
<i>Дённингхаус В.</i> «Без вины виноватые...»: Крестьянский поземель- ный банк и дискриминация нерусского крестьянства	52
<i>Шор Т. К., Ковалев М. В., Воронежцев А. В.</i> Давид Давидович Гримм и его воспоминания	72
<i>Ковалев М. В.</i> Профессор Д. Д. Гримм и барон М. А. Таубе: два взгляда на академические свободы	93
<i>Soběhart R.</i> Die Beziehung Willy Brandts zur Sowjetunion in der Zeit seiner Emigration (1933-1947)	110
<i>Мизис Ю. А.</i> Побег военнопленных немецкой армии из советских лагерей в период Второй мировой войны (на примере лагеря № 188, станция Рада, Тамбовская область)	120
<i>Ковалев М. В. А. В.</i> Флоровский и его немецкие корреспонденты	136
<i>Соби П.</i> «Красный монастырь» на Шпрее: советизация высшего образования в ГДР (на примере Высшей школы экономики в Берлине)	184
<i>Нагорная О. С.</i> Академическая мобильность в пределах железного занавеса: восточногерманские студенты в советских вузах	200
<i>Пахомова А. В.</i> Das War ein Land: воспоминания о научной стажир- ровке в ГДР в 1978/1979 гг.	214
<i>Maier R.</i> Binationale Lehrerhandreichungen – Wegbereiter oder Alterna- tive zu einem gemeinsamen Geschichtsschulbuch? Deutsch- polnische Erfahrungen	226
<i>Тимашова Г. И.</i> Франко-немецкое языковое пограничье в Эльзасе и Лотарингии: к истории вопроса	246

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СТРАТЕГИИ
РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Сборник научных трудов

Под редакцией М.В. Ковалева и И.Р. Плеве

Редактор З.И. Шевченко

Компьютерная верстка Ю.Л. Жупиловой

Подписано в печать 30.12.2014

Формат 60×84 1/16

Бум. офсет

Усл. печ. л. 16,0

Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 500 экз.

Заказ 71

С 42

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина
410054, Саратов, Политехническая ул., 77.

Отпечатано в Издательстве СГТУ. 410054, Саратов, Политехническая ул., 77.

Тел.: (8452) 24-95-70, 99-87-39, E-mail: izdat@sstu.ru